

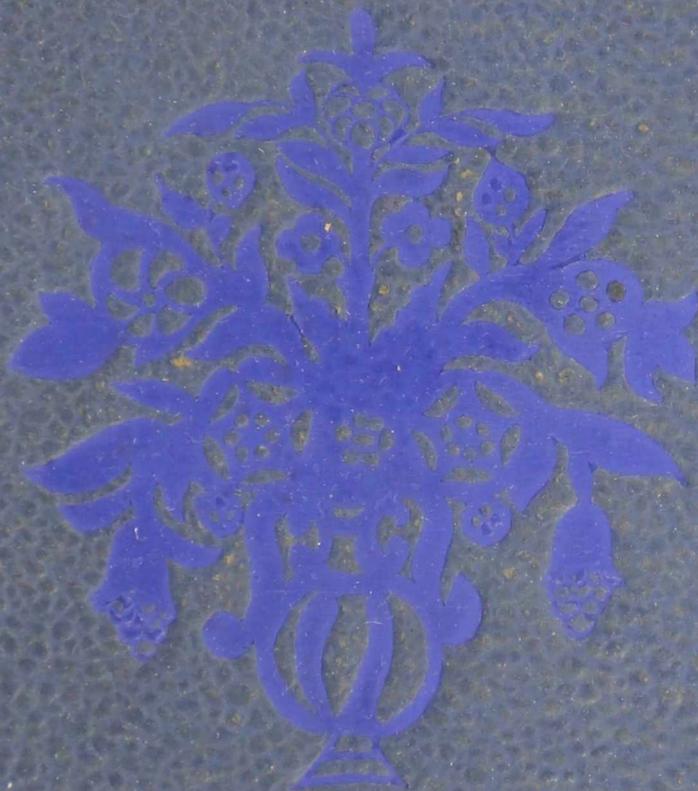
7501
К-67

П. КОРНИЛОВ

АРЗАМАССКАЯ

ШКОЛА ЖИВОПИСИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

И. М. Горбуное

Портрет А. В. Стулина.

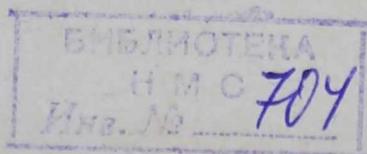
1521
К-67

752
К67

Ш. КОРНИЛОВ

АРЗАМАССКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ

ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИСКУССТВО“

ЛЕНИНГРАД <1947> МОСКВА

БИБЛИОТЕКА
1230

**ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТОЙ
ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА.**

А в т о р.

*«К живым мы должны быть внимательны,
к мертвым справедливы».*

Вольтер

К изучению Арзамасской школы живописи мы подошли в нашей работе не случайно. Встречая работы этой школы, преимущественно в портретах, мы, естественно, обратились к существующей печатной литературе. Скучность последней заставила нас обратиться к архивным материалам. В результате этих работ, начатых нами в 1921 году, были наши публикации об отдельных представителях этой школы.* Теперь весь собранный и изученный материал позволяет нам объединить его в одной работе и попытаться поставить проблему изучения художественной культуры нашей провинции первой половины прошлого столетия.

Литература об Арзамасской школе сравнительно значительна по количеству, но бедна по своему содержанию. Большое число газетных и журнальных заметок на разный лад повторяет общие места из опубликованной автобиографии основателя школы А. В. Ступина, допуская те или иные сокращения, отступления и даже ошибки. Повидимому, существовал ряд «Записок» А. В. Ступина, приуроченных к разным хронологическим датам, вернее, списков с первоначальной рукописи с позднейшими к ней дополнениями.

* См. библиографический указатель.

О «Записках академика Ступина», написанных им в 1847 г., принадлежавших наследникам любителя-художника Ник. Дм. Быкова (умер в 1884 г.), есть упоминания в «Русской старине». Повидимому, записки позднее перешли в собрание московского собирателя Щукина и послужили материалом для публикации в очередном сборнике.**

В журнале «Иллюстрация» в 1862 г., после смерти А. В. Ступина, были напечатаны выдержки из его «Записок» с примечаниями Н. Рачкова. Тождественность последних с «Записками» 1847 г. свидетельствует о том, что они послужили основным материалом для глав статьи в «Иллюстрации».

Этот мемуарный материал является одним из основных для изучения и построения истории Арзамасской школы. Материал богат фактическими справками; к недостаткам же его следует отнести лирические отступления—выражения подобострастия и преданности Академии Художеств. Тем не менее, этот документ имеет для нас большое историческое значение.

«Предпринимая написать записки моей жизни, я не имел в виду, чтобы представить что-либо особенное и редкое», — писал А. В. Ступин.*** — «Я весьма долго колебался, чувствуя в таком труде мою слабость, не будучи приготовлен к нему надлежащим образом, не зная ни грамматики, ни правил красноречия, так как мне дано воспитание скудное, что из описания жизни моей видно будет, но ободрил себя тем, что пишу это не для света, каковой любопытности жизнеописание мое и не заслуживает, а для моего семейства и родных и друзей своих, и на 72 году жизни моей...»

Другим мемуарным памятником, где мы находим данные о школе и об ее основателе, являются записки ученика школы И. К. Зайцева,**** в которых затронута более ранняя эпоха—30-х годов.

Первую попытку в наше время подойти к изучению Арзамасской школы сделал писатель В. Г. Короленко, который в 1890 г. совершил свою поездку в Арзамас в целях собирания материалов для задуманной им повести «Арзамасская Муза».***** Вторая попытка

* См. оттиск из «Русской старины», СПб., 1885 г., «Андрей Никифорович Вороныхин. Строитель Казанского собора в С.-Петербурге», стр. 8.

** Щукинский сборник. Выпуск третий. М., 1904, стр. 369—482.

*** Там же, стр. 369.

**** Воспоминания старого учителя И. К. Зайцева. 1805—1887, «Русская старина», 1887 г., июнь, стр. 663.

***** В. Г. Короленко в Арзамасе был на пути в Керженец. Он воспользовался остановкой для собирания материала для задуманной им повести, тема которой была внушена подлинным архивным делом о самоубийстве в 1828 г. Григория Мясникова — ученика школы Ступина.

М. П. Грацианова вспоминала: «В Арзамасе Владимир Галактионович разыскал дом, где жил Ступин, и был глубоко возмущен тем, что изобра-

принадлежит Н. Н. Врангелю,* который в 1902 г. совершил поездку в Арзамас, застал там еще уцелевшее здание школы, занятое церковно-приходской школой, но значительных открытий и находок им там сделано не было. Он первый подошел к частичному изучению архивного материала, касающегося школы, в архиве Академии Художеств. Надо думать, что работы его в архиве Академии натолкнули его на Ступинскую школу и побудили его совершить паломничество на родину последней.

По литературным указаниям послеоктябрьского периода** мы можем заключить, что над темой изучения Арзамасской школы в Нижнем-Новгороде работал слушатель Московского археологического института И. Матюнин. Работа эта была дипломной и была награждена золотой медалью. Рукопись находилась у автора.

Когда эта книга была подписана к печати в 1941 году, мы получили работу М. П. Званцева.*** Автор по следам наших ранних публикаций сделал попытку дать популярный литературный очерк об А. В. Ступине как основателе школы. Мы там не нашли для себя новых материалов.

В первой стадии работы мы стремились расширить наши знания об отдельных представителях этой школы, вскользь упомянутых в работе Н. Н. Врангеля. Так появились наши этюды (результат изучения литературы, архивных материалов и произведений художников): о Р. А. Ступине, Н. М. Алексееве, В. Щеголькове (в связи с его портретом Н. И. Лобачевского), М. П. Коринфском (о его работах в Арзамасе и Симбирске), В. С. Турине (о новых его работах в области гравюры) и др.

Нам посчастливилось отыскать ряд произведений Ступинской школы и, что особенно ценно для нас, рукопись «Курса живописи и рисования» Р. А. Ступина, а также изучить архивные материалы Казанского университета, Академии Художеств и Общества поощрения художеств и, наконец, посетить в 1929, 1936 и 1938 гг. Арзамас и Нижний-Новгород.

жение музы на стене дома было замазано, потому что она приходилась против церкви, против иконы, и неприличным нашли оставлять изображение «языческой девицы» против храма. Короленко много расспрашивал о Ступине, разыскивая картины его и его школы». Еще раньше, в феврале того же 1890 г., В. Г. Короленко, работая по ликвидации последствий голода, проездом пробыл в Арзамасе два часа. В его записной книжке мы находим запись: «Ходил опять к дому Ступина. Находится он между 3-х улиц: Спасской, Стрелецкой и Прогонной (Муза на Прогонной)». (В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1890). М., 1935, стр. 215 и 451).

* «Русский архив», 1906 г., кн. первая, стр. 432.

** В. А. Ликин, Художники-живописцы в Нижнем-Новгороде, стр. 275.

*** М. Званцев. А. В. Ступин. Арзамасская художественная школа. ОГИЗ. Горьковское издательство, 1941 г.

В результате этих длительных, перемежающихся работ, начатых, как было упомянуто, в 1921 г., был собран значительный материал, который в настоящее время обработан по трем основным разделам: Арзамас конца XVIII и начала XIX веков, А. В. Ступин, школа и ее ученики.

«Арзамасская школа живописи» была заманчивой темой для изучения художественного наследия провинциального искусства, искусства забытых крепостных мастеров, чьи скромные, но искренние по своему выполнению работы давно привлекали наше внимание. Ступинская школа была единственным рассадником художественных знаний для крепостных талантов, в большинстве забытых историей. Наконец, изучение провинциальных художественных школ нам представлялось интересным с точки зрения решения некоторых вопросов русского искусства вообще, а также раскрытия ряда имен художников, чьи произведения в наших музеях включены в группу «исопни». Таким и до сих пор загадочным художником остается для нас Зиновий Иванов, чьи работы не раз привлекали внимание историков искусства.* Неполнота наших знаний о провинциальном искусстве не позволяет нам сделать окончательный вывод, но нам думается, что предположение о близости к школе Арзамаса З. Иванова вполне оправдано. Изучая Арзамасскую школу, мы теперь твердо связываем с ней Ф. Мелентьева — автора очень характерного холста с бытовой темой, обратившего на себя внимание еще в 1916 г. Мы имеем также все основания связывать первые творческие шаги великого украинского поэта и художника Т. Г. Шевченко в Петербурге 30-х гг. с нашей Арзамасской школой, так как известный «мастер» Ширяев, у которого он учился, был учеником Ступина, в этой же мастерской работал вместе с ним другой воспитанник школы — Бобров, и здесь же с ним встречался третий ученик Ступина — И. К. Зайцев, оставивший нам мимолетные воспоминания о Шевченко.**

Изучение Ступинской школы позволило нам связать ее с именем художника А. Г. Венецианова, которой по достоверным материалам, публикуемым нами, содействовал ей всеми возможными средствами. Таким образом, упоминание А. В. Луначарского, в предисловии к изданию писем А. Г. Венецианова*** об истоках

* П. Эттингер, Зиновий Иванов, «София», № 5, 1914 г.

П. Дульский, Архитектор Коринфский, в сборнике «Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851», Казань, 1928, стр. 9—10.

** П. Корнилов, Т. Г. Шевченко и Арзамасская школа живописи первой половины XIX века (к вопросу о генезисе творчества), «Арзамасская правда», № 42, 1939 г., стр. 3, и в журнале «Образотворче Мистецтво», № 4, 1939 г., стр. 12.

*** Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников, М.—Л., «Academia», 1931, стр. 8.

«интересной провинциальной Арзамасской школы», ныне подкреплено фактическим материалом.

Материалов о крепостных художниках очень мало, они всегда отрывочны, а подчас и анекдотичны. Изучая Арзамасскую школу, мы изучаем крепостных людей. Этот характер школы отмечал и сам А. В. Ступин; то же наглядно подтверждают и реестры его учеников, дошедшие до нас. Один из учеников-крепостных (И. Зайцев) оставил нам мемуары—источник правдивый и насы-

Прошил по Бумаге; Друзья мои
хорошо знают и даже великой пошлости
кв - в. пошлости всея природы
Ваше Должно пошлость и пошлость
идеальности и идеальности
Мин. и Друзья мои Епаровичи
жесткие манеры и жесткие
Друг и друг и всеобщее
прошито

щенный сведениями, которого так не доставало и который нам служит исходным материалом для суждения по ряду ранее спорных вопросов.

Ступинская школа сохранила нам десятки имен крепостных художников-учеников. С ней была связана их творческая работа. Она же была и свидетелем трагических событий в их жизни. Ученик школы Григорий Мясников—крепостной господина Гладкова, проявивший большие способности, обратил на себя внимание Общества поощрения художеств, которое, видя его успехи, изъявило согласие выкупить его у помещика за 2000 рублей. Помещик не согласился на эту сделку и потребовал художника к себе; заставил его учиться поварскому искусству на кухне,

приказывал снимать с себя сапоги, чесать пятки. Измученный художник бежал к Ступину. Помещик послал за своим «добром» бурмистра, но водворенный обратно беглец снова бежал, опять был возвращен и, не найдя выхода, покончил с собой в картинной галлерее школы, оставив трагическую записку (см. стр. 9).

Такой же тяжелой картиной разворачиваются перед нами длительные испытания Василия Раева — ученика школы, который долго добивался получения возможности выкупа у своего помещика, видевшего в нем «ходкий товар» и не спешившего его продавать, в надежде повышения размера выкупа. Только вмешательство прогрессивных влиятельных лиц в это дело развязало узел и помогло талантливому художнику пойти своей настоящей дорогой.

Несколько по-иному сложилась судьба другого ступинца — И. К. Зайцева, также много пережившего, прежде чем стать «вольным человеком».

Жутко звучали указания Академии Художеств о свободных и несвободных учениках. Бесчеловечны и несправедливы были акты награждения медалями свободных и только отзывами «крепостных», хотя их было большинство, и среди них, по указаниям самого Ступина, были наиболее творчески одаренные личности. И немудрено, ибо в ученье помещики отдавали только тех крепостных, которые действительно оказывались способными; «вольные» же приходили обычно по своим влечениям, и среди них были и малоспособные, которые ждали от школы лишь ремесленных навыков для профессиональной работы будущих иконописцев.

Большой «отсев» крепостных учеников, которые по окончании школы не шли своим прямым путем, в конце концов разочаровал А. В. Ступина, и он стал избегать крепостных.

Мы находим в его сообщении в Академию Художеств в 1847 г. такие слова: «По возвращении моем из С.-Петербурга принял я троих воспитанников свободного состояния, отдавали еще троих крепостных, но я отказался, потому что впоследствии по званию своему не то делают из них назначение».

Такое безысходное положение крепостных художников, конечно, не способствовало их росту. Некоторые рано кончали свою жизнь, отравляя себя алкоголем, как И. Горбунов. Другие вступали на путь бунтарства и мщения помещику за свою судьбу (напомню трагедию крепостного художника Сороки).*

Не было ни одной области искусства, где бы крепостной художник не приложил своего дарования. Одна из задач нашей работы — розыски и опубликование произведений крепостных художников.

* И. Мончадская, Альбом рисунков крепостного художника Григория Сороки. «Материалы по русскому искусству», т. I, стр. 215—220.

Высокое, парадное по форме искусство, призванное укреплять позиции правящего класса, в произведениях крепостных мастеров медленно, еле заметно видоизменялось в сторону правдивости и реализма.

«Не умея льстить и будучи по натуре реалистом, в прошлом опираясь на фреску, лубок, деревянную народную скульптуру, поражающие своею жизненностью, «крепостной» художник бес- сознательно подготовил позднейший расцвет группы передвижников и появление Перова».* В этих словах есть доля правды. В образах народного искусства, окружавшего крепостного художника, он рос, находил близкое себе и формировал свое творческое чутье, привыкал чувствовать форму и красоту. Особенно это применимо к нашим «арзамасцам», которые были окружены разнообразнейшими источниками народного творчества в самом Арзамасе и в округе, начиная от искуснейшей резьбы по дереву, центром которой в XVIII веке и первой половине XIX века был Арзамас. Гончарное искусство, изразцовое производство, производство кумача и шелка, набоечное производство, ковровое, войлочно-набивное («кошмы рисованы»), кружевное, золотошвейное, художественное вязанье, искусство медников и т. п., — все это давало им свежие и острые переживания искусства широких народных масс.**

* Бабенчиков, Искусство крепостных, «Красная нива», 1926 г., № 37, стр. 14—16.

** См. Д. В. Прокопьев, Художественные промыслы Горьковской области. Горький, 1939.

АРЗАМАС КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВЕКА

«Арзамас городок — то Москвы уголок».

Русская пословица

В XVI веке, во время продвижения московских войск к татарской Казани, на месте Арзамаса было уже поселение с деревянной крепостью и башнями. При царе Михаиле Федоровиче и до Петра Арзамас сохранял за собой значение укрепленного города. В 1708 г. он был приписан к Казанской губернии, в 1719 г. — к Нижегородской, а в 1779 г. «назначили его уездным городом», каким он и оставался в интересующую нас эпоху.

Арзамас был вызван к жизни и развитию благодаря своему центральному местоположению на Большом Московском почтовом тракте, шедшем через Владимир и Муром. Тракт этот в Арзамасе разделялся на Большой Саратовский, идущий на Пензу и Саратов, Симбирский — на Симбирск, Оренбург и Уральск. На Нижний-Новгород тоже шел тракт, а на Макарьев лежала большая дорога. Всех трактов в Арзамасе сходилась до десяти. По этим дорогам помещики ездили в свои черноземные поместья. Зимой тянулись бесконечные обозы, груженные рыбой. Летом на Нижегородскую ярмарку со всех концов России тянулись обозы с различными товарами.

Постоялых дворов было свыше сотни; сенный ряд, слобода с ямщиками, шорные и каретные производства были созданы для нужд проезжающих.

Арзамас расположен на гористом месте у реки Теши, впадающей в Оку. От Москвы он находится в 417, от Петербурга — в 1144 и от своего губернского города — в 109 километрах. К 1814 г. в Арзамасе насчитывалось свыше 30 каменных церквей. Недаром гр. В. А. Соллогуб, проезжая в 1822 г. через город, занес в свой дневник: «направились на Арзамас, где снова ожидала меня неожиданность. Много видел я в Москве церк-

вей, но в Арзамасе, кроме церквей, ничего не видел. Кое-какие домишки исчезают там под торжественным давлением куполов, колоколен и башен».*

«Ярко вызолоченные кресты и главы и белоснежные стены церквей ослепительно блещут на солнце, и город представляется одним громадным монастырем: так он переполнен церквами», — пишет о нем другой автор.**

Арзамас виден издалека. «Есть местность, откуда он виден за 60, 25 и 17 верст, а за 10 верст он ясно виден уже весь и не скрывается из вида во все время пути»***

Самой природой Арзамас разделен на две части: расположенная на горе называется верхним базаром, а расположенная внизу, под горой, — нижним базаром. От заставы в гору шла почти посередине города Сальникова улица, самая многолюдная и красивая. По сторонам ее, на самом скате, расположен Гостинный двор, от которого тянутся лавчонки.

Посередине города находилась большая площадь, на которой стояли Воскресенский собор и Введенская церковь, густо обстроенные каменными домами. Сторона к нижнему базару ограничена стеною Николаевского женского монастыря. В городе есть еще два монастыря: Спасопреображенский и Алексеевский. Первый из них основан в 1555 г., второй — при Михаиле Федоровиче, а Николаевский — в 1606 г. Обе части города Арзамаса хорошо обстроены: много каменных домов, свидетельствующих о достатке и даже богатстве некоторых жителей, принадлежавших к купеческому сословию, которое насчитывало здесь по 1-й, 2-й и 3-й гильдиям до 750 человек обоюго пола. «Ближе к концу города, каменных домов более не видно, деревянные же как-то глядят уныло. Ветхи они. Многие подгнили и покачнулись набок, иные вросли в землю. Луч света с трудом прокрадывается в них сквозь позеленелые стекла. Нужда и горе выглядывают со двора, через покачнувшуюся калитку. Тут приютился какой-нибудь бедный скорняк, дни и ночи проводящий за своею грубою и неблагодарною работою, окруженный кучею детей и больною женой, умирающей, быть может, без всякого пособия. Работай, работай, бедняк! Хлеба просят твои дети, жене надобно лекарство. Спешь нести твою работу к кулаку-хозяину, который, ради крайней твоей нужды, даст тебе за рубль полтину, — ведь не останется же ему без барыша, ради твоей бедности и горя...», — так опи-

* Граф В. А. Соллогуб. Воспоминания. «Academia», М. — Л., МСМXXXI, стр. 219.

** Н. Щегольков. Арзамасский Воскресенский собор, Арзамас. 1900, стр. 1.

*** Там же.

Арзамас. Общий вид.
Фото М. Дмитриева.

сывал автор газетной заметки 1859 г.* свои впечатления от Арзамаса.

В 1719 г. в Арзамасе была открыта Купчиновым школа по указу Петра I. С 1726 г. по 1732 г. существовала школа, основанная воеводой-стольником, князем Ф. Дябринским. Затем наступил перерыв, когда обучение вели «мастера и мастерицы». В 1787 г. было открыто малое народное училище, которое позднее стало уездным. В 1814 г. были открыты уездное и два приходских училища.** В том же 1814 г. в Арзамасе существовали: пансион благородных девиц, школа, заведенная академиком Ступиным, состоявшая тогда из двадцати учеников, обучавшихся исторической и портретной живописи и рисованию, а также Архитектурное

* «Нижегородские губернские ведомости» от 10 октября 1859 г., № 41 и от 17 октября, № 42.

** Крестовоздвиженское училище основано в 1809 г., а Софийское — в 1810 г.

училище, заведенное Коринфским, в котором было до пятнадцати учеников.*

Писатель П. А. Вяземский отмечает в своей записной книжке за 1822 г.: «В Арзамасе есть школа живописи, заведенная дворянином-академиком. Картины этой школы развешены и продаются в трактире. Все это зародыши образованности».**

К 40—50-м годам Арзамас имел шесть учебных заведений с общим числом учащихся 661 человек.

«Красиво и широко раскинулся Арзамас... Множество церквей, с высокими главами и колокольнями, каменные монастырские стены и часовни живописно выступали, освещенные солнцем, из массы каменных и деревянных домов, расположенных на склоне горы.

Город Арзамас по своей красоте, промышленности и торговле в настоящее время есть, бесспорно, самый замечательнейший из уездных городов Нижегородской губернии», — читаем мы в газетной статье 1859 г.

Малоземелье, плохие почвенные условия, помещичья колонизация в Нижегородской губернии XVIII века создавали условия для возникновения промысловых торговых занятий сельского населения.

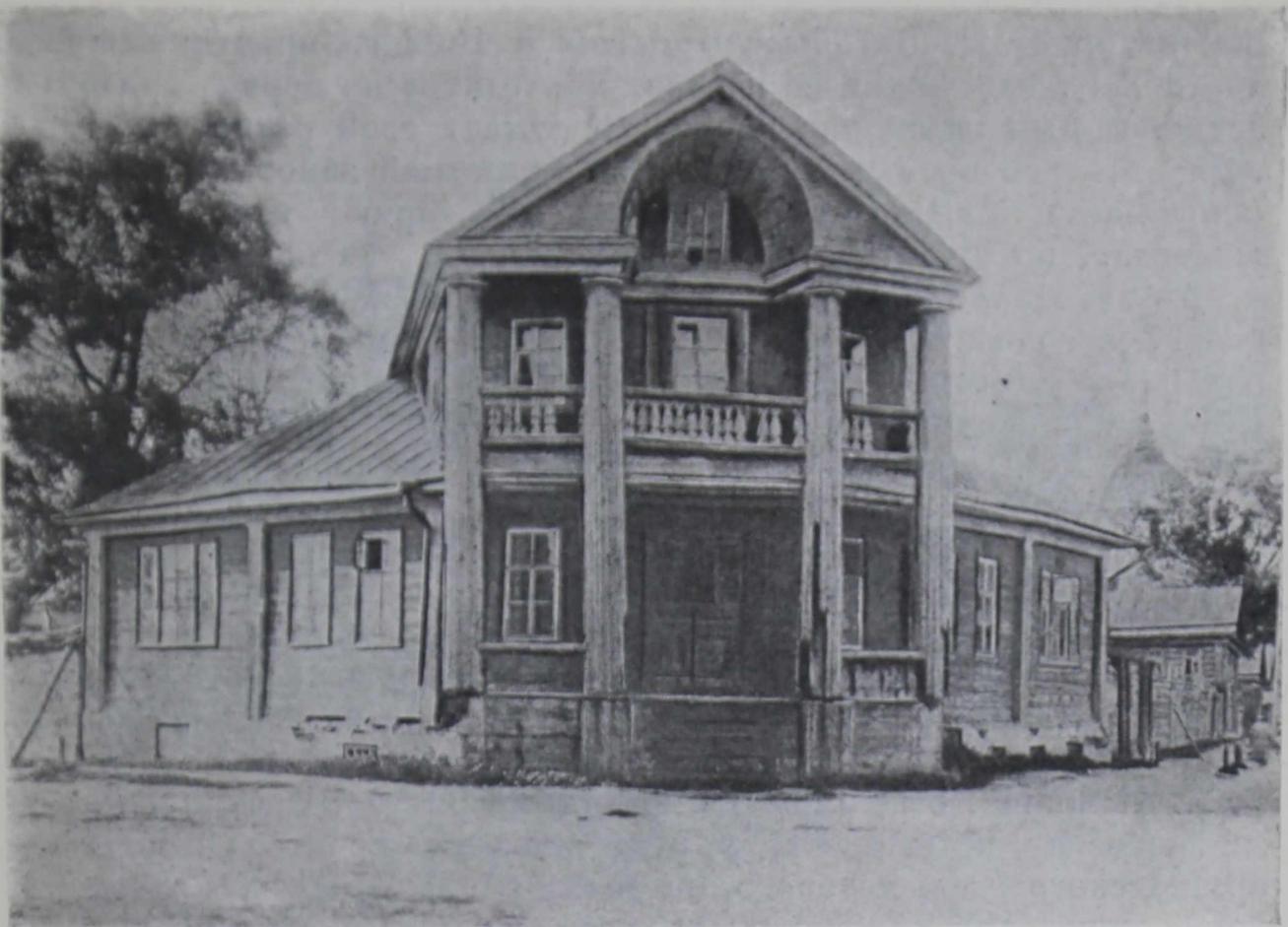
В торговых и промышленных операциях конкурентами дворянству выступают буржуазия городов и свободное сельское население. Все были захвачены процессом накопления. Это обусловило естественное обострение классовых противоречий.

Арзамасское купечество производит торги льняным и хрящевым холстом в Петербургском порту, а внутри города торгует шелковыми, суконными и прочими товарами. Город «населен нарочито зажиточными людьми, и жители оногo почти все ремесленники: почему и пришел он от малых прибытков в такое приращение, какое должны фабрики и мануфактуры доставлять городу. Ремесленники эти суть: мыльники, красильщики, сапожники, портные, башмачники, рукавичники, токари, серебрянники и часовщики», — писал автор описания Арзамаса 1814 г. «Недельные торги бывают здесь по понедельникам и пятницам». На эти торги из разных мест и уездов крестьяне привозили всякие съестные припасы и живность, особенно гусей, «которые там водятся отменной величины».

«Зеленые берега ее (реки Теши. — П. К.) усеяны ими, лучше сказать, покрыты, как белым полотном, стаями гусей, коими Ар-

* «Казанские известия», 1814, № 17.

** Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. IX, 1813—1852. СПб., 1884, стр. 69. За это указание приношу благодарность Т. А. Дяльковской.

Арзамас. Улица близ школы А. В. Ступина.
Фото Н. А. Кожина.

замас издревле славится. И точно, гуси здешние необыкновенной величины и силы, и вообще славные бойцы. Арзамасские жители страстно любят сию забаву и платят по 100 и более рублей за отличного гуся-рыцаря. Я видел бои их, и хотя небольшой охотник до всякого рода звериных поединков, но смотрел на него с бóльшим удивлением и любопытством, чем в Англии на петуший, в Португалии на бычачий, в Москве на медвежью травлю. Гуси сражаются крыльями, стараясь противника своего схватить за ногу. Победенный после нескольких стычек, почувствовав свою слабость, ретируется, и ни за что не заставишь его после сразиться с победителем: к тому полю сражения покрывается не кровью, а пухом и перьями».*

На протяжении шестидесяти лет (1802—1862 гг.) в истории Арзамаса существование живописной школы, основанной А. В. Ступиным, является одним из знаменательнейших событий мест-

* «Нижегородские губернские ведомости», 1849 г., № 45.

ной истории. Школа была основана в 1802 г., просуществовала до 1862 г., блестящий ее расцвет приходится на первое тридцатилетие, к 40-м годам она несколько сужает свой размах, а к 60-м годам заметен полный упадок. Автор газетной заметки этого времени писал: * «Здесь также нашли себе приют изящные искусства... но приют бедный».

Арзамасская школа живописи, популярная в истории своей эпохи, как полагают, дала повод к наименованию известного литературного содружества Петербурга «Арзамасским ученым обществом» или просто «Арзамасом».

М. А. Дмитриев по этому поводу вспоминал на страницах «Москвитянина»: ** «Я в один проезд через Арзамас, с моим дядей, посещал его (А. В. Ступина. — П. К.) и с ним познакомился. Молодые литераторы, которым, при всем уважении к предприятию Ступина, казалось смешным, что в Арзамасе есть школа живописи, назвали ее Арзамасской академией и, в подражание этому, учредили в Петербурге Арзамасское ученое общество». ***

В 1816—1817 гг., при принятии в члены этого общества В. Л. Пушкина, был разыгран шуточный ритуал: «свели Пушкина за занавеску и дали ему в руки эмблему Арзамаса — мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках все время, пока ему говорили длинную приветственную речь. Речь эту говорил, кажется, Жуковский». Общий титул членов был: их превосходительства гении Арзамаса. Сохранился экспромт:

«Что делать, видно, мне кибитка не Парнас.
Но строг, несправедлив ученый Арзамас.
Я оскорбил ваш слух; вы оскорбили друга».

Сам А. С. Пушкин в раннюю пору носил звание «Сверчка Арзамасского».

Популярность Арзамасской школы нашла отражение даже в художественной литературе своего времени. В произведении В. А. Соллогуба «Тарантас» мы находим следующий примечательный для нас диалог:

«— У меня в особенности замечательно собрание картин.
— Итальянской школы? — спросил Иван Васильевич.
— Арзамасской школы... Вообразите, у меня целая галерея образцовых произведений славных арзамасских живописцев.
— Вот-те на!.. — подумал Иван Васильевич». ****

* «Нижегородские губернские ведомости», 1859 г., № 41—42.

** «Москвитянин», 1854 г., т. I, «Мелочи из запаса моей памяти».

*** «В противовес приверженцам славянского языка и против «Державинской беседы».

**** Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение В. А. Соллогуба. Изд. книгопродавца Андрея Иванова. СПб., 1845 г., стр. 280.

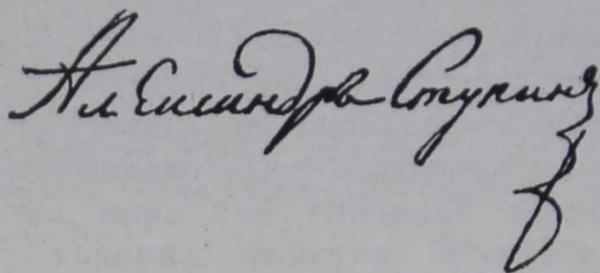
Арзамас. Общий вид школы.
Фото М. Дмитриева.

В 1843 г. было основано общество парходства по Волге. Это событие нанесло удар экономике Арзамаса: он перестал быть транзитным путем. Окончательно решило его участь проведение железной дороги.

Так называемое «освобождение крестьян» в 1861 г., было последней предельной датой, которая интересна нам в отношении Арзамаса и его художественной школы.

А. В. СТУПИН

(1776—1861)

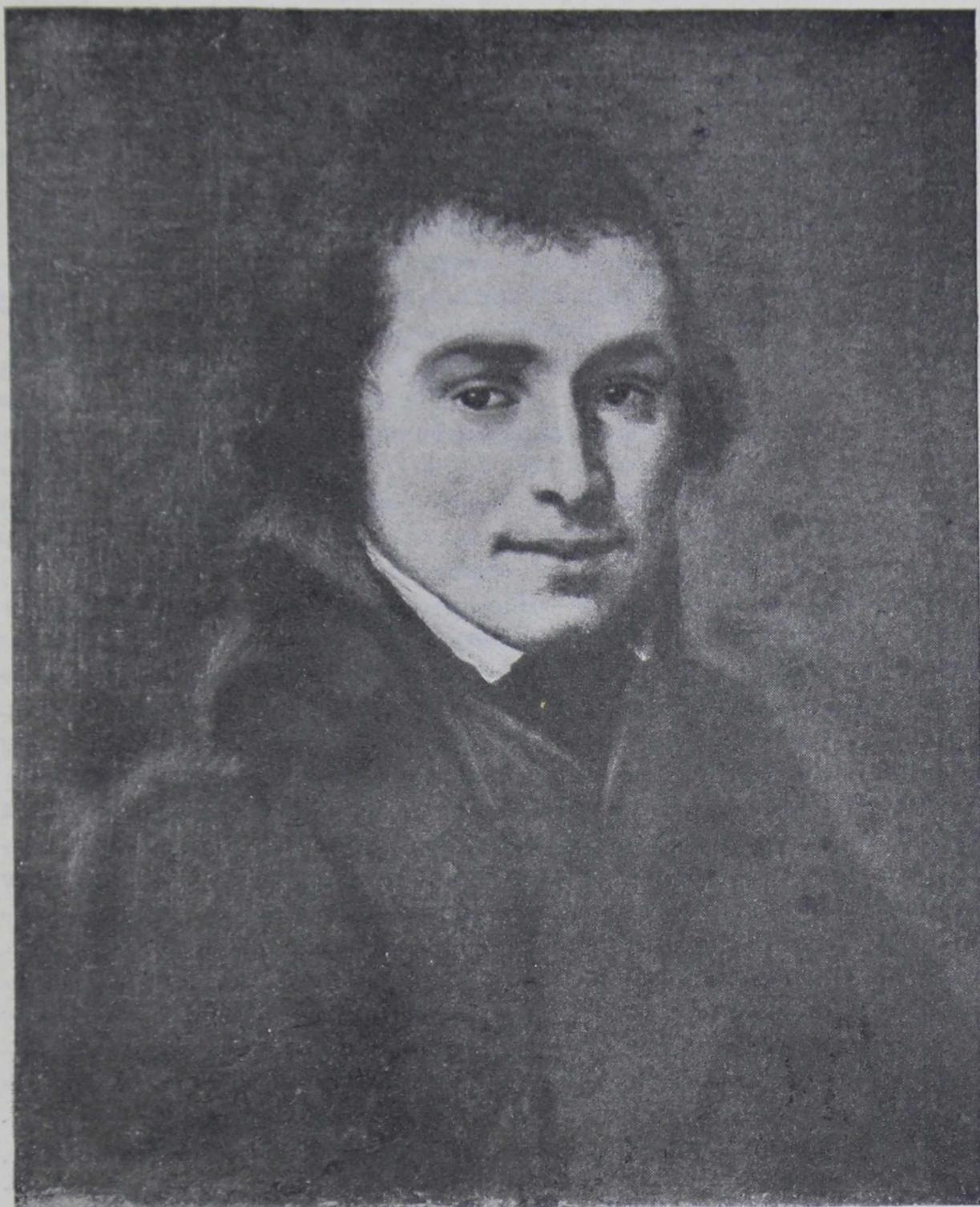
Основатель Арзамасской школы живописи, Александр Васильевич Ступин родился 13 февраля 1776 г. Точных сведений о месте его рождения и об его происхождении до нас не дошло. Большинство авторов статей и заметок о нем передает нам версию о

происхождении его из дворянского рода Борисовых: отец его матери был воеводой в Костроме, родной дядя — контр-адмирал, жил в Петербурге, в его доме воспитывалась Надежда Никитична — мать А. В. Ступина. Источники совершенно умалчивают об его отце. Тайна эта не раскрыта и до сих пор. В нашем распоряжении имеется опубликованный документ, из архива А. С. Гациского,¹ который пытается восполнить этот пробел, давая любопытную страничку из быта прошлых дней, но не разрешая затронутого вопроса.

В. Г. Короленко в его незаконченной повести «Муза»,^{*} написанной на основе преданий, услышанных им в Арзамасе в 90-х гг. прошлого столетия, когда там доживали еще свой век люди, которые знали и помнили А. В. Ступина, дает нам другую версию о происхождении его, но и здесь окончательного ответа на наш вопрос о происхождении А. В. Ступина мы не получаем.

Сам А. В. Ступин, в своих записках 1847 г., писал о себе, что он происходил из дворянской фамилии Борисовых, но пра-

^{*} В. Г. Короленко, Собр. сочинений, кн. 10, М.—Л., «ЗИФ», стр. 68—99.

*А. Г. Варнек. А. В. Ступин. 1804 (?) г.
ГТГ.*

вами не мог пользоваться, — «отдан был на время арзамасскому мещанину Василию Ступину, с тем, чтобы после устроить мой жребий, однако судьба к тому не допустила! мать моя скончалась во Владимире, оставила меня 3-х лет совершенным сиротой, и я был зачислен в мещанское звание... Постигло меня круглое сиротство вместе с крайней бедностью». *

«Незаконность» брака его матери Надежды Никитичны ** не только не позволила ей в то суровое, бездушное время заняться лично воспитанием своего ребенка, но и заставила навсегда отойти от него, передав на усыновление случайно подвернувшемуся человеку — арзамасскому мещанину Василию Ступину, который приписал его к своему сословию по г. Арзамасу. Случайный «отец» — Василий Ступин — мало думал о нем и семье, и, когда Александру Ступину было пять лет, он бросил свою жену, Анисью Степановну, и приемыша и пошел по собственному желанию в рекруты. О нем на всем протяжении жизни А. В. Ступина больше ничего не слышно. Полной противоположностью своему мужу была одинокая, неграмотная, бедная, умная и добрая женщина — Анисья Степановна. *** Она с материнской нежностью привязалась к ребенку и с любовью и заботливостью растила будущего художника. Только подростком А. В. Ступин узнал, что она его приемная мать.

Маленький Ступин, рано обнаруживший в себе склонность к занятиям, по настойчивой его просьбе, был отдан «в науку» к одной мастерице, которая скоро обучила понятливого ученика азбуке. Предстояло «углубление» в занятиях: изучение часослова. Но так как мастерица назначила за прохождение листа часослова три копейки медью, то мальчик был передан на обучение к местному глухому пономарю, который жестоко расправлялся со своими учениками. Затрещины, подзатыльники, колотушки и розги сыпались на ученика. Добрые люди надоумили Анисью Степановну взять Ступина от нового учителя и передать его в более спокойные руки мастерицы. Здесь он скоро научился бойко читать, и курс был закончен. Предстояло еще письмо, но сама мастерица в нем не была сильна. Пришлось снова переходить на учебу к глухому пономарю. На этот раз мальчик был защищен от ненужных побоев. Скоро и здесь он осилил премудрость и оказал отличные успехи по письму. Таким образом, к семилетнему возрасту А. В. Ступина закончилось его первоначальное образование, а затем наступил период ознакомления с жизнью и начался самостоятельный труд. «От 7-ми до 10-ти лет, все цветущее время

* Записки А. В. Ступина, 1847, стр. 370.

** Скончалась она на 32-м году от рождения.

*** Анисья Степановна Ступина впоследствии жила в доме А. В. Ступина и скончалась в 1812 г., на 73 году своей жизни.

убил невозвратно, когда бы мог себя обогащать ученьем, имевши к тому врожденную склонность. А я, к сожалению..... читал по вечерам церковные книги, звонил и благовестил и прислуживал в церкви, читал, пел, носил дьячкам в церкву дрова, ходил с образами по домам, за это и получал маленькую награду», — писал А. В. Ступин. *

Десятилетним ребенком он был отдан к одному купцу в лавку, но скоро со слезами стал просить взять его обратно. Тогда Анисья Степановна посадила его в свою мелочную лавочку. Покупателей в лавке было мало, и мальчик был предоставлен самому себе: беспрещетливо списывал он исторические сочинения, читал, чертил и рисовал пером и карандашом все то, что приходило ему на ум и на чем останавливался его юный пытливый глаз. Повидимому, Анисья Степановна, сама видевшая склонности приемыша, отдала его к жившему в соседстве весьма посредственному живописцу. ** Это относится к 28 сентября 1787 г., когда Ступин был отдан на три года в учение с платой по пяти рублей в год. С этими годами ученья совпало открытие в г. Арзамасе народного училища, куда юный художник ходил на некоторые уроки, урывая время от своих основных занятий. На следующий год он вместе со своим учителем был уже на иконописных работах в селе Воронцове у помещика Полченинова. Двенадцатилетний Ступин очень понравился помещику и его сыну, которые брали его с собой повсюду и даже предлагали взять его с собой в Петербург и отдать в военную службу. Этому предложению воспротивилась Анисья Степановна, боявшаяся оставить воспитанника без своего надзора.

В 1790 г., то есть на третий год обучения, живописец взял своего ученика в г. Темников, Тамбовской губернии, для иконописных работ. Провожая своего приемыша, А. С. Ступина дала ему медную гривну. Во время работы А. В. Ступин частенько голодал; под видом богомольцев он и его товарищ нередко ходили за три версты в Санаксарский богородицкий монастырь — на трапезу. В довершение всех бед, учитель похитил его личные сбережения — до 70 копеек медью.

После окончания ученья у этого живописца Ступин продолжал заниматься иконописью: поправлял старые и писал новые небольшие образа, но материально это занятие давало очень мало. Через год он снова, на правах ученика, поступил к макарьевскому дьячку А. С. Блохину, с договором на один год, но ему там удалось проработать не более девяти месяцев, так как купеческое общество выбрало его десятским. Откупиться ему

* Записки А. В. Ступина, 1847 г., стр. 372.

** Мастер Лопытин.

было нечем, и пришлось свою повинность нести натурой. Благодаря грамотности и бойкости его назначили на посылки к городничему В. С. Ананьину. Здесь, в одно досужее время, он удачно и со сходством сделал пером с натуры портреты детей городничего, который, узнав об этом, сказал: «Ну, так тебе, братец, лучше приняться за карандаш, чем стоять с дубиной на часах», — и отчислил его от этой должности. Но А. В. Ступину пришлось еще некоторое время в мещанской камере получать подушные деньги и записывать людей, бывших на мирском сходбище.*

По освобождении от этой временной повинности А. В. Ступин нанялся в работники золотить «на гульфарбу» иконостасы по 4 рубля в месяц со своим содержанием. Осведомленный о предстоящем рекрутском наборе, он скрылся в близлежащее село Выездная Слобода — вотчину Салтыковых — место укрывательства всех недовольных.** Здесь он нанялся к дьячку писать образа за плату по одному рублю в неделю. По миновании опасности он вернулся в Арзамас и был приглашен дьяконом Воскресенского собора Ефимом Яковлевым,*** слывшим самым искусным иконописцем округа, на условиях оплаты по 5 рублей ассигнациями в неделю. Работа у опытного мастера, и с таким дотоле невиданным заработком, окрылила А. В. Ступина, а первый полученный заработок принес большую радость в дом.

Дальше он работал с оплатой по 48 рублей в год, впоследствии увеличенной до 80 рублей. В это время А. В. Ступин платил

* У В. Г. Короленко дан иной вариант разговора с городничим по поводу рисунков: «Сделано, нечего сказать, и то, и другое, и третье... с изрядным искусством. А званию твоему не подобает... Возьми-ка, братец, дубину... Налево кругом, на улицу марш. Если я тебя, ракаля, еще увижу с карандашом, то не будь я Степан Федоров Бабушкин (фамилия спутана. — П. К.) и провались я, и то, и другое, и третье, в самые таргары...». («Муза», стр. 89.)

** У В. Г. Короленко прекрасно описана простота арзамасских нравов: «Выездная Слобода, принадлежавшая помещику Салтыкову, богатому и весьма сильному человеку, отвоевала себе полную независимость и пользовалась широким правом убежища: не только магистратские, но и городского правления канцеляристы и рассыльщики не рисковали пробираться туда для сыску и поимки беглых».

В. Г., описывая дальше сцену, как рассыльщик Карп, купаясь в реке Теше, на городской стороне, увидел А. В. Ступина на Выездновской и стал кричать последнему:

— Александра!

— Что тебе?

— Да ведь это ты?

— Да то кто же!

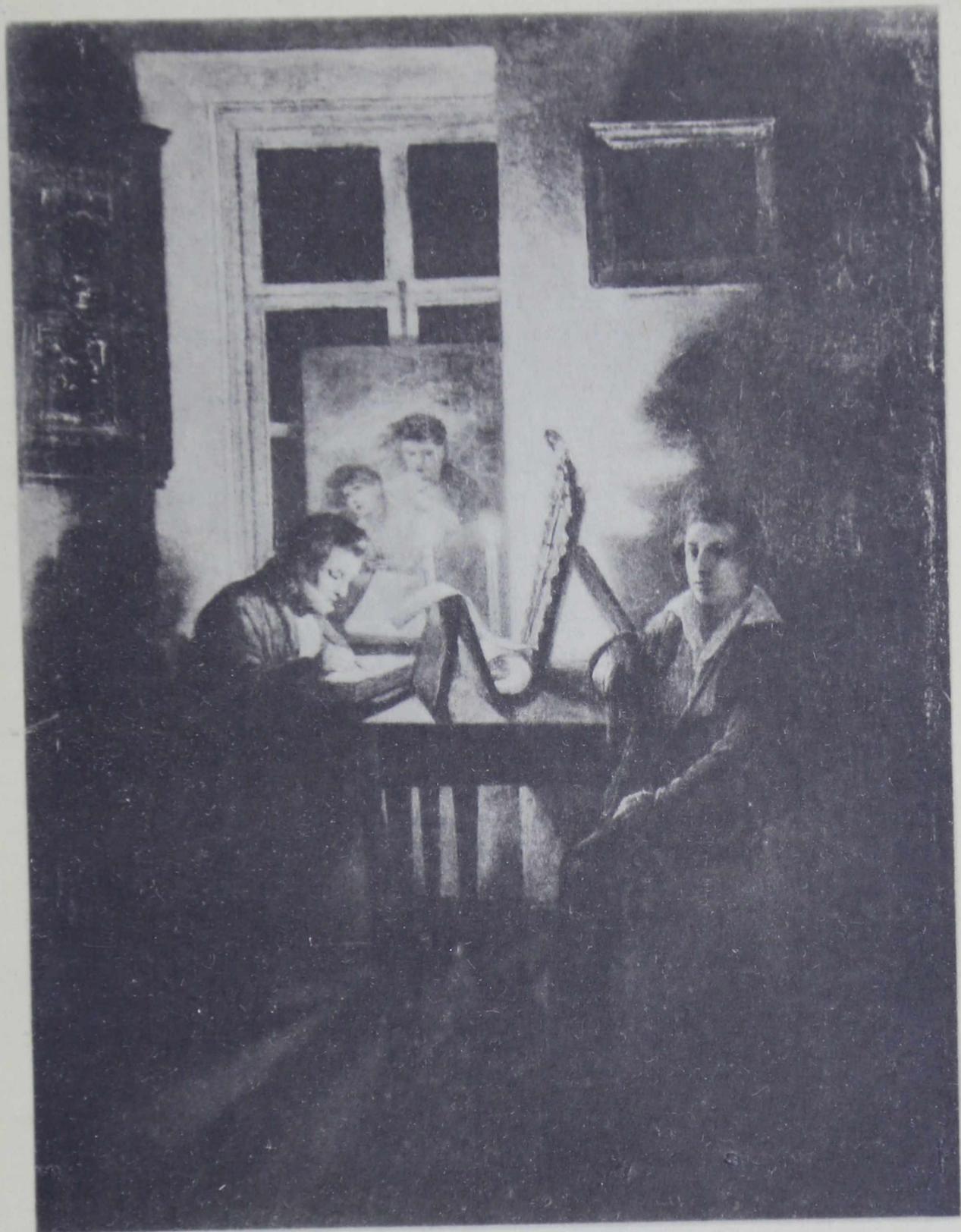
— Поди с нами в магистрат.

— Для чего мне идти?

— Выдерут плетями — да на царицыну службу.

Выездновцы захохотали. («Муза», стр. 90—91.)

*** По другим источникам, — у изосимовского дьячка Степана Ивановича.

Н. М. Алексеев. Художники. 1840-ые и. ГРМ.

«купеческий капитал» 25 рублей ассигнациями. С учителем он ездил в с. Тарханово к помещику Приклонскому, но эта поездка для его учителя оказалась роковой: по условиям договора было выговорено шесть ведер вина для перегона в спирт на лак, учитель сильно запил и умер в Арзамасе от удара.

С семьей дьякона связано и первое увлечение А. В. Ступина. Там он встретил дочь его, к которой он почувствовал влечение, но данный ею обет постричься в инокини расстроил женитьбу Ступина. Об этом узнала тем временем Анисья Степановна и решила женить своего воспитанника. Он долго отнекивался, просил отсрочить, но в конце концов уступил просьбам ее и женился на мещанской девице Екатерине Михайловне Селивановой.

Вскоре после этого события он с новым хозяином расписывает церковь в с. Кошелевке, Спасского уезда, Тамбовской губернии, у помещицы Арцыбашевой. По возвращении в Арзамас, он, по совету своей сестры,* которая воспитывалась в доме у Анненкова, и, пользуясь протекцией Белавиной, — поступает подканцеляристом в нижегородское губернское правление, в отделение советника К. М. Ребендры, который его больше использует по работе в своей деревне Ляхово, на росписях стен, окраске мельницы, золочении рам и пр. Это время для него не пропало даром. Живя в Нижнем-Новгороде, А. В. близко сошелся с некоторыми учениками семинарии, учился по их тетрадкам риторике, философии, богословию, бывал на лекциях и диспутах.**

Избавиться от оностылевшей ему работы в правлении помог заказ образа Воздвиженья для поднесения Павлу I, которого ожидали в Нижний-Новгород. После успешного выполнения образа, советник правления С. Севастьянов поговорил с А. В. Ступиным и сказал: «Слушай, голубчик, выбирай любое: или служи, или выходи в отставку, я тебя выпущу канцеляристом».

А. В. Ступин с радостью воспользовался предложением, вышел в «первобытное» состояние и вернулся в Арзамас, где ему был дан первый самостоятельный заказ на двадцать четыре образа за 60 рублей для Всесвятской (напольной) церкви. С этих пор (с 1 сентября 1797 г.) Ступин стал непрерывно принимать заказы на работы, для осуществления которых брал к себе учеников. Заказ в Кеньше, Пензенской губернии, у помещика Якобсона, заплатившего 350 рублей, позволил А. В. Ступину в 1798 г. приобрести домик в Арзамасе, купленный у г. Симанского за 430 рублей, и «девку для услуг» за 70 рублей.

* Упоминание о сестре встречается тут впервые. — П. К.

** В то время, по указанию А. В. Ступина, там был Петр Васильевич Н. — отличный ритор, Федор Иванович Орловский — глубокомысленный философ, протоиерей Григорий Васильевич — основательный и сильный богослов.

Вскоре, по совету своего товарища и двоюродного брата жены В. С. Турина, недолго учившегося в Академии Художеств, А. В. Ступин начинает стремиться для дальнейшего своего художественного образования в Петербург, в Академию Художеств. Оставив свою жену, воспитательницу и сына Рафаила на попечение своих учеников, которым он сдал свою работу по церкви Спаса нерукотворного образа, А. В. Ступин решил ехать в Петербург.

«Цель моя была, — писал он, — не столько заняться для себя, сколько для пользы учеников моих, узнать правила рисования и порядок ученья».*

Пятого марта 1800 г. А. В. Ступин отправился в Петербург с иеромонахом Александро-Невской лавры о. Доримедонтом, уроженцем Арзамаса. За провоз и содержание в дороге он написал портрет отца и матери иеромонаха и снял копию с его собственного портрета. В Петербург он прибыл 17 марта и остановился у дяди жены — Ст. И. Турина. 26 марта он был уже в Академии Художеств. «Здесь нарисовал с оригинальной натуры, подал на экзамен, на котором посадили меня 1-м номером и перевели рисовать с гипсовых голов, что меня к празднику крайне ободрило и порадовало. После Пасхи нарисовал с античной головы Геня и 2-ю голову Геркулеса; тут опять случился экзамен, ибо Страстную и Пасху положили в счет месяца; и опять получил 1-й номер и переведен рисовать с античных фигур, что меня еще больше поощрило. Когда я прорисовал два месяца, сел на экзамен 4-м номером и переведен в натуральный класс, где за 1-ю группу получил 12-й номер».**

В Академию Ступин был принят в качестве «постороннего ученика».

Ознакомившись с порядками Академии, он захотел поступить в классы адъюнкт-ректора Ивана Акимовича Акимова, который принимал к себе платных учеников по 175 рублей в год, а у художника всех сбережений было 250 рублей. Однако горячее желание его было скоро осуществлено. Работая однажды в античной галлерее, он своей работой остановил внимание И. А. Акимова, который сел и исправил его рисунок.

«Очень порядочно нарисовано, только великонец кулачок и пятка; но это ничего. Видно, ты рисуешь с натуры? Порядочно, и анатомию начинаешь изучать. Русский, что ли, ты?..» Ступина иногда принимали за грека, а иногда за грузина, по беловатому цвету его лица и черным волосам.

«Художество это любит усердие и труды, и чем больше препятствий, тем надежнее успехи», — сказал И. А. Акимов, узнав биографию Ступина.

* Записки А. В. Ступина, 1847, стр. 382.

** Там же, стр. 384.

На вопрос о принятии его в ученики он ответил: «хорошо приходи завтра, — я подумаю».

На другой день рано утром А. В. Ступин был уже в передней И. А. Акимова. Передал ему свой паспорт и деньги, получил разрешение переехать к нему в дом. «А какой обряд у меня, скажут о нем твои товарищи», — сказал Акимов. На замечание одного ученика о тесноте у них Акимов заметил: «Не мешай мне, Владимир. Мне понравилось его умное и скромное лицо, и я надеюсь, что он будет добрым человеком».

С 16 августа 1800 г. А. В. Ступин стал работать в классах И. А. Акимова.

Условия жизни были нелегкие: питались Ступин и все ученики плохо, много времени приходилось уделять на помощь в хозяйстве профессора, и особенно по работе в саду, так как И. А. Акимов был страстный любитель садоводства. Однажды из-за этой страсти своего профессора А. В. Ступин едва не погиб, перевозя на лодке через Неву березку для сада. Счастливая случайность и умение плавать спасли его.

Ко времени работы у И. А. Акимова относится сближение его с другим виднейшим представителем Академии Художеств — А. Е. Егоровым. Это сближение в дальнейшем перешло в дружбу, и едва ли мы ошибемся, если скажем, что влияние Егорова на молодого художника было сильнее, чем чье-либо другое. Оба профессора тогда были в славе: «Егоров силен был в карандаше, а Акимов отлично и красноречиво внушал и трактовал теоретически о живописи». Егоров как превосходный рисовальщик давал своими работами прекрасные примеры, — Акимов своим даром педагога умел дать теоретические указания.

Пребывание в Петербурге дало очень много А. В. Ступину в смысле художественного развития. В этом отношении крайне

А. В. Ступин. Натюрщик 1800—1802 и.
ГРМ (№ 21319)

интересны его немногие записи, относящиеся к 1800—1802 годам.²

«По окончании года, после Пасхи поставили 2-ю группу, посадили меня 5-м номером, и удостоен был получить 2-ю серебряную медаль», — писал он.^{*} Но эта радость была омрачена неприятными известиями с родины. Жена сообщала ему оттуда, что мещанское арзамасское общество, предполагая, что он имеет достатки, если проживает в столице, после его отъезда обложило семью податью с 3-х душ, затем возложило 4-ю и решило обложить еще одну душу и поставить «отяготительную годовую квартиру».

И. А. Акимов, узнав об этом новом испытании А. В. Ступина, сказал: «Что у вас там живут за скоты? Ты поехал учиться доброму делу: надо бы тебя поддержать, а они еще теснят». И. А. Акимов предложил ему написать о себе записку, обещая передать ее императрице, которая мельком знала А. В. Ступина, помогавшего иногда на уроках И. А. Акимова во дворце.

Велено было написать прошение на имя государя.

«Передал его камердинеру, который отослал меня с полдюжиной придворного английского портера, вместо рекомендательной записки, к правителю канцелярии генерала Муравьева по принятию просьб на высочайшее имя, Дмитрию Михайловичу Затрапезнову».^{**}

Дело было отослано на рассмотрение генерал-прокурора. Тем временем И. А. Акимов отрекомендовал Ступина президенту Академии гр. А. Строганову: «Ваше сиятельство, ученик мой Ступин в рублищах ходит, но запасается книгами, эстампами и антиками».

Рекомендация графа А. Строганова³ возымела действие, и последовал указ Сенату⁴ об исключении А. В. Ступина из податного оклада, «дав сим ему полную возможность на обучение свободным художествам».

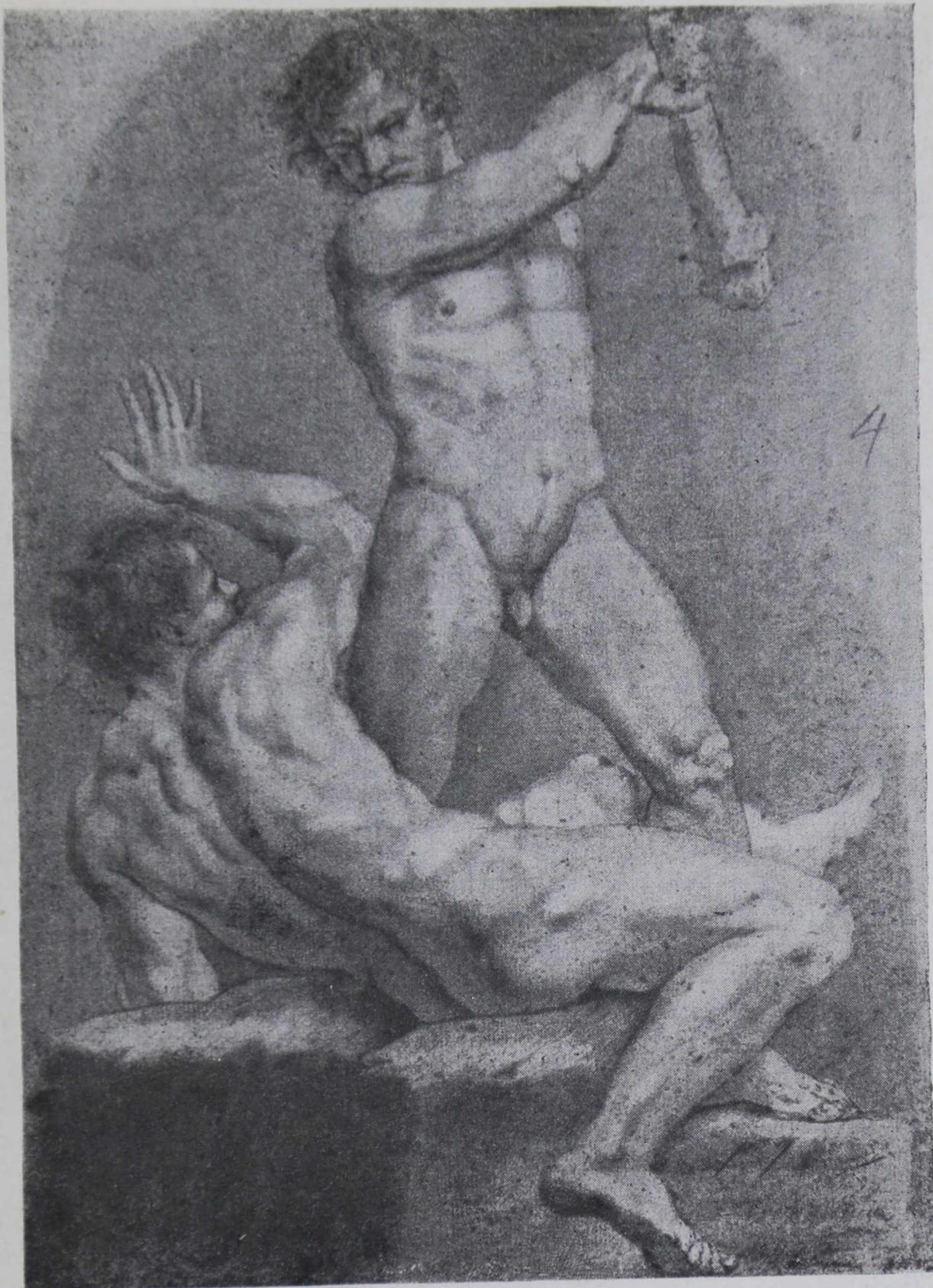
Гр. Строганов сам приехал в Академию объявить именной указ о Ступине.

А. В. Ступин решил возвратиться в Арзамас. М. И. Козловский по этому поводу сказал: «Ныне будет собрание и мы дадим тебе 14 класс, а после достигай хоть профессора, нам не сули журавля в небе, а дай синицу в руки».

А. В. Ступин получил звание свободного художника в 1802 г. и был представлен гр. Строганову.⁵ Помогали ему А. Ф. Лабзин и А. Е. Егоров. Последний даже подарил ему мундир и шляпу для первого торжественного представления президенту.

^{*} Записки А. В. Ступина, 1847, стр. 384.

^{**} Там же, стр. 388.

А. В. Ступин. *Натурщики*. 1800 г.
ГРМ (№ 21320)

Закончился краткий, но плодотворный академический период учебы А. В. Ступина. Его товарищами по Академии были А. Г. Варнек и О. А. Кипренский, а учителями и доброжелателями — И. А. Акимов, А. Е. Егоров, В. К. Шебуев, Г. И. Угрюмов, Ф. Я. Алексеев, конференц-секретарь А. Ф. Лабзин, М. И. Козловский, И. П. Мартос, Ф. Ф. Щедрин, А. Н. Воронихин, А. А. Михайлов и другие.

Как не хотелось А. В. Ступину порывать установившейся связи и деловой обстановки, налаженной в Академии, но семейные обстоятельства неотложно призывали его на родину.

Две долгих недели продолжались проводы молодого художника. Каждый хотел чем-нибудь отметить свое доброе отношение к нему и его задаче — организации живописной школы в Арзамасе. В результате А. В. Ступин собрал изрядное количество художественных произведений и пособий (о чем речь будет дальше).

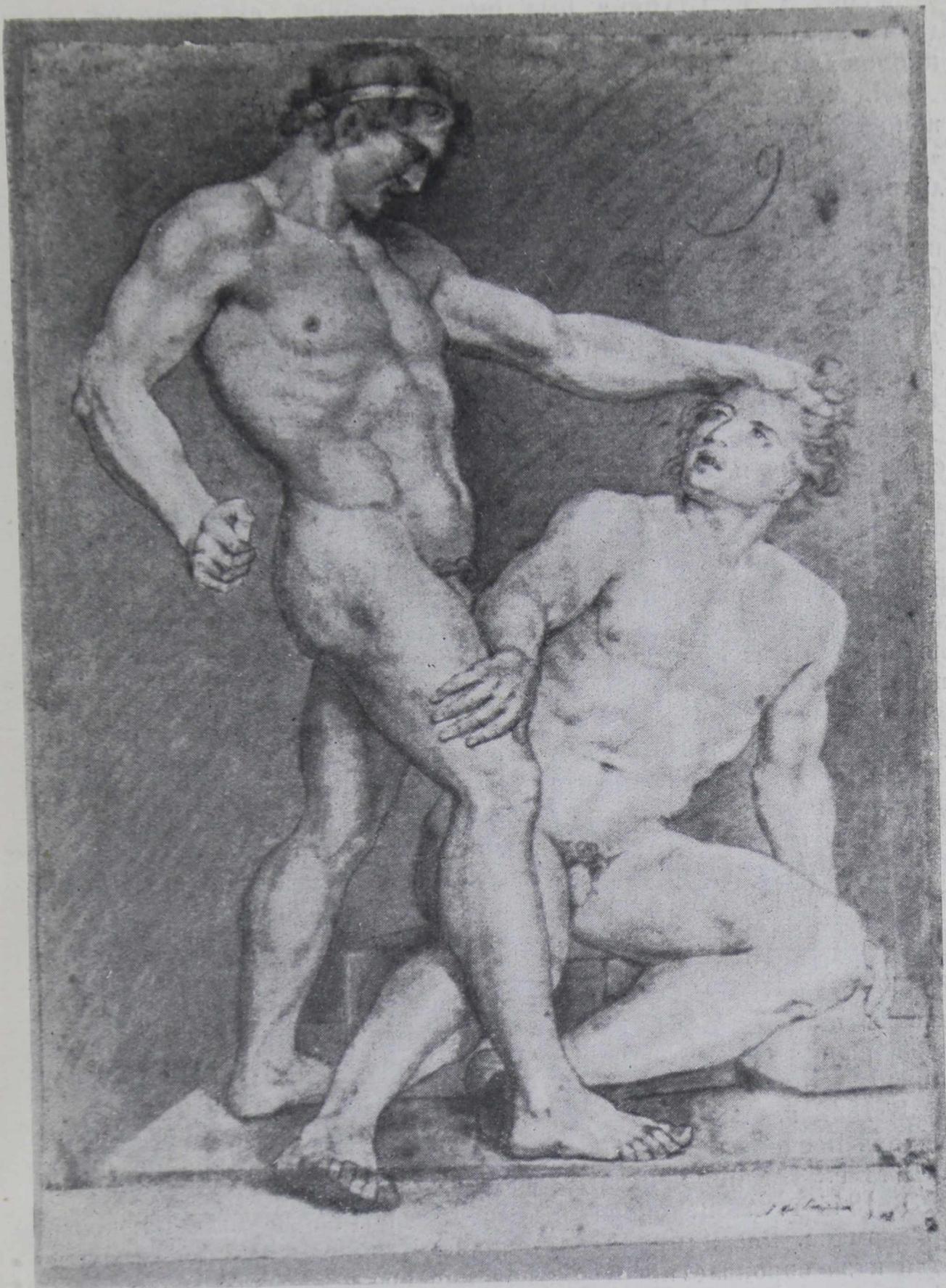
По приезду на родину в Арзамас А. В. Ступин твердо принялся за осуществление своей цели, и в тот же 1802 г. его школа начала свою жизнь. Не напрасно он выбрал для себя Арзамас. О нем он писал: «Город на тракте, Москва недалеко, а Макарьевская ярмарка и того ближе, расколу нет, граждане набожны и церковному украшению ревностны, все жизненные продовольствия достать можно и цены умеренные, и для домашних потребностей и изделий всего довольно, и хотя и есть часть невежественного еще народа, но нет места, где бы не было таковых, по пословице: в семье не без урода...» «И хоть граждане наши особенного внимания на меня не обращают, помня, что «несть пророка честена в отечестве своем».

Здесь уже есть намек на ту горечь, которая появилась у него, как результат неприязненного отношения к нему его сограждан, мало видевших пользы в его начинаниях, ибо сами погрязли исключительно в торговых спекуляциях. По меткому выражению В. Г. Короленко, «Ступин делал свое дело и продолжал удивлять, тревожить и вносить беспокойство в мирную жизнь гусиной столицы».

У А. В. Ступина началась трудная жизнь, и в этой работе он долго не имел помощи со стороны, если не считать редких «подачек» Академии.

Энтузиазм, энергия, вера в свое дело, а главное живая любовь к делу А. В. Ступина сломали окружающий лед. К нему стали отдавать учеников, а последние под его руководством росли и получали те знания, которые он сам успел получить в Академии, работая у Егорова и Акимова.

Как бы то ни было, но к 1809 г., к первой своей, после учения, поездке в Петербург, он имел уже итоги своей школы в работах талантливых ее учеников.

А. В. Ступин. Натурщики. 1800 г.
ГРМ (№ 21316)

Успех А. В. Ступина был ошеломляющий, его даже не ожидали академические деятели, когда семь лет тому назад его провожали из Петербурга.

И. А. Акимов видел работы учеников и сказал: «Все нарисовано хорошо», а конференц-секретарь А. Ф. Лабзин отметил: «Ты сделал примерное дело, то надобно тебя примерно и наградить».

Школа А. В. Ступина, по предложению А. Ф. Лабзина, была принята под покровительство Академии Художеств, сын Рафаил был принят на казенный счет в Академию, И. Горбунов стал учеником А. Е. Егорова, а М. П. Коринфский — учеником А. Н. Воронихина. Про крепостного И. Горбунова граф Строганов сказал: «Как жаль, что много гибнет у нас достойного народа...» А. В. Ступин был возведен в звание академика.

В 1813 г. А. В. Ступин был снова в Петербурге, повторил он свою поездку и в 1819 году.

В 1822 г. в Арзамасе его навещил А. Ф. Лабзин с женой, по пути в ссылку в г. Сенгилей, на Волге.*

Ехали они под присмотром петербургского квартального. Встреча была радостная, но тяжелая по проводам. К А. Ф. Лабзину Ступин всегда относился с любовью, ценил в нем ту дружбу, которую питал к нему высокообразованный А. Ф. Лабзин. У него в бытность в Петербурге он всегда встречал любовь и радушие.

1824 год прошел в жизни А. В. Ступина в работах со школой на ярмарке в Нижнем-Новгороде.

В 1825 г. устанавливается связь с Петербургским обществом поощрения художеств.⁶

С 1834 г. его труды по школе стал разделять его зять Н. М. Алексеев, бывший учеником школы, а раньше помогал ему его сын Рафаил Александрович Ступин, вернувшийся в 1819 г. из Академии. Но он же приносил и огорчения отцу своим поведением, что привело позднее к полному разрыву с ним.

Передав Н. М. Алексееву основное руководство учебной частью школы, А. В. Ступин остался фактическим руководителем всей работы и внутренней жизни своей школы до конца своей жизни.

В 1842 г. А. В. Ступин ездил в Москву, и ему пришлось пережить несчастье: в школе случился пожар. Восстановив школу в 1843 г., Ступин продолжал свою работу.

В 1845 г. А. В. снова был в Петербурге и был награжден орденом св. Владимира «за распространение живописи в отечестве и за сорокалетие существования его школы».**

* См. Ссылка А. Ф. Лабзина, «Русская старина», 1875 г., октябрь, стр. 291.

** Ремизов, стр. 29.

Н. М. Алексеев. А. В. Ступин с учениками. 1838 г. ГРМ.

А. В. Ступин. *Натурщики*. 1801 г.
ГРМ (№ 21315)

В 1854 г. А. В. Ступин совершил свою последнюю поездку в Петербург, где не застал своих бывших учителей и друзей; его встретили новые люди, пришедшие тем на смену.

Тридцать первого июля 1861 г., на 85-м году жизни, А. В. Ступин умер в Арзамасе. На его могиле на всевятском кладбище до недавних пор сохранялось простое каменное надгробье в виде усеченной пирамиды.

Из личных работ А. В. Ступина до нас дошло крайне мало, и вообще материала для суждения о его личном творчестве мы имеем недостаточно.

Мы знаем, что А. В. Ступин в 1800 г. написал портрет родителей отца Доримедонта, того иеромонаха Александро-Невской лавры, который повез его в Петербург учиться.

От его академического периода мы имеем ряд рисунков, счастливо сохранившихся в собрании Государственного Русского музея в Ленинграде (из бывш. собрания Академии Художеств) и в музее в г. Горьком.

В Горьковском музее нами обнаружено три его рисунка без дат (из бывш. собрания Карелина), повидимому начальной поры: один с гипсовой фигуры в профиль, сделанный крепко, с приятной тушовкой, два других из натурального класса — отдельно стоящие фигуры.

Рисунки Государственного Русского музея дают нам представление о дальнейшем его росте в академических классах.

«Натурщик со змеей» (поступивший из бывш. собрания Н. Н. Врангеля) — рисунок одной фигуры, но в усложненной позе. Поза здесь предназначалась для передачи определенного переживания человека. Рисунок крепкий, обнаруживающий хорошее знание анатомии, которое у него отметил Акимов.

Другой натурщик дает нам понятие об иной задаче и иной технике. Натурщик, как и в раннем его рисунке, дан в движении. Рисунок легко намечен, но это убеждает нас более, чем законченные штудии. В этой смелой манере есть некоторая доля артистичности, что могло быть свойственно ученику столь блестящего рисовальщика, как А. Е. Егоров.

Более поздние рисунки Ступина являются законченными штудиями, характерными для академической учебы, и благодаря датировкам могут быть размещены в хронологическом порядке, чего нельзя было сделать в отношении предыдущих работ.

Лист, помеченный 20 августа 1800 г., — два натурщика в позе борцов; другой рисунок, помеченный 31 августа 1800 г., изображает двух натурщиков: одного низко сидящего на подставке, а другого стоящего около, в позе нападающего.

Рисунок, помеченный 25 октября 1800 г., показывает нам натурщика, сидящего на подставке.

Рисунок, за который Ступин получил медаль, дает сложную композицию из двух фигур натурщиков. Один повернут к нам спиной (в движении), правой рукой держит он ноги второго натурщика, который брошен на землю. Фигуры даны в едва намеченном горном пейзаже. Лист весь оттушеван. В верхнем правом углу читаем: «По четырехъмѣсячному экзамену происходившему сего Маія 4-го числа посторонній ученикъ Александръ Ступинъ удостоенъ къ получению второй серебряной медали 1801 года. Григорій Угрюмовъ».

Последний известный нам натуральный рисунок А. В. Ступина помечен 28 ноября 1801 года.

Вот краткий перечень листов, замыкающих художественное наследие А. В. Ступина, которое нам удалось видеть непосредственно.

Они говорят об академической зрелости в рисунке, о знании анатомии, умении оперировать материалом и приемами рисунка: итальянский карандаш, уголь, сангина, мел, растушовка и пр.

Живописных работ А. В. Ступина нам не пришлось видеть; до сих пор не обнаружено ни одной.

Из литературных источников нам известно, что он писал портрет столоначальника генерал-прокурора П. И. Аверина в 1802 г. «На третий день отнес портрет Павлу Ивановичу Аверину, который также принял ласково и доволен был портретом», — писал А. В. Ступин в своих «Записках».

Вернувшись на родину, А. В. Ступин, судя по преданиям, сохранившимся там и записанным на месте В. Г. Короленко, много работал с натуры.

С 1808 г., как нам известно, связано создание собственного здания школы на участке, приобретенном у Юрловой.

«Дом был совсем окончен и выкрашен в дикую краску. Оставалось только большое квадратное пространство на фронтоне.

Ступин хотел нарисовать здесь Музу...

Когда Муза была кончена, когда забор был снят, толпа народу собралась смотреть на диво: со стены, как живая, смотрела странная женщина, с улыбкой и глубокими глазами, полными жалости, снисхождения и грусти...»,

Это произведение признавалось в свое время за лучшую работу академика Ступина. Оно, в 1853 г., судя по сохранившемуся архивному материалу⁷, послужило поводом к отрешению его от звания церковного старосты своего приходского храма и вызвало донос начальнику губернии с просьбой «о прекращении явно и упорно подаемого девицам и иным соблазна».

* Записки А. В. Ступина, 1847, стр. 432.

В. Г. Короленко, будучи в Арзамасе, во время прогулок заинтересовался одним старинным серым домом своеобразной архитектуры, который, по справкам, оказался б. домом Ступина. Нише дома, «очевидно в позднейшие времена, кто-то старался придать видимость фальшивого окна, покрашенного дикою краской и перекрещенного подобием черной оконной рамы. Я уже миновал эту нишу, как мне показалось, будто в фальшивом окне мелькает какая-то странная фигура... Очертания женской фигуры, которая как будто сквозила и пробивалась на свет из-под слоя грубо наложенной дикой краски. Вся она была несколько белее фона, и в разных местах, где позднейшая грунтовка обвалилась, просвечивали яркие краски».*

Это были остатки произведения А. В. Ступина раннего периода.

В 1826 г. Ступин написал «Вид г. Арзамаса», который через генерал-губернатора Н. А. Бахметьева был поднесен царю, подарившему художнику за это бриллиантовый перстень.

В 1847 г. другой вид Арзамаса был им преподнесен архиерею Иакову.**

Ступин писал про себя: «Самим же написано небольшое количество, но сочинял и рисовал почти все сам и поправлял после учеников красками, почему и недоставало времени; притом поправлял за рисовальщиками с оригиналов с гипса...»***

Чудесная своей какой-то особенной прелестью провинциализма, сохранившаяся и виденная нами фреска в его приходской церкви — едва ли не плод коллективного творчества его школы.

Трудно теперь, когда прошло с лишком сто сорок пять лет с тех пор, как А. В. Ступин вступил на поприще художника, собрать и учесть его наследие. Едва ли его творчеству суждено будет подвергнуться переоценке и углубленному изучению, так как ушли и уходят и те архитектурные памятники, которые были украшены трудами его некогда славной школы. Да и будет ли имя А. В. Ступина нам ближе и дороже, если когда-либо удастся какому-либо странствующему энтузиасту, влюбленному в страницы прошлого провинциальной музыки, отыскать пару-другую потемневших от времени полотен, подлинно писанных арзамасским академиком А. В. Ступиным?

Неправ. его ученик Н. Е. Рачков, который много неместного сказал о своем учителе через год после его смерти, как бы желая сорвать скромный венок, возложенный на могилу А. В. Ступина его друзьями и учениками.

* В. Г. Короленко, «Муза», стр. 69.

** Записки А. В. Ступина, 1847, стр. 477.

*** В собрании Гос. Русского музея имеется холст, изображающий общий вид г. Арзамаса (0,65×1,065), не блещущий большими живописными качествами, пришедший из Гатчинского дворца, но мы не имеем твердых оснований приписывать его А. В. Ступину.

Н. Е. Рачков писал:* «Как назвать такого академика живописи, как не находчивым хозяином — живописцем или иконописцем, устроившим по-маленьку в глуши дела свои, благодаря слабости и снисходительности одних, непониманию других и лаженью со всеми, — в чем заключается тайна его успеха в сношениях с Академиею».

«За рекомендации от людей простых и вообще недалеких Академия принялась ходатайствовать» о нем у президента. «Добрый президент и никто другой вовсе не думали обращать внимание, что школа выгодна для самого Ступина, давая ему сотрудников для исполнения заказов, на праве крепостной зависимости в течение известного срока; не считали нужным наводить справки, как далеко успевали вообще ученики, исключая Горбунова, таланта природного и приготовленного все же немного. Отцы-благодетели видели покорность и низкопоклонство** содержания живописной иконописной мастерской в Арзамасе, какою в самом деле, никак не более, была так называемая художественная школа Ступина, — и исполняли то, чего он добивался. Художественных достоинств он сам не имел для вступления в члены Академии, но его из милости признали академиком».

Насколько это заключение несправедливо, мы увидим в дальнейшем.

Арзамас. Могила А. В. Ступина.
Фото Д. В. Прокопьева.

* «Иллюстрация», 1862 г., № 219.

** Приведем любопытный факт, сохранившийся в делах Арзамасского уездного суда (1804—1847), характеризующий А. В. Ступина как раз с иной стороны. На него была подана жалоба прапорщиком П. А. Храповым в том, «что он обесчестил его названием грабитель, с произношением слов: разбой, хищничество и наглость». А. В. Ступин отказался явиться на суд, согласно привилегий Академии Художеств (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, вып. 6, 1889 г., стр. 253).

В. Г. Короленко, когда Ступина уже более двадцати лет не было в живых, писал следующее: «Вообще отношение Ступина к своей среде, то есть к благодетельствующему его мещанству, носит... странный, запутанный и даже для нас, нынешних людей, совершенно непонятный характер».*

В Ступине мы ценим личный пример проявления огромной силы воли, благодаря которой он смог достигнуть своих замечательных целей. Ценим в нем организатора дела нового, необыкновенного и трудного в ту эпоху. С его именем неразлучно связаны: ненаписанная еще история крепостных русских мастеров (чьи многие имена сохранились только благодаря ему) и истоки художественной культуры русской провинции, давшие на почве Арзамаса блестящий пример для дальнейшего развития ее в России.

СПИСОК РАБОТ А. В. СТУПИНА

1800 г.

Портреты отца и матери иеромонаха Александро-Невской лавры о. Доримедонта. Местонахождение неизвестно.

Копия с портрета о. Доримедонта. Местонахождение неизвестно.

*Натурщик. «Р.** А. Ступин» 20 апреля 1800 г., 64,8 × 46,4. Итальянский карандаш, уголь, мел. Гос. Русский музей. № 21320.*

Натурщик. «Р. А. Ступин». 31 августа 1800 г., 61,7 × 45. Итальянский карандаш, уголь, мел. Гос. Русский музей. № 21316.

Натурщик. «С оригинала. Р. Ал. Ступин». СПб., 1800 г. окт. 25 дня «Р. Ал. Ступин». 59 × 43,8. Графит. Гос. Русский музей, № 21321.

Натурщик. «Р. Ал. Ступин 7 нояб. 1800 г.», 66,5 × 46. Итальянский карандаш, уголь, мел. Гос. Русский музей, № 4518.

1801 г.

Натурщики. «Посторонний Р. А. Ступин. 2 серебряную медаль. По четырехмѣсячному экзамену происходившему сего Маія 4-го числа посторонний ученикъ Александръ Ступинъ удостоенъ къ получению второй серебряной медали 1801 года». 65 × 46,3. Итальянский карандаш, уголь. Гос. Русский музей. № 21315.

Натурщик. «Р. А. Ступин. 1801 нояб. 28. Посторонний». 66,6 × 45,4. Итальянский карандаш, уголь, мел. Гос. Русский музей. № 21317.

1800 — 1802 гг. (?)

Рисунок с гипсовой фигуры. «Ал. Ступин». Гос. Горьковский музей.

Натурщик в рост, облокотившийся о подставку. Гос. Горьковский музей.

* В. Г. Короленко, «Муза», стр. 91.

** Буква Р означает сокращенное слово «рисовал».

Натурщик в рост, в позе отражения удара. Гос. Горьковский музей.

Натурщик со змеей. 48 × 61. Сангина. Гос. Русский музей. № 6054.

Натурщик. «Ал. Ступин». 57,5 × 46. Сангина. Гос. Русский музей.
№ 21319.

Портрет П. И. Аверина. Местонахождение неизвестно.

1 8 0 3 г.

Рисунок с гипса (голова). Собр. Н. Н. Кравченко. Москва.

1 8 2 2 г.

Рисунок с гипса. Сангина. Собр. Н. Н. Кравченко. Москва.

1 8 2 6 г.

Вид города Арзамаса. Прецоднесен Н. А. Бахметьевым царю.

Неизвестной даты:

Академический рисунок. Сангина. Собр. Н. Н. Кравченко. Москва.

ШКОЛА

По возвращении в 1802 г. из Петербурга А. В. Ступин тотчас же серьезно принялся за организацию своей школы живописи. На себя он взял преподавание специальных предметов и общее руководство школой. Для преподавания общеобразовательных предметов—истории, географии, арифметики, чистописания и закона божия—он приглашал преподавателей арзамасского народного училища.

Вскоре А. В. Ступиным был принят и выполнен большой заказ князя грузинского в с. Катунках по оформлению храма, где было написано до 90 картин, выполнены лепные наружные работы. Работа эта заняла два года и дала около трех тысяч рублей. Это обстоятельство позволило ему приобрести большой дом у г. Юрловой за 2800 рублей для школы.

«Купленный дом был прочный, но выстроенный по старине». Чтобы его окончательно приспособить для новых целей, в 1813 г. была произведена генеральная перестройка «на свой вкус», по проекту М. П. Коринфского. Вначале были сделаны лишь самые необходимые достройки: каретный сарай переделали в две галереи—античную и картинную с пятью комнатами.

В 1808 г. школа перешла в перестроенное здание. Здание было расположено в возвышенной части Арзамаса и примыкало к трем улицам: Прогонной, Троицкой и Стрелецкой.

При отъезде своем из Петербурга в 1802 г. А. В. Ступин получил от Академии Художеств слепки с антиков: «Гладиатора» (бойца), «Венеры Медицейской», «Фавна», пятнадцать различных бюстов и «Анатомию» Гудона. Значительное число эстампов, этюдов, эскизов и книг, главным образом, художественного содержания, получил он от своих учителей, друзей и приобрел сам.

Учитель Ступина И. А. Акимов подарил ему копию с Рубенса, изображающую Вакха, в размер подлинника, свой холст «Крещение Ольги», несколько своих рисунков и чертежей, несколько эстампов Корреджо из коллекции Аннибала, шестнадцать эстампов с рисунков самого Корреджо, пять рисунков и две книги «Обозрения художеств».

Профессор исторической живописи В. К. Шебуев подарил ему две картины, написанные с натуры, два эскиза своего сочинения и две натуры, и впоследствии прекрасную голову Василия Великого, которую он вырезал из своей картины. Отдавая ее, он сказал: «У меня просил граф Аракчеев, но я не отдал ему: она лучше пригодится тебе...».

Архитектор А. А. Михайлов подарил ему своего сочинения план и фасад Московского театра.

От А. Е. Егорова был получен автопортрет и портрет А. В. Ступина.

От А. Г. Варнека—собственный портрет и др.

Г. И. Угрюмов подарил несколько эстампов—голов.

До 700 рублей задолжал А. В. Ступин на покупки для школы. «Все это собрано по случаю за сходную цену и в том числе много дареных от моих благодетелей, а иначе трудно бы было собрать при тогдашнем моем состоянии такую библиотеку».

Товарищ М. И. Козловского—А. М. Иванов, познакомившись с А. В. Ступиным и полюбив его, передал ему остатки своего собрания эстампов.

«Все передал мне, даже с папками и бумагой, из них есть редкие, собранные в Риме и Париже»,*—писал А. В. Ступин.

Другим его другом, Ф. М. Свешниковым, было также много сделано. «Много мне способствовал в составлении моей библиотеки, в переплете книг и папок, выбором и подарками в оных, которых я целые короба пересылал чрез него в Москву, а потом и в Арзамас».**

А. Ф. Лабзин, конференц-секретарь Академии Художеств, «дарил меня книгами»,—вспоминал А. В. Ступин.

В 1809 г. Академия Художеств, по рапорту, представленному лично А. В. Ступиным, признала его за труды своим академиком, а школу приняла под свое покровительство, обязав ежегодно сообщать отчеты о состоянии последней и присылать работы учеников, чтобы Академия могла следить за успехами вновь открытой школы.

В этот приезд А. В. Ступина в Петербург он взял с собой своего сына Рафаила, арзамасского мещанина-самоучку М. П. Коринфского и лучшего ученика из крепостных И. Горбунова,

* Записки А. В. Ступина, 1847, стр. 391.

** Ф. М. Свешников—книгопродавец, «Записки», стр. 390.

захватив ряд работ учеников, картины и 30 рисунков, снятых с подлинников и гипсовых фигур.

Успех А. В. Ступина и его школы был большой: рисунки и работы получили полное одобрение его учителей. И. А. Акимов с похвалой отозвался: «Дай бог хоть бы и у нас так рисовали. . . не для чего выбирать: все нарисовано очень хорошо».

В результате, за лучшие работы: И. Горбунов за портрет А. В. Ступина и копию с эстампа, Соколов за копию с Рубенса— «Самсон и Далила» и Лебедев были награждены серебряными медалями. Рафаил Ступин был принят в Академию на казенный счет, И. Горбунов принят в Академию к профессору А. Е. Егорову и М. П. Коринфский—к профессору А. Н. Воронихину.

А. В. Ступин получил от Академии и своих бывших профессоров и доброжелателей ряд учебных пособий, произвел ряд закупок картин, эстампов и книг и возвратился в Арзамас для продолжения своих работ.

1813 г. отмечен в жизни школы перестройкою и расширением ее по планам, сделанным М. П. Коринфским.*

Побывав в этом году снова в Петербурге, А. В. Ступин произвел новые закупки книг и материалов для школы.

От своего приятеля Ф. М. Свешникова он получил в подарок «Проповеди Моссильонови», а А. М. Иванов передал ему последние остатки рисунков и эстампов.

1815—1818 гг. были заполнены производственными работами всей школы в г. Пензе, в соборе, в с. Петине у г. Анненкова и в с. Салме для г. Нечаева.

В этом году А. В. Ступин по духовному завещанию от своего дяди В. В. Попова получил** «довольное количество книг классических, духовных и исторических».

В 1820 г. расписывали иконостас в заштатном городе Починках. В 1822 г. работали в соборе в Нижнем-Новгороде, на ярмарочной площади. В 1824 г. по окончании живописных работ там «получил много новых эстампов. . . употребил на рисовальные оригиналы до 1000 руб. асс.».

В 1825 г. А. В. Ступин приезжает снова в Петербург с отчетом и работами учеников. Из них Академия Художеств наградила

* Чертежи и планы школы работы М. П. Коринфского были в 1813 г. на выставке в Академии. Об этом проекте, не дошедшем до нас, мы можем судить по ксилографии в журнале «Иллюстрация», № 219, от 17 мая 1862 г., допустив, что пожар школы в 1842 г. и последовавшее восстановление ее не сильно исказили первый замысел нашего молодого зодчего. Кроме того, в нашем распоряжении имеется фото школы, снятое в то время, когда в ней в начале XX века находилось приходское училище. Фото любезно предоставлено нам Н. В. Ильиным (Москва), которому приносим свою благодарность.

** Упоминание дяди В. В. Попова в «Записках» встречается впервые.—П. К.

Кузьму Макарова 1-й серебряной медалью, Ивана Соколова—2-й, а крепостного Афанасия Надежина (или Надеждина) только свидетельством на получение медали. Академия постановила о трудах А. В. Ступина довести до сведения царя, а школе подарила два слепка со статуй Мелеагра и Аполлона.

А. В. Ступин в этот год впервые представил работы своих учеников в Общество поощрения художеств, за что получил отзыв и в дар школе 39 листов литографий с рисунков Рафаэля и других знаменитых художников. Граф П. И. Кутайсов подарил слепок с мраморной статуи Аполлона своего собрания. П. И. Кикин познакомил его с английским художником Ж. Дау, который попросил А. В. Ступина подарить ему голову мальчика работы его школы, а взамен подарил двенадцать гравированных в Англии портретов с его работ для Военной галереи 1812 года.

В 1826 г. по предложению генерал-губернатора Н. А. Бахметьева, посетившего школу, был выполнен вид г. Арзамаса для представления царю.

В 1827 г. расписывалась церковь у помещицы Путиловой.

В 1828 г. работы шли в поместье Крутицкого.

В 1835 г.—в г. Уральске.

В 1836 г. А. В. Ступин представил в Академию рисунки и портреты работы своей школы. Среди работ были четыре картины Н. М. Алексеева, рисованные с натуры, за что последний был представлен в «назначенные». Ученикам Павлу Рачкову и Василию Бовину были даны серебряные медали 2-го достоинства. Карпу Виноградову и Памфилу Незнаеву была объявлена особенная похвала, а остальные получили «одобрение и внимание».

В 1837 г. на Нижегородской ярмарке на выставке работ школы царем были приобретены за 150 р. серебром два вида Нижнего-Новгорода, написанные с натуры Н. М. Алексеевым.

В 1839 г. были написаны местные иконы для церкви г. Чембар, Пензенской губернии.

В 1840 г. был принят заказ на выполнение иконостаса полковой церкви в Нижнем, а также принимали некоторое участие в росписях Воскресенского собора в г. Арзамасе.

1842 год был тяжелым годом для школы: 13 сентября подожгли сарай, пожар был затушен; 19 октября поджог был повторен, но ликвидирован, и, наконец, 5 ноября в третий раз подожгли школу злоумышленники,—«завистью ли побуждаемые, или имевшие в виду расхищение имущества».

Службы с надворными строениями сгорели, корпус школы с шестнадцатью комнатами был сильно поврежден.

Эстампы, книги, картины были вынесены из огня, но многое было расхищено и утрачено. Из семи статуй осталось только две, а из пятнадцати бюстов—третья часть.

А. В. Ступин с учениками был принужден искать пристанища под чужим кровом.

Двадцать седьмого ноября 1842 г. А. В. Ступин сообщил в Академию о случившемся. При содействии конференц-секретаря В. И. Григоровича было представлено ходатайство царю, который приказал выдать Ступину в единовременное пособие пять тысяч серебром.* Эта сумма была ему вскоре выдана из арзамасского казначейства. В августе 1843 г. школа приступила к работе в восстановленном после пожара помещении.

Школа представляла собой большой дом с мезонином и антресолями, включавший в себе: комнаты А. В. Ступина, классную, библиотеку, краскотерню и четыре комнаты для ученических спален (наверху). В доме было шестнадцать комнат. «В симметрию дома» были расположены две галереи для помещения картин, антиков, рисовальных классов и ученических копий. Для прогулок и отдыха существовал сад с беседкой, а для хозяйственных надобностей — огород с баней.

Рассматривая вид школы, воспроизведенный в «Иллюстрации» 1862 г., мы получаем полное представление о ней. Главный фасад украшен четырехколонным портиком, на высоком цоколе, с фронтоном.** Боковой фасад имеет два четырехколонных небольших декоративных портика, разделенных заборами и воротами. Здание рустовано, и главный фасад вдвинут в глубь владения; к тротуару выходила стройная решетка.

Из приведенного описания мы с достоверностью можем заключить, что малым портиком фланкировано здание галерей, а в переднем здании находились комнаты А. В. Ступина, классы, библиотека.

В конце 1843 г. Академия безвозмездно передала в школу, взамен утраченных при пожаре, следующие статуи: Лаокоона, Мелеагра, Венеру Медицейскую, Германика, головы: Аполлона, Юпитера, Ариадны, Александра Македонского, «Анатомию» Гудона и несколько бюстов.***

Здание школы до нас не дошло: оно было разобрано в 1910 г.,**** но посетивший его до разборки Н. Н. Врангель оставил нам описание двухсветного зала. По его словам, там: «весь потолок и боковые карнизы его украшены серыми аллегорическими фигурами, кариатидами и очаровательным орнаментом «enrîge», красиво выделяющимся на темносинем фоне. К сожалению, варварская рука не пощадила и этих восхитительных узоров, и грубая,

* Извещение ИАХ от 15/II 1843 г., № 763.

** На котором некогда было изображение Музы

*** Извещение В. И. Григоровича от 9/XII 1843 г., № 963.

**** Мы располагаем фотографическими снимками, сделанными до разборки.

Вид школы.
С гравюры 1862 г.

сплошная, чисто малярная живопись сверху донизу прописала все фрески, что подтверждает и находящаяся на потолке надпись: «Поправлял Николай Свешников 1891 года 25 часов».*

Внешний вид дворового фасада сохранился в акварели А. Д. Иконникова, последним же сохранено от разобранного здания капитальное завершение пилястра (находилось в кабинете ИЗО, в местном педагогическом институте).

В школу принимались малолетние ученики всякого сословия и звания на шесть лет, с платою по 200 рублей ассигнациями в год за учение, рисование, живопись и содержание, кроме платья; взрослые ученики—на четыре года с платою по 300 рублей в год, а обучавшиеся прежде—на три года с платою по 350 рублей в год.

Как мы уже упоминали, ученики школы, кроме специальных занятий, проходили общеобразовательные предметы, преподававшиеся учителями уездного училища.

* Н. Н. Врангель, стр. 440.

«Дом Ступина был обширный: в двух залах размещались ученики, в третьей помощники. Была также особо построенная большая галерея для статуй, античных голов и массы картин... У него было бесчисленное множество эстампов, академических рисунков и этюдов,—все это для учащихся служило богатым подспорьем, рисовали с оригиналов, со статуй и даже с натуры, т. е. занимались и натурщиками...».

«Занятия наши шли систематично и успешно. Лучшие работы учеников посылались раз в год в Академию Художеств, на экзамен, и нередко случалось, что Академия удостоивала и высылала ученикам в награду серебряные медали, разумеется, только ученикам свободного звания, а не крепостным, хотя крепостных-то и было наибольшее число; но в школе различия между теми и другими никакого не было—жили, как говорится, душа в душу, один за другого готовы были умереть...».

«Сам Ступин был человек отличный, добрый, деликатный и гуманный, знаток своего дела и семьянин...—а потому и помощники его и старшие ученики были такие же. Не могу назвать ни одного случая, чтоб кто-нибудь из них когда-нибудь позволил себе не только шипнуть или ударить кого из учеников, но даже выбрать кого неприлично, а уж о телесном наказании и говорить нечего,—и не слыхано...».

«Приятно и полезно проводили мы часы в праздничные дни, свободные от серьезных занятий. У г. Ступина была большая библиотека, и мы вполне были ее хозяевами, один из нас был и библиотекарем, и мы, так сказать, зачитывались до опьянения». ⁸

«Страсть к чтению и декламации была возбуждена в нас примером Рафаила Александровича (сына Ступина.—И. К.)... От него-то мы, так сказать, заразились поэзиею...».

Каждый год на святках у нас непременно устраивался театр—и какой театр! Заезжие труппы перед ним пасовали; арзамасская публика была от него в восторге». ^{*}

Школа, основанная А. В. Ступиным, просуществовала без изменения до его смерти (31 июля 1861 г.), когда единственными его наследниками явились внуки (дети дочери) и зять—художник Н. М. Алексеев, работавший в Петербурге, в Исаакиевском соборе.

После смерти А. В. Ступина Н. М. Алексеев ходатайствовал перед Академией, прося поддержать школу, которая «пользу приносила в том краю первоначально развивающимся талантам

^{*} И. К. Зайцев, Воспоминания старого учителя, «Русская старина», 1887 г.

*Роспись здания школы А. В. Ступина.
Деталь.*

молодых художников», и предлагая себя в преемники покойному А. В. Ступину. Для большего удобства и пользы дела Н. М. Алексеев находил необходимым перевести школу в Нижний-Новгород, но, не имея собственных средств, просил денежной помощи около 5000 рублей. Его ходатайство Академия препроводила в министерство императорского двора, откуда и был получен ответ: «Его величество, имея в виду, что означенная школа существовала 58 лет без всякого со стороны правительства пособия, не изволил найти никакого основания к назначению оною и в настоящее время».

Время прошло; наступил 1861 г., правительство не нуждалось больше в искусственном поддержании традиций академического искусства. Последнее сдавало, хотя и медленно, свои позиции зарождавшемуся реализму. В Академии не верили, что в Арзамасской школе будет на прежней высоте старая художественная культура, которая давно и без того уже была поколеблена и подменялась здесь, с одной стороны, натуралистическими тенденциями и тенденциями запоздалой романтики, а с другой стороны, — ростом реалистического направления преимущественно в портретной живописи.

1862 год оказался последним годом в истории Арзамасской школы. Н. М. Алексеев, получив отказ от Академии Художеств, приступил к быстрой ликвидации школы.

Нижегородский художник А. О. Карелин успел купить часть собрания, главным образом, гравюры и гипсы.

«В момент приезда моего отца в Арзамас за гипсовыми бюстами и статуями, числом около пятидесяти—тут была даже целая группа Лаокоона с детьми,—оказалось, что каменщики, обитавшие в залах бывшего музея, пробуя свои инструменты, так ампутировали носы, руки и ноги фигур, что спасти удалось только несколько академических бюстов, послуживших основанием уже в городе Нижнем школы рисования и живописи, которою мой отец руководил до своей смерти тридцать пять лет»,—писал А. А. Карелин.*

Много картин музея ступинской школы было приобретено академиком-мозаичистом А. Н. Фроловым, подарено разным лицам. «Ступинский музей был растаскан при свете белого дня». ⁹

После революции ряд материалов попал в Горьковский (б. Нижегородский) музей из того же собрания А. О. Карелина, б. Понетаевского монастыря, Арзамасского уезда, где было большое количество гравюр, главным образом религиозного содержания, некогда принадлежавших собранию А. В. Ступина.**

Два бюста школы—Юпитера и Люция Вера—попали в мастерскую Горьковского университета и находились на рабфаке, а «Анатомия» Гудона попала в классы педагогического института.***

Само здание школы, как мы уже говорили выше, было занято Троицким церковно-приходским училищем и в 1910 г., по видимому за ветхостью, было разобрано. Мы, посетив Арзамас в 1929 г., нашли на месте школы огромный пустырь без всяких следов былых строений.

* «Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге», т. III, стр. 109—114.

** Пишущему эти строки удалось приобрести в 1939 г. в Ленинграде некоторый подбор эстампов западных гравюров из собрания школы.

*** В. А. Ликин. Художники-живописцы в Нижнем-Новгороде, стр. 275.

* * *

«Без просвещения напрасно все старанье; Скульптура — искусство, а Живопись — мазанье».

Херасков

А. В. Ступин в своих записках 1847 г. писал: «Основавши свою школу по примеру, хотя в миниатюре, академическому, по крайней мере стал давать классы методическим образом с выведенных мастерских оригиналов, антических голов и фигур, во всем давая собою пример, все время и труды посвящая для пользы моих воспитанников».

Высказанные А. В. Ступиным мысли дают нам право считать, что небольшая провинциальная школа для этой эпохи явилась, правда, отдаленным, но все же сколком с Академии Художеств. Образцы Академии были сравнительно долго недостижимыми и представлялись совершенными для Арзамаса. Им вторили, их копировали, но пришло время, и они стали постепенно забываться, а искусство стало восприниматься в другом свете.

Сын А. В. Ступина, Рафаил Александрович, после возвращения из Академии Художеств восемь лет работавший в Арзамаской школе как руководитель рисовального класса, ввел в обиход последней черчение с эстампов, прямо пером без абриса карандашом, увеличение и уменьшение рисунков против оригиналов. Он открыл также перспективный класс, из которого вышли художники: Н. Алексеев, В. Раев, В. Щегольков, К. Макаров, И. Зайцев, Волков и другие. Он явился новатором в области преподавания. Оставив школу, Р. А. Ступин продолжал свою художественную работу вне Арзамаса. Итоги своей педагогической работы он оставил нам в рукописи «Курса рисования и живописи»,* который мы вправе рассматривать как руководство, зародившееся на почве Арзамаса, в условиях провинциальной школы и характерное для методов и установок, которыми она жила в свои лучшие годы.

В своем предисловии к рукописи, которая полностью именовалась: «Наука рисования и живописи, с верным руководством к правильному и скорейшему достижению познания их. Составленная Императорской Академии Художеств художником 1-го до-

* Рукопись нами обнаружена в библиотеке Центрального музея Татарской ССР (Фонд А. Ф. Лихачева), под № 358 (доп. каталог № 408), относится она к 1861 г., размер 35,3×21,8, 253 стр., 40 глав (местами листы утрачены).

*Роспись здания школы А. В. Ступина.
Деталь.*

стоинства исторической живописи и медалистом Рафаилом Ступиным», автор сообщил: «Я написал это краткое руководство к рисованию и живописи, которое, некоторым образом, вам может заменить учителя в сих полезных занятиях, и от успехов в оных, неоспоримо, зависит все ваше счастье. Художник, постигший тайну изящного и прилепясь, никогда не осиротеет в мире сем: он, имея через то верный способ поддерживать себя в жизни физической, будет всегда находить отраду в своем таланте, как в тесных объятиях друга. Такого художника гений вознесет выше людей обыкновенных—в другую сферу морального его бытия, где он, в очаровании творческой своей фантазии, самый мир будет созерцать

в лучшем виде. Конечно, приобретение сего превосходного дара сопряжено с немалыми трудами, но терпение и прилежание все преодолевают. А дабы сколько-нибудь труды сии вам облегчить и путь, ведущий к цели вашей, сократить, я, по человеколюбию, изложил сии правила, почерпнутые сколько учением, столько и опытом мною приобретенным. Если они принесут желаемую вам пользу, то я буду с избытком награжден и счастлив».

Дальше Р. А. Ступин писал: «Друзья мои! Исполняя восемь лет священное звание учителя вашего, непрерывное мое старание было доставить сколько можно более пользы, предав вам приобретенные мною познания. Прилежание ваше заменяло недостаток училищных наших пособий, а ныне, когда школа снабжена всем нужным, обстоятельства отторгнули от вас меня и вместе лишили приятного удовольствия руководствовать в вашем учении: но разлука не переменяла моего к вам расположения. Желая вам счастья, и вместе с сим, стремясь к общественной пользе;—ибо из вас многие готовятся для образования других».

Содержание этого «Курса» мы не можем отнести к вполне самостоятельным изысканиям автора.

Наш автор явился не творцом, а больше собирателем и систематизатором тех знаний об искусстве, которые были распространены в первой половине XIX века в России.

Роспись здания школы А. В. Ступица.
Деталь.

Содержание «Курса» по главам

Предисловие. Объяснение относящихся к рисованию и живописи некоторых употребительных речений.

Глава I. О рисовании и живописи предварительное понятие и историческое свободных художеств происхождение.

Глава II. О направлении в рисовании и живописи вкуса.

Глава III. О принадлежащих к рисованию и живописи науках.

Глава IV. О принадлежностях к рисованию и средствах упрочивать и сберегать рисунки.

Глава V. О геометрии.

Глава VI. О начальном рисовании.

Глава VII. О линейной перспективе.

Глава VIII. Об архитектуре.

Глава IX. О линейной перспективе.

Глава X. О рисовании с оригинальных голов.

Глава XI. О рисовании с оригинальных фигур.

Глава XII. О пользе рисования разнообразить разными предметами.

Глава XIII. О постановлении и оттенении для рисования статуй.

Глава XIV. О рисовании с бюстов.

Глава XV. О рисовании с цельных статуй.

Глава XVI. О пропорции человеческих костей и тела.

Глава XVII. О анатомии.

Глава XVIII. О рисовании с натуры. О выборе, постановлении и оттенении натурщика.

Глава XIX. О движении, пропорции и оттушевании натуры.

- Глава XX.* О выражении страстей и общее заключение о рисовании с натуры.
- Глава XXI.* Разбор некоторых античных статуй.
- Глава XXII.* О сочинении и о рисовании с произведений образцовых.
- Глава XXIII.* О выборе для сочинения предложения и в действии момента.
- Глава XXIV.* О расположении в сочинении предметов.
- Глава XXV.* О одеянии в сочинении фигур и об общем драпировании и построении манекена.
- Глава XXVI.* О сочинении околичностей.
- Глава XXVII.* О сочинении, о освещении.
- Глава XXVIII.* О школах, стилях и о разделении рисования и живописи по предметам.
- Глава XXIX.* О рисовании на металлах и на камне, для печатания эстампов, и о пользе их.
- Глава XXX.* О некоторых известнейших рисования и живописи художниках и разбор их произведений.
- Глава XXXI.* О живописи.
- Глава XXXII.* О живописной мастерской и инструментах.
- Глава XXXIII.* О живописных материалах—о маслах, о красках и о лаках.
- Глава XXXIV.* Для разных родов живописи о грунтовании, лакировании и о возобновлении эстампов и картин.
- Глава XXXV.* Для первоначального масляными красками учения о принадлежностях и о избрании оригиналов.
- Глава XXXVI.* О копировании масляными красками картин.
- Глава XXXVII.* О воздушной перспективе и о действии красок.
- Глава XXXVIII.* О писании масляными красками с натуры и о различных в живописи манерах.
- Глава XXXIX.* О роде портретном.
- Глава XL.* О качестве художника и о рисовании и живописи—наук, заключение.

В предисловии своем автор справедливо отметил отсутствие руководств для учащихся, так как преподавание ведется, главным образом, устно, поэтому не всякий желающий может пользоваться этими указаниями: «родившийся и с отличным талантом, но в отдалении от учебных заведений», будет лишен возможности получить необходимые «познания от других, должен доходить до всего сам собою; дорога сия весьма трудная».

«Желая пользы другим, я решился изложить начальные правила для желающих учиться сим искусствам, тем более для тех, которые лишены способов заимствовать оные от людей, по сим частям сведущих, и в которых по обширности нашего государства видимый недостаток».

Роль и значение искусства им определяются следующими словами: «Пленяя картинами происшествий зрение, как верный путь к сердцу, кроме удовольствия приносит пользу; показывая обязанности человека, рождает в нем благородные правила, — соделывает более чувствительными, утишает бурное волнение страстей, —

наклоняет к добродетели и поселяет мир и наслаждение в душе».

Рисование необходимо как вспомогательное искусство для многих наук: «Посредством рисования олицетворяются, так сказать, слова и мысли человеческие...». «Живопись — это прямой путь к душе; ничего не может быть лучше приурочено к понятиям толпы...» в сравнении с другими видами искусства.

Дальше он предпосылает «объяснение относящихся к рисованию и живописи некоторых употребительнейших речений». Здесь в алфавитном порядке приводится объяснение специальных терминов, встречающихся в искусстве. Всего их дано 275 и девять добавлений с примечаниями. Термины даны, кроме русской, еще во французской транскрипции, с разбивкой на группы по разделам той отрасли искусства, к которой данный термин принадлежит. Пояснение некоторых из них вызывает улыбку, при сравнении с современным уровнем наших знаний, но для своего времени разбор этих почти 300 (зачастую иностранных) слов был делом большим, помогавшим приблизить их к практическому, обиходному использованию.

Разбираясь в вопросе происхождения искусства, автор отмечает, что «рисование и живопись происходят от самых первобытных людей, кои по инстинктивному влечению к подражанию положили начало рисования хотя в грубых чертах, но время и опытность людей довели младенческое — первобытное искусство до усовершенствования».

«То же самое можно отнести и к живописи — может быть от первого пятна какой-либо цветной земли, или цветного соку растений, намазанного на чертеже, образовалось цветотворчество и дошло веками до очаровательного колорита Кореджиевой ночи и прочих дивных творений».

Дальше автор переходит к краткому общему рассмотрению искусства всех народов и всех времен.

Переходя к разбору искусства Запада, автор отмечает:

«Новые народы, усердствуя к религии, требовали великолепных храмов, а феодализм нуждался в оплоте несокрушимых жилищ,

Арзамас. Капитель пилыстра здания школы.
Фото А. Д. Иконникова.

почему и возникла архитектура, которая, смотря по вкусу, по удобству строительных материалов и по климату, приняла разные стили или характеры» (стр. 30).

В возрождении живописи автор отмечает два пути, один из которых можно сравнить с дидактической или аллегорической поэзией, а другой — с лиризмом (стр. 32).

Говоря о достоинствах школы Микеланджело, он отмечает: «Он запечатлел скульптуру и живопись неизгладимым своим суровым характером, и поэтому его последователи вместо приятности более стремились приобрести славу анатомиков, от чего и произведения их показывают выставку мускулов и натянутых движений» (стр. 35).

Находим меткое замечание: «Болонская школа от эпохи Карачей есть умное соединение в должном порядке всех частей живописи» (стр. 38).

В вопросе архитектурных стилей он высказал следующую мысль: «Водворили во всей Европе подражательную новую архитектуру итальянскую, но вместе с сим, в частности народной, в зданиях лишили удобства и самобытности или национального оригинального характера зодчества. К тому же, дробя и пестря строительное искусство древних новоизобретениями и новыми стилями, отклоняли архитектуру от красоты эстетической» (стр. 40).

Дальше мы читаем, что живопись «из назидательного художества сделалась после ремеслом для приобретения только корысти» (стр. 40).

Заканчивая свой обзор искусства Запада, автор переходит к рассмотрению русского искусства, отмечая развитие его с момента учреждения Академии Художеств (1761 г.). Он выделяет архитекторов: Старова, Кокоринова, Захарова, Стасова, Воронихина, Михайлова; скульпторов: Козловского, Мартоса, Прокофьева; живописцев: исторического рода — Лосенко, Акимова, Угрюмова, Шебуева, Егорова; портретного — Кипренского, Варнека; видописи — Воробьева, Шедрина; гравирования — Берсенева, Уткина и других.

Рекомендует разбирать художественные произведения, замечая красоту и недостатки последних, советуясь с людьми сведущими, а также читать разборы об этих произведениях, но при чтении «должно быть осторожным, — не принять за справедливые суждения ошибочные» (стр. 43—44).

Рекомендует «обогащать себя науками». Особенно они нужны при «изображении предметов, не предстоящих пред его глазами» (стр. 45). Науки, которые соприкасаются с рисованием и живописью: перспектива, анатомия, архитектура, священная история, светская, естественная, баснословие, иконология, археология, геометрия, физика и химия. С помощью иконологии «уразумеваются

Рисунок к «Курсу рисования и живописи».

все эмблемы». «Химия в живописи полезна по входящим в нее материалам [?], от которых зависит удобство, прочность и достоинство работы» (стр. 48). «Науки, как верный путь, ведут к большим успехам в искусстве» (стр. 48).

Автор останавливает внимание читателя на рисовальных принадлежностях, давая изображения их (стр. 57). Далее дается краткий очерк из планиметрии, снабженный необходимыми чертежами и задачами (черчение геометрических фигур, превращение геометрических плоскостей и пр.) Автор оговаривается: «Излагая некоторые правила практической геометрии, я не имел в виду быть учителем математики. Цель моя та, чтоб поверх-

ностно без доказательств показать черчение употребительнейших фигур, входящих в состав рисования» (стр. 94).

Давая задания по рисованию от простейших примеров до сложных, автор высказывает мысль, «чтобы ученик, оставя в какое-либо время свое учение, мог показать, что учился не даром и что основательно знает, что в такое время знать возможно» (стр. 99).

В вопросе о перспективе говорит о линейной и воздушной или тьмо-свете, поясняя изложение соответствующими чертежами.

Давая начатки архитектурных сведений (снабжая рисунками и чертежами), он дальше переходит к анатомии, останавливаясь на описании частей тела. Его указания: «обрисовывая фигуру, надлежит прежде всего сыскать в ансамбле положение или движение фигуры; равно пропорцию в главных частях, как то: к туловищу головы, ног и рук, с означением легкими чертами и главных мускулов» (стр. 260). Только после проверки с оригиналом рекомендует «начисто вырисовывать».

«Чтобы познать подробнее и яснее строение человеческого тела, можно учиться с рисунков анатомических — миологии; но

Рисунок к «Курсу рисования и живописи».

не вдаваться в изучение анатомии много, дабы не привыкнуть в рисовании к мелочам и сухости» (стр. 26). После рисования оригинальных фигур рекомендует чертить с эстампов. «Полезно изображению человека во всяком виде, а память наполнить материалами для рисования по воображению» (стр. 262).

Рекомендует наблюдать натуру и рисовать с нее, обогащая тем память, навык руки и свой портфель (стр. 267).

О методе работы он говорит следующее: «Я не могу согласиться с их методой проходить курс учения, начиная с частей лица по порядку до познания рисовать человека; познания весьма далеко отстоящего от начала: познания осиротелого и сухого без связи с другими предметами» (стр. 268).

Возвращаясь снова к анатомии (глава XVII), он указывает, что «анатомия для художника не есть цель, но только средство, ведущее к цели» (стр. 271).

Анатомию сам автор прорабатывал под руководством И. В. Буяльского и пользовался анатомическими курсами П. Загорского и Е. Мухина.

Давая пояснения к классическим статуям, автор указывает на литературные источники: «Должно читать описание изящной древности: Винкельмана, Мелиция, Весконтти, Лессинга, Тирша и многих других, но Винкельман предпочитается прочим» (стр. 327).

Давая зарисовки популярнейших скульптур: Германика, Геркулеса (Фарнезского), Бойца или Гладдиатора, Лаокоона, Аполлона, Венеры и других, он прикладывает к последним двум стихи:

«Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон» (стр. 333).
(А. С. Пушкин. Эпиграмма).

«Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Пифона
Своей божественной стрелой.
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке спущенный лук,
Змея ужасная зияет
И с ревом испускает дух...» (стр. 334).

«Меня твой дивный вид, Венера, поражает
И вместе с сим в уме — неведение рождает;
Каким чудесным гением — тебя возмог
Великий Пракситель — из камня изваять.
Не сам ли то Парнасский бог
Твой истукан почтил создать,
Чтобы народы все прельщались
И совершенству удивлялись» (стр. 336).

В главе XXII автор указывает: «Сочинение заключается: 1) в выборе действия, 2) в расположении предметов между собою, 3) в одеянии фигур, 4) в околичности, 5) в освещении, 6) в правильном — изящном рисунке и, наконец, 7) в ясном выражении» (стр. 340).

«Произвольные сюжеты для сочинения следует избирать такие, которые бы были занимательны и поучительны» (стр. 349), «... чем живопись особливо исторического рода должна быть приятна и полезна».

Автор касается композиции и других вопросов изобразительного искусства. Ряд утраченных глав и страниц не дает полного «Курса», но все же по ряду высказываний мы можем заключить о том методе преподавания, который мог быть осуществлен на практике в условиях Арзамасской школы живописи.

ХРОНИКА ШКОЛЫ

Первыми учениками А. В. Ступина были Лев Иванов и Гаврила Фролов; он принял их в 1797 году и работал с ними по росписям.

Вернувшись из Петербурга в 1802 г., он сразу же приступил к организации школы. Медленно налаживалась работа, новая по своему существу и не легкая в условиях того времени и в таком захолустном городке, как Арзамас.

Но, несмотря на это, к 1809 г. А. В. Ступин имел значительные итоги, которые позволили ему поехать в столицу. Он туда привез работы школы, как мы уже знаем, и взял с собою своего сына Рафаила и ученика Ивана Горбунова, которые прошли обучение в школе и направлялись для дальнейшего учения в классах Академии. Туда же он привез и Михаила Коринфского — самоучку-резчика, который был обязан своим художественным развитием школе, хотя и не был ее постоянным учеником. Все трое были приняты в Академию, и присланные работы получили одобрение, ибо последние, по мнению Совета, «не только в рисунках явили весьма хорошие успехи, но и в самых колерах оказывают довольно знание».

Из учеников, бывших в это время, необходимо отметить Ивана Лебедева, за которого его отец благодарил Ступина в следующих словах: «Из невоспитанного возвратил мне его добрым человеком, почтительным сыном и полезным гражданином». Ему в 1809 г. Академией была прислана серебряная медаль за представленные работы. С 1810 г. он начал работать преподавателем по рисованию в Арзамасском уездном училище.

Иван Горбунов, поступив в Академию, работал у А. Е. Егорова и в 1810 г. был награжден серебряной медалью. Вернувшись в Арзамас, был помощником А. В. Ступина и первым преподава-

телем школы. В 1817 г. за портрет А. В. Ступина получил от Академии аттестат первой степени.

В 1810 г. из школы посланы учителя рисования в Нижегородское народное училище, и сделано представление на такие же должности в гг. Балахну и Арзамас.

В 1811 г. присланные из Арзамаса работы школы были на выставке в Академии Художеств. Академия прислала А. В. Ступину серебряную медаль «с дозволением ему вручить оную лучшему из учеников его», но, посылая ее, сделала указание, «что медали сии получать могут только свободные люди: то нужно предварительно знать, лучший ученик ваш из таковых ли окажется, которого можно было наградить сею медалью, не нарушая правил, в уставе Академии поставленных только о свободных художниках, а не крепостных людях».*

В ответ на это А. В. Ступин сообщил в январе 1812 г.: «Отличившиеся большею частью суть крепостные, а хотя в числе оных семь человек, а из свободных и один из них во всех отношениях подает большую надежду, но по краткости времени до первых еще не достиг, почему я, следуя во всем примеру Академии, и объявил от лица оной пред всеми учащимися крепостному (Остафьеву Дмитрию. — П. К.) самому лучшему отличившемуся в учении и поведении своем, что он, быв достойнее других, хоть и мог бы оной воспользоваться, но не быв однакож свободным, в силу академических постановлений получить ее не может».

Копию ордера А. В. Ступин отослал помещику Кошкареву — владельцу крепостного художника, «дабы он более имел внимания и отдавал заслуживающую справедливость талантам питомца своего». В этом же деловом письме он сообщал о посылке окончивших школу в Академию для продолжения образования, но, к сожалению, имена их не были указаны.

В 1812 г. присланные школой работы были на выставке в Академии Художеств. В отчете выставки, напечатанном в «Петербургских ведомостях», были упоминания и о работах Ступинской школы.

В 1813 г. двое учеников по «отжитии назначенных лет отбыли к своим господам», взамен их поступило двое новых. Вернулся И. Горбунов, о котором мы говорили, и стал преподавать в школе. С именем талантливой И. Горбунова связана лучшая эпоха школы.

В этом же году работы школы были на очередной выставке в Академии.

В 1814 г. в Академию из школы был направлен ученик П. Веденецкий.

* Архив А. Х., л. 35/38—36/39.

В 1815 г. Академия прислала 2-ю серебряную медаль достойному из учеников, которою был награжден ученик, получивший свободу [?]. Один из окончивших школу был представлен в учителя рисования в г. Горбатов.

В 1816 г. среди вновь поступивших были: Кузьма Макаров, Иван Соколов и другие.

В 1817 г. исполнилось пятнадцать лет существования школы, за этот период прошло сорок пять учеников.

В 1818 г. один из учеников, окончивших школу (И. Попугаев. — П. К.), был отправлен в Академию и находился у профессора Иванова.

В 1819 г. из Академии вернулся Рафаил Ступин и организовал перспективный класс, из которого, как мы указывали, вышел ряд художников: Раев, Алексеев, Надеждин, Каширин, Щегольков, Макаров, Гальянов, Пожаров, Волков и другие.

В 1820 г. один из учеников школы был отправлен в Академию для усовершенствования.

В 1821 г. один из учеников был отправлен в Петербург и находился у академика Д. И. Антонелли.*

В 1822 г. двое учеников, окончивших курс, определились в учителя рисования.

В 1823 г. один выбыл учителем рисования в г. Балахну.

В 1825 г. состояло в школе двадцать шесть учеников.¹⁰

Из письма А. В. Ступина в Общество поощрения художеств от 9 марта 1825 г. мы узнаем «Реестр ученикам, находящимся в школе и выпущенным».¹¹

В этом году Академия наградила серебряными медалями: Кузьму Макарова — 1-го достоинства, Ивана Соколова — 2-го достоинства, а Афанасия Надеждина как несвободного только свидетельством на медаль 2-го достоинства, впредь до освобождения.

В 1826 г. двое учеников определены учителями рисования, один в г. Макарьев, другой в г. Васильсурск.

В 1828 г. были представлены работы учеников, писанные с натуры: один портрет и три картины — «Дедиллы, Нарцисса и Нищего», как первые плоды после заведения натурального класса, пятнадцать рисунков с натуры, с антиков и оригиналов, пять чертежей с эстампов, прямо пером, и две перспективы одного ученика своего сочинения. Один ученик выбыл в Саранск.

* Дмитрий Иванович Антонелли (1791—1842 гг.) в Академию поступил в 1809 г. В 1811 г. получил золотую медаль за программу «Царь Иоанн Васильевич отдаст принесенную ему воинами в шлеме воду испытывающему жажду простому воину, коего сим напоевает»,

В 1812 г. получил медаль за картину «Нижегородский гражданин Козьма Минин, склоняющий сердца сограждан к пожертвованию всего имущества на спасение отечества». В 1820 г. получил звание академика за портрет И. П. Мартоса.

В 1829 г. трое учеников определены учителями рисования в Казанскую губернию: в гг. Чистополь, Цивильск и Царевококшайск, и один представлен в г. Серпухов.

В 1833 г. упоминаются портретные работы Пожарова, а по определению совета Академии Художеств вынесена похвала за работы Воронову и Климантову.

В 1834 г. частичное руководство учебной частью школы А. В. Ступин передал своему зятю Н. М. Алексееву.

В 1836 г., подводя итоги 35-летнему существованию школы, А. В. Ступин указывает общее число учеников за этот период—109 человек, из которых «вышло» (т. е. окончило.—П. К.) 94 человека, из них 24 человека состояло учителями рисования в различных учебных заведениях.¹²

В этом же году определен В. Щегольков в Пермскую гимназию, а один представлен был в Ирбит.

В 1839 г. один из окончивших был определен в г. Сергач, другой—в г. Семенов, Нижегородской губернии. Отличные успехи показали В. Бовин, П. Рачков, К. Виноградов и П. Незнаев.

От Академии (определение 15/16 декабря 1839 г.) назначены медали второго достоинства П. Рачкову и В. Бовину, похвала П. Незнаеву и К. Виноградову.¹³

В 1842 г. один из учеников был определен учителем рисования в г. Архангельск, двое получили награды от Академии Художеств.

В 1842 г. от поджога сильно пострадало здание школы.¹⁴ На восстановление школы, как мы уже отметили, была дана помощь правительством, и в следующем году занятия шли нормально.

В 1845 г. А. В. Ступин препровождал в Академию шесть картин (с натуры) отличившихся учеников—Н. Рачкова и И. Свешникова—и двадцать пять рисунков (с оригиналов гипсовых голов и античных фигур) прочих учеников.¹⁵

В 1847 г. А. В. Ступин писал в Академию: «С 1845 г. увеличил мою школу принятием в оную 6-ти свободных воспитанников, а хотя они могли умножиться еще 5-ю учениками, но я должен был им отказать, потому что они были помещичьи, которых я не принял, по тем же причинам, об которых я уже доносил Академии» (об этом была речь вначале.—П. К.).

В 1854 г. А. В. Ступин в своем рапорте дал сводку об учениках, которых за весь этот период существования школы было 150 человек:

1809 г. — 16 чел.	1816 г. — 20 чел.
1811 » — 18 »	1817 » — 20 »
1812 » — 20 »	1818 » — 16 »
1813 » — 20 »	1819 » — 16 »
1814 » — 19 »	1820 » — 17 »
1815 » — 18 »	1821 » — 21 »

1822 г. — 23 чел.
 1823 » — 22 »
 1825 » — 26 »
 1826 » — 28 »
 1828 » — 27 »
 1829 » — 23 »
 1830 » — 20 »

1833 г. — 15 чел.
 1836 » — 15 »
 1837 » — 15 »
 1842 » — 10 »
 1845 » — 10 »
 1847 » — 16 »
 1854 » — 6 »

По 1817 г. было 47 чел.
 » 1825 » » 74 »
 » 1828 » » 83 »
 » 1830 » » 95 »

По 1833 г. было 99 чел.
 » 1836 » » 109 »
 » 1839 » » 118 »
 » 1854 » » 150 »

Из этого числа А. В. Ступин указывал:

академиков — 2,
 с аттестатами 1-й степени — 4,
 неклассных художников — 12,
 удостоенных медалями — 14,
 определено учителями — 24,

прочих — 36,
 завели свои школы — 3 (в г. Пензе,
 Козлове и Н.-Ломове),
 в Академии Художеств — 2,
 прочих выбыло 47.

Закончив свой рапорт от 30 сентября 1854 г.,¹⁶ А. В. Ступин писал: «Со своей же стороны я предполагаю твердое намерение, несмотря на 79-летнюю старость мою, продолжать труды мои до конца дней моих, сколько силы мои позволят к благу общему в образовании юношества».

Школа просуществовала лишь до конца жизни самого А. В. Ступина — до 1861 г., а в следующем году была полностью ликвидирована.

УЧЕНИКИ АРЗАМАССКОЙ ШКОЛЫ

Иван Михайлович
ГОРБУНОВ

П. Горбуновъ

1809 г 6 Юня

АВ было 33го отроду

И. М. Горбунов — крепостной дворовый человек капитана В. Братцова (Симбирской губ., Корсунского уезда, д. Беклемишево) — был отпущен на волю вдовой помещика в июле 1816 г. за «добропорядочное его поведение и верные ко мне услуги».*

В 1802 г. он был отдан в школу А. В. Ступина, по окончании которой, в 1809 г., был принят в Академию Художеств и работ

тал у профессора А. Е. Егорова. В 1812 г. последний ходатайствует о нем как о своем ученике:¹⁷ «Находился (он) здесь на собственном иждивении, проживает уже четвертый год; то ныне и желает отправиться в свою отчизну». Из этого ходатайства мы узнаем, что он поступил сначала в гипсовый класс, затем переведен в натурный. На экзамене в 1810 г. за рисунок с натуры был награжден второй серебряной медалью (а как крепостной ее не получил). В 1812 г. были выставлены в Академии Художеств портреты, писанные им с натуры. А. Е. Егоров отмечал, что он все это время «упражнялся с совершенным прилежанием и отличным рачением к художеству».

Уехавшему в Арзамас И. М. Горбунову было послано свидетельство (от 16/IX 1812 г.) об успехах и награждении медалью. Вернувшись в Арзамас, он приступил к преподаванию в школе.

* Архив А. Х., 52/1817, л. 3.

Как долго пробыл он там, сведений не сохранилось. В 1817 г. за представленный И. М. Горбуновым портрет А. В. Ступина Академия Художеств наградила его аттестатом первой степени.*

В 1835 г. он жил в г. Лыскове, Макарьевского уезда, а затем снова вернулся в Арзамас. Умер в октябре 1837 года.**

Его произведения нам не были известны до сих пор. Только в декабре 1936 г. нам привелось увидеть его работу***—портрет А. В. Ступина (масло 0,46×0,39) прекрасной живописи и изумительной характеристики изображенного. На обороте портрета есть надпись: «П: (П: обозначение «писал»—П. К.) Горбунов 1809 г. 6 июня, А. В. было 33 отроду». Последняя говорит о точной дате произведения, а сама живопись—о большом даровании и вполне законченном мастерстве художника при окончании учебы в Арзамасской школе живописи.

Труд этот говорит и о высоком уровне педагогической работы в школе; талантливый крепостной юноша успел за семь лет пребывания в ней (с 1802 по 1809 г.) достичь большой высоты мастерства.

Изучая такого блестящего представителя Арзамасской школы живописи, каким является Иван Михайлович Горбунов, мы тем самым получаем новый необходимый материал для истории русского искусства. Истоки раннего русского реализма необходимо искать не только в искусстве столиц, но и в подлинных рассадниках искусства и художественной культуры—в наших провинциальных школах, которые черпали силы в своей близости к жизни и к истокам искусства народных масс, в частности крепостного крестьянства.

Рафаил Александрович СТУПИН ****

Рафаиль Ступин

Родился 12 апреля 1798 г. и воспитывался в семье отца, который незадолго до этого, после успешной работы в Арзамасской Всесвятской церкви, приступил к обучению учеников. В 1800 г. А. В. Ступин отправился в Академию Художеств, оставив жену и сына на попече-

* Архив А. Х., 79/1812, л. 1.

** Там же, 30/1837, л. 1.

*** В Ленинградской закупочной комиссии, из собр. Перцовой, ныне в Гос. Русском музее.

**** В основу положена наша работа—«Рафаил Александрович Ступин», напечатанная в журн. «Казанский музейный вестник», 1924 г., № 1, стр. 59—68.

*Р. А. Ступин. Портрет военною. 1828 г.
Исторический музей. Москва.*

нии своих учеников. Подрастая, будущий художник был свидетелем энергичной работы отца по созданию школы, знакомясь таким образом с будущей специфической обстановкой живописца.

В раннем детстве он обучался в народном училище, затем французскому языку—с детьми Бутурлина и в Катунках у Микулиной, а рисованию—дома.

В 1809 г. одиннадцатилетним ребенком отец отвез его в Петербург, для определения в воспитательное училище при Академии Художеств, куда он и был принят казенным воспитанником. Застал он в Академии президентство гр. А. С. Строганова, правление П. П. Чекалевского и в самом конце—А. Н. Оленина. Об его ученических годах сохранилось очень мало сведений, но все же мы можем установить, что во время пребывания там он обучался рисованию с натуры и исторической живописи у различных учителей, а также проходил общеобразовательные предметы. Академии он обязан и своим увлечением книгами, декламацией и драматическим искусством. В бытность его в Академии устраивались домашние спектакли, в которых участвовал и он, вырабатывая свое артистическое дарование под руководством трагика имп. театра Яковлева.* Это увлечение молодой художник сохранил до конца своей жизни.**

В 1813 г. Рафаила в Петербурге навестил А. В. Ступин, который поручил «своего вероломного» сына художнику М. Тихонову.

В 1816 г. 23 декабря, будучи учеником 4-го возраста, по четырехмесячному экзамену Р. А. Ступин получил серебряную медаль второго достоинства за рисунок с натуры. Повидимому, сильное увлечение театром, а с другой стороны, и свободолюбивое поведение увлекающегося Р. А. Ступина послужили основанием к увольнению последнего в 1818 г., всего за год до окончания Академии, с выдачей ему свидетельства об обучении наукам и «живописному художеству»*** Сам А. В. Ступин с большой грустью в своих «Записках» писал, что сын уволен из Академии «за своевольные поступки, за непослушание и отлучки, а больше за ссору, учиненную в трактире со своими товарищами». Ему пришлось вернуться в Арзамас и, воспользовавшись полученными в Академии знаниями по наукам и искусству, разделить труды отца. О педагогической работе Р. А. Ступина мы можем узнать из до-

* Сохранились воспоминания о том, что он был помощником А. Ф. Лабзина при сценических постановках Академии, выполняя обязанности и суфлера и актера; бывали случаи, когда из-за его самовольной отлучки расстраивались спектакли.

** См. Воспоминания старого учителя И. К. Зайцева. 1805—1887, «Русская старина», 1887 г., стр. 668,

*** Архив А. Х., дело Совета, № 169, 1829 г., л. 4. Свидетельство № 403.

несений отца в Совет Академии. Открытые в школе перспективный, а несколько позднее натурный класс — детища молодого новатора, стремившегося вести школу отца по пути обновления метода преподавания и новых исканий.

Совместная с отцом педагогическая работа летом сменялась живописными работами по уездам и даже отдаленным местам России.

Работая в Арзамасе, Р. А. Ступин продолжал быть человеком своевольным и любил, по словам отца, убивать «время в праздности с свободными дворянами». Несмотря на это, отец хлопочет о нем перед Академией, добиваясь возможности окончить ему последнюю и тем самым получить необходимое звание художника.

Деятнадцатого января 1825 г. А. В. Ступин в донесении своем в Академию упоминает: «5 чертежей с эстампов, рисованных под особенным присмотром сына моего бывшего воспитанника сей Академии Рафаила Ступина, который по возвращении своем из Академии, приняв рисовальный класс в особенный свой надзор, ввел в школе моей уменьшение и увеличение рисунков против оригиналов; и черчение с эстампов прямо пером без абриса карандашом, что до того времени не было в употреблении, и сим способом рисования возбуждая в учениках сугубое рвение, приобрел через то и привязанность и возродил в них живейшую деятельность к дальнейшим успехам. Таким образом время от времени довел до ошутительного перед прежним улучшения не только рисовальный свой класс, но и вообще все художественное заведение мое».*

Перспективный класс, открывшийся под его руководством в 1819 г., дал ряд художников, о которых будет речь дальше.

Р. А. Ступин обладал способностью заражать своим энтузиазмом; он не мог довольствоваться окружающей обстановкой. Ему мало казалось работать с учениками, он занимается также и их культурными развлечениями. На восьмом году своей педагогической работы он принимается за составление «Курса рисования и живописи», в заключении которого пишет: «Тогда вспомните и обо мне грешном, что я трудился в Арзамасской школе для образования беспомощных вас (учеников.— П. К.) в глуши с малыми способами, забыл собственные житейские выгоды свои, из одного человеколюбивого сострадания, и первый дал хотя немногим в живописи методическое наставление, за что вашими успехами и был награжден. Видя впоследствии созревшие моего рассадника плоды в гг. Раеве, Алексееве, Надеждине, Каширине, Щеголькове, Макарове, Гальянове, Пожарове и других».

* Архив А. Х., дело Совета, № 8, 1802 г., л. 1/107.

Р. А. Ступин. Два натурщика. 1816 г.

ГРМ (№ 21327)

*Р. А. Ступин. Портрет неизвестной.
30-е и.*

«Но велико ли ваше число в сравнении с тем, которое находится беспомощно в настоящих правилах образования в живописи по обширному нашему государству; почему я первый и решился изложить и обнародовать систематическое и методическое учение Рисованию и Живописи с частями входящих в них наук и других принадлежностей и тем проложить и сократить дорогу и дать помощь всем бедным и лишенным средств к настоящему учению. Не мог я написать моего изложения лучше—это потому, что не имел в помощи необходимых средств вещественных, ни совета мудрого. Оно зародилось и выросло в бедности, следовательно в немногие свободные часы от непрерывных моих трудов для

насушного хлеба — как наемщика или с указкою в руках, или за агрономиею и прочими хозяйственными маетностями—в степях Украины и в лесах киргизских, где я скитался или вертелся под колесом непостоянной фортуны, во мраке не видя искры художественного просвещения, тут и там часто в курной избе, среди дикой природы я писал об изящном зодчестве; лучи солнца и дождливая радуга были мне помощниками в перспективе; по куску глины с помощью кузнечного горна, и долгим опытом обнаруживал таинства красочной химии; с грубыми поселянами и поселянками руководствовался в определении пропорций и форм человеческого тела и, наконец, стремясь к пользе общественной, желал посильными и усердными трудами моими доказать почтенным наставникам моим, что я советами их пользовался не даром. . .».*

* Рукопись Р. А. Ступина, стр. 252—253.

Работая по подготовке питомцев школы, Рафаил Александрович Ступин поощрял учеников к серьезным занятиям, к чтению книг, поэзии и декламации.*

За всей этой работой — воспитательно-педагогической и по составлению руководства — Р. А. Ступин не забывает и свое собственное творчество. Мысль завершить академическое образование, прерванное в 1818 г., не оставляет его. В 1825 г., вместе с отчетными работами учеников своей школы, А. В. Ступин представил на рассмотрение Академии и композицию сына «Велизарий».** Академия, рассмотрев донесение Ступина в части, касающейся Р. А., выразила полное беспристрастие и назначила ему программу: «написать масляными красками к будущему торжественному собранию картину, изображающую Иоанна Крестителя в полуфигуре с руками, с тем, чтобы фигура была написана с живой модели»*** Не без желания помочь своему другу А. В. Ступину, академик А. Е. Егоров прислал эскиз к картине «Иоанн Предтеча», но, по словам А. В., «сын мой, по рассеянности и нерадению своему, не мог ничего успеть сделать». Несмотря на это, в конце 1826 г. А. В. Ступин рапортом доносил в Академию о состоянии своей школы и представлял, кроме работ учеников, оконченную программу своего сына, с которой был отправлен и сам автор. Задержка в представлении объяснялась отсутствием Р. А., занятого росписью церкви в Симбирской губернии, в вотчине ген. Котлубицкого.

Р. А. Ступин. Л. Ф. Крупеников.
1837 г.

* И. К. Зайцев, стр. 668—669.

** Архив А. Х., дело Совета, № 8, 1802 г., л. 1/107.

*** Там же, лл. 4/110 и 1/116.

Р. А. Ступин. Булчица. 1850 г.
Казанский музей.

А. В. Ступин, указывая на самостоятельность работы сына, не забывает сказать и о заслугах последнего в работах школы. Но, видимо, представленная работа была весьма несовершенна, и поэтому Академия в течение двух лет не могла дать определенного суждения о программе. Арзамасцам пришлось напомнить о себе в 1828 г., * а затем Р. А. Ступину пришлось отправиться в Петербург, чтобы заканчивать или писать новую картину под наблюдением А. Г. Варнека. Вскоре он захворал сухоткой; в лечении болезни помог ему И. В. Буяльский. В знак признательности Р. А. рисовал ему с препаратов для медицинской книги.

В сентябре 1829 г. прошением на имя Совета Академии Художеств ** Р. А. Ступин

напомнил о своих годах пребывания в Академии, указал на законное свое право получения аттестата художника, ввиду своих работ в школе, а также — по программе, которая была «удостоена лестного внимания Академии», и своих личных занятий по усовершенствованию в художестве.***

Рассмотрев его ходатайство, президент Академии А. Н. Оленин нашел, что «Рафаил Ступин достоин особенного внимания Академии», и потому предложил совету «определить степень аттестата, которого он, Ступин, как бывший казенный академический питомец, по сравнению с другими вместе с ним выпущенными равных способностей учениками 4-го возраста, заслуживает»****

* Архив А. Х., дело Совета, № 127, 1828 г., л. 1.

** Там же, дело № 169, 1829 г., л. 3.

*** Эти занятия состояли: «в приобретении более познаний по той части, которой посвятил себя я, занимаясь в Медико-хирургической Академии под руководством и по препаратам д-ра Буяльского рисованием с натуры анатомии для художников, в свободное же время сочинял курс рисования и живописи».

**** Архив А. Х., дело Совета, № 34, 1829 г., л. 1.

Совет 30 сентября 1829 г. постановил выдать ему аттестат первой степени на звание художника живописи исторической, не ожидая подписания журнала; 6 октября ему было выдано свидетельство на это звание.*

По словам отца, Р. А. Ступин вернулся в Арзамас «с офицерским чином, но с развращенным умом и сердцем». А. В. Ступин был вынужден удалить его от себя. Он уехал из Арзамаса, жил некоторое время в Ливецке, а затем в Казани у архитектора М. П. Коринфского, старого друга и ученика отца, но и здесь не ужился и бродил по России. Умер преждевременно в самом начале 60-х годов; при ликвидации школы в 1862 г. он уже не фигурировал в числе наследников А. В. Ступина.

*Р. А. Ступин. Купец, 1850 г.
Казанский музей.*

Художественное наследие Р. А. Ступина невелико. Часть его вещей могла погибнуть во время пожара школы в 1842 г., часть вывезена, вместе с другими работами «ступинцев», после смерти А. В. Ступина его зятем Н. М. Алексеевым в Петербург, где была распродана и раздарена. Кое-что обнаружено нами в Горьковском, Казанском, Саратовском музеях, в Гос. Русском музее в Ленинграде и в частных собраниях. Таким образом, мы теперь располагаем рядом его ранних работ времени пребывания в Академии Художеств, затем периода его отъезда из родного Арзамаса (1834 — 1850 гг.) и, наконец, беглыми зарисовками на страницах его «Курса рисования и живописи».

Это весьма недостаточный материал для полного суждения о даровании нашего художника.

В лице Р. А. Ступина, по всему его складу, мы должны видеть художника переломной поры 30—40-х гг., когда на смену

* Архив А. Х., дело № 109, 1829 г., лл. 6—9.

*Р. А. Ступина. Портрет Симоновой.
1838 г.*

академическому искусству зарождалось искусство, проникнутое натуралистическими и реалистическими исканиями. Зарождалось оно в процессе общения художника с природой, натурой, являясь на первых порах простым отголоском исканий, начатых трудами А. Г. Венецианова и продолженных с успехом его ближайшими учениками и последователями. Под этим углом зрения, нам думается, будет понятнее скромное искусство «провинциального романтика» Р. А. Ступина, плохо уживавшегося в рамках своего времени, не умевшего создать себе нужных условий для жизни и развернуть свое дарование целиком; тем не менее, он оставил значительный след в провинциальном искусстве бы-

тового портрета и в художественной культуре своего времени.

Из ранних работ Р. Ступина мы имеем, помеченный 1810 г., рисунок сангиной с гипсового оригинала, и затем — не датированный, но приблизительно этого же времени, рисунок головы.

Оба рисунка суховатой манеры, но значительного мастерства в овладении формой и линией. Дальнейший этап в постижении академического искусства мы находим в его рисунке натурщика. Здесь налицо штудировка света и тени, а главное, композиционное решение натуры. Это лист зрелого ученика. Наконец, мы имеем его лист, датированный 1816 г. Здесь двухфигурная композиция, выполненная итальянским карандашом. Рисунок слегка стерт, но и в таком виде хранит следы серьезной работы 18-летнего художника, познавшего академическую премудрость, т. е. научившегося тонкому рисунку, обработке рук, следков, головы и фигур, тушовке, восприятию «классических» поз и штудировке анатомии. Искусственность поз несколько скрыта здесь введенным околично-

Р. А. Ступин. П. А. Левашев, 1840 г.

стей: слева мы видим дерево с редкими ветками, а подставкой натурщикам служит камень.

Остальные из имеющихся работ относятся к тому периоду, когда Р. А. Ступин оставил Арзамас и работал в Казани и в других городах Поволжья, в период его скитаний. Среди этих работ один женский портрет, не имеющий подписи, из собрания пишущего эти строки (выполнен на ватмане, 1826 г.), но, безусловно, принадлежащий нашему художнику, является самой ранней акварелью, известной нам и написанной в лучшую пору его творчества.

Портрет казанского купца Л. Ф. Крупеникова (1837 г.) — реальный образ, где автор мало польстил своему заказчику.*

Портрет М. И. Перцовой, урожденной Веневитиновой (1784—1863) — тоже 1837 г. — исполнен в иной манере.

В портрете жены профессора Симонова (1838 г.) Р. А. Ступин, следуя хорошим образцам акварельной миниатюры, дал вполне законченный реалистический образ.

Портрет Н. А. Левашева (1795—1865) 1840 г., своеобразный по выполнению, является одним из удачайших мужских портретов.

Портрет неизвестной (1846 г.) написан сухо, без большого подъема, повидимому, исключительно ради заработка.

К 1850-м гг. относятся три семейных портрета (купец, купчиха и девушка в синем платье). Вот приблизительно все, что нам удалось собрать и просмотреть из портретных работ Р. А. Впервые работы Р. А. Ступина привлекли к себе внимание как бытовые памятники на выставке 1916 г. в Казани, где были экспонированы из собрания Н. П. Крупеникова.**

В своих портретах Р. А. Ступин вплотную подходит к школе Венецианова, подчас совпадая с ней в своем лиризме и углублении в натуру, свойственным этой школе. Больше всего он пишет портреты купечества, к которому он близок и которое он знал, соприкасаясь с ним в работе. Любимым видом работы остаются женские портреты. Тут он тонкий мастер, умевший дать незатейливое изображение своей заказчицы и тонко подмечавший черты характера. Большое внимание он уделяет деталям костюмов (например, прекрасная обработка каймы шали у М. И. Перцовой). Автор никогда не писал прямоличных портретов, чаще в повороте влево на три четверти, выдвигая лицо, оставляя в глубине фон, большей частью сделанный точками — кистью, в серовато-темных тонах с переходами. Только на портрете Н. А. Левашева неожиданно появляется фон с романтическим облачным небом.

* Воспроизведен вторично в книге Леонида Гроссмана «Пушкин». М., 1939, стр. 533.

** Выставка картин: «Художественные сокровища Казани», Петроград, 1916, стр. 20—22 (№ 156—160).

* (Список составлен на основании архивных материалов, литературы и обнаруженных произведений его кисти.

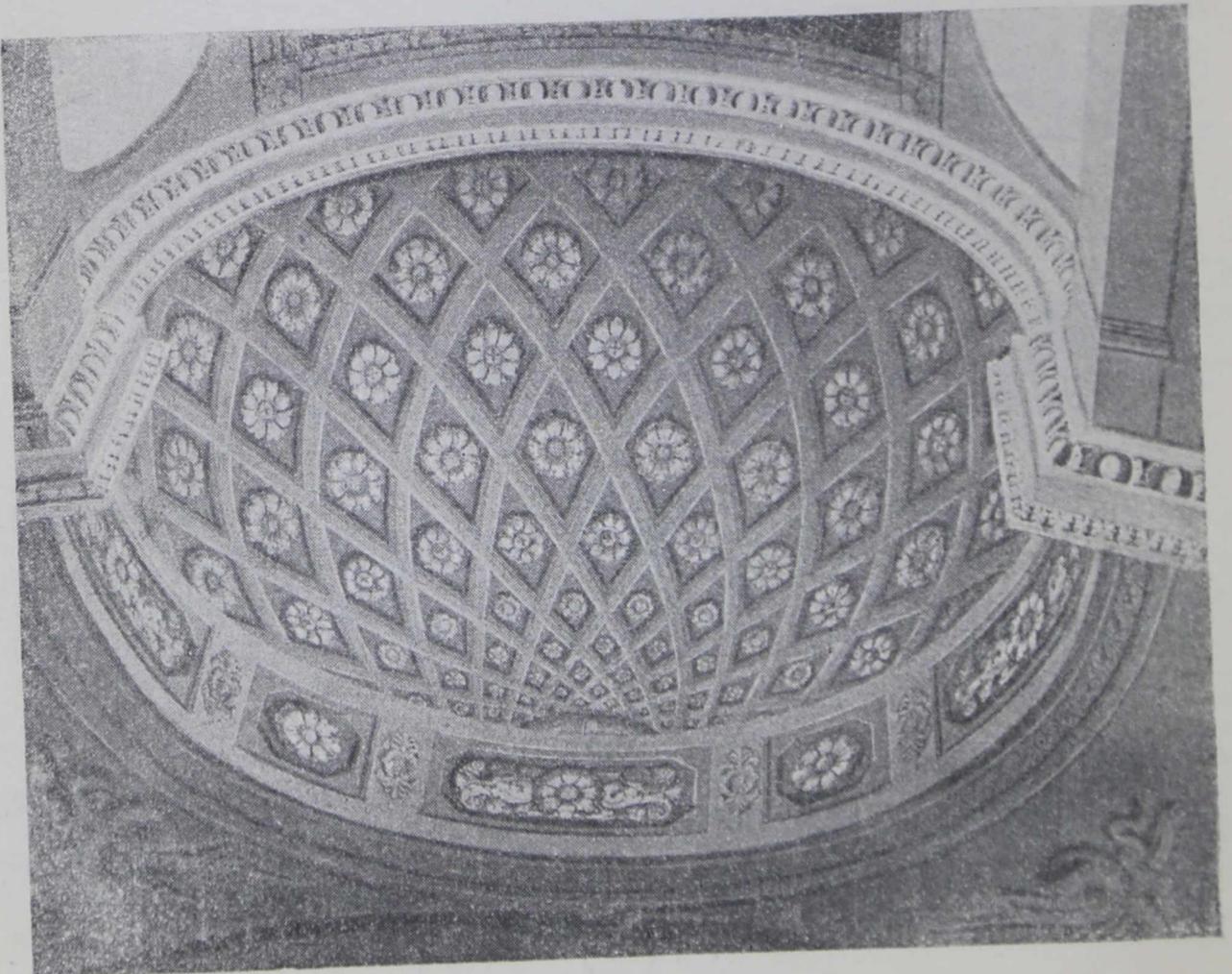
Рисунок торцов. Сантина. Написан: «2-го воз. Р. Рафаэль Ступина 1810-го года декабря 21 дня». Собр. Горьковского музея.

1810 г.

СПИСОК РАБОТ Р. А. СТУПИНА

С технической стороны все вещи Р. А. Ступина почти одинаковы. Отметим лишь, что ранние работы до 40-х гг. делались в более мягкой и сочной манере, не так зашугивались в обработке деталей (волос, лица, костюма и пр.); вещи же 50-х гг. носят как раз противоположные черты и не являются прозрачными акварелями, а скорее имеют характер масляной живописи.

Арзамас. Собр. Росице. Фото автора.

1810—1816 (?) гг.

Рисунок головы, Сангина. Надпись: «1 гипсовыхъ фигуръ, Р. Ступинъ». Собр. Горьковского музея.

Натурщик с вытянутой рукой. Ит. карандаш; 60×44. Надпись: «Р. с нат. Раф. Ступинъ». Собр. Горьковского музея.

1816 г.

Два натурщика. Ит. карандаш; 72,9×55. Надпись: «По четырехъ мѣсячному экзамену производившемуся 1816 декабря 23 ученикъ 4-го возраста Рафаиль Ступинъ за рисунокъ съ природы удостоенъ къ полученію второй серебряной медали. Дежурный профессоръ Ректоръ Федось Щелринъ». Собр. Гос. Русского музея, № 21327. Поступил в 1928 г. из Академии Художеств.

1825 г.

«Велизарій». Масло. Местонахождение неизвестно.

1826—1828 гг.

«Иоани Креститель». Масло. То же.

1827 г.

Портрет Л. Ф. Крупеникова. Масло. То же.

1828 г.

Портрет военного. Акварель. Собр. Гос. Исторического музея.

1837 г.

Портрет Л. Ф. Крупеникова. Акварель, овал. Подпись: «Рафаиль Ступинъ 1837 г.» Находился в собр. Крупениковых в Казани.

Портрет Ф. Л. Билетова. Акв. Собр. И. А. Износкова в Казани.

Портрет И. А. Билетовой. Акв. То же.

Портрет М. И. Перцовой. Акв. 20×16. Подпись: «Raphael Stupin, Kazan. 1837». Собр. Центрального музея ТатАССР, Казань. № 354.

1838 г.

Портрет жены профессора Казанского университета Симонова. Акв., в свету—18×13,7. Подпись: «Raphael Stupin, Kazan. 1838». Собр. А. В. Васильева Москве.

Портрет М. И. Кожевниковой (1807—1882), акв. 33×29. Подпись: «Kazan 18¹⁷/_{IV} 38 Raphael Stupin». Собр. Гос. Русского музея.*

* Приобретено из собрания О. П. Петровой в Казани. По ее словам, у нее были портреты Е. И. Пospelовой и А. И. Пospelовой работы того же мастера, переданные в какое-то московское собрание в годы революции.

1 8 4 0 г.

Портрет Н. А. Левашева. Акв. 25,5×20. Подпись: «1840 г. Рафаиль Ступинъ». Собр. Мертваго. Казань.

1 8 4 6 г.

Портрет неизвестной. Акв. 25,5×19,5. Подпись: «Raphael Stupin. 1846 г.». Собрание Центрального музея ТатАССР, Казань, № 301.

1 8 4 7 г.

Портрет П. У. Батурина (?) Акв. 30×23. Подпись: «Рафаиль Ступинъ 1847. Raphael Stupin» Собр. Радищевского музея. Саратов, № 6864.

Портрет А. М. Батуриной (?) Акв. 30×23. Парный предыдущему. Там же, № 6825.

1 8 5 0 г.

Портрет купца. Акв. 29×22. Подпись: «Рафаиль Ступинъ 1850 г.». Собр. Центрального музея ТатАССР, Казань, № 351.

Портрет купчихи. Акв. 28×22. Подпись: «Рафаиль Ступинъ 1850 г.». Собр. Центрального музея ТатАССР, Казань, № 352.

Портрет девушки. Акв. 29×22. Подпись: «Raphael Stupin 1850 г.». Собр. Центрального музея ТатАССР, Казань, № 353.

Портрет купца (повторение предыдущего). Акв. 31×24. Подпись: «Писанъ въ 1850 г. Рафаиломъ Ступинымъ». Собр. Радищевского музея, Саратов, № 6866.

Портрет купчихи (повторение предыдущего). Акв. 31×24. Подпись: «Рафаиль Ступинъ 1850». Там же, № 6867.

1 8 6 1 г.

Кроки в рукописи «Руководство рисования и живописи». Собрание Центрального музея ТатАССР, Казань, № 358.

Неизвестных дат:

Портрет неизвестной. Акв. на ватмане 1826 г. Овал в свету, 17×13. Собр. П. Е. Корнилова, Ленинград.

Портрет А. Л. Крупеникова. Масло. Местонахождение неизвестно.

Портрет П. А. Крупеникова. Масло. То же.

Портрет жены А. Л. Крупеникова. Масло. То же.

СЕМЬЯ

ХУДОЖНИКОВ МАКАРОВЫХ

Любопытное явление представляет семья художников Макаровых, состоящая из трех поколений, из которых два связаны с традициями Арзамасской школы живописи. Родоначальником и основоположником творческого гнезда их является Кузьма Александрович Макаров — крепостной помещика Горихвостова (Пензенская губ.), отпущенный впоследствии на волю. Точных данных из его биографии не сохранилось. Родился он, видимо, или в самом конце XVIII в., или в самом начале XIX в. Проявив свой художественный талант на родине, он был отдан помещиком в школу живописи А. В. Ступина в г. Арзамас. Школа дала молодому крепостному таланту все: обстановку для работы, среду и необходимую культуру. По представленным работам в Академию Художеств он в 1825 году получил медаль первого достоинства. Приходится допустить мысль, что К. А. Макаров к этому времени был уже «отпущен на волю» своим помещиком.

До недавнего времени ему приписывался портрет А. В. Ступина в собрании Горьковского музея. Нам посчастливилось обнаружить ряд фото с работ Макаровых, которые мы, по аналогии с портретом А. В. Ступина в Горьком, решаемся твердо приписать ему. К. А. Макаров после получения медали из Академии, признавшей его творческую и профессиональную зрелость, отправился в свои родные края — Пензенскую губернию. Девять лет, с 1828 г. по 1837 г. он состоял преподавателем в уездном училище в г. Саранске.

Школа К. А. Макарова в лучшие времена своего существования имела до 10 учеников. Как была обставлена эта школа, нам трудно гадать, но несомненно, как Арзамасская школа слегка копировала Академию Художеств (это дало повод поэтам пушкинской поры именовать ее «Арзамасской Академией»), так и саранская — копировала Арзамасскую школу.

Теперь, на основании вновь открытых нами материалов, мы имеем некоторые суждения о таланте самого К. А. Макарова. Портрет А. В. Ступина был, наверное, итоговой его работой по школе и, следовательно, может быть отнесен к 30-м годам XIX века. Теперь мы имеем воспроизведения ряда фамильных портретов помещиков Родионовых (имение «Вешкаймо» Корсунского уезда, Симбирской губернии, смежной с Пензенской). Это были заказы, протекавшие на протяжении десятилетия и падавшие на тридцатые и сороковые годы XIX века. Они не поражают нас своим исключительно высоким мастерством. Прежде всего они плохо сохранились (холст местами сильно поврежден и

не очень искусно зачинен, прописан, ослабло натяжение холста на подрамниках, заметно сильное пожухание красок, особенно в темных местах). Нам хочется это обозрение начать с портрета Дарьи Никифоровны Родионовой (урожденной Ивашевой). Это торжественное изображение пожилой дамы в кружевном головном уборе с таким же воротником и нарукавниками. На плечи глухо положена светлая шаль с каймой (типа колокольцовских или мерлинских тканых шалей). В руках она держит вскрытый конверт. Это бытовой портрет, где автора одинаково волновали задачи обработки лица, рук и самой одежды. Если в трактовке лица много реалистических черт скромного живописного плана, то в обработке

К. А. Макаров. Д. Н. Родионова.

одежды и ее деталей много красивых кусков тонкого мастерства. Неплохо осуществлена правая рука (сравни с рукой на портрете А. В. Ступина). В этом портрете борются два противоречивых начала: одно активное—реалистическое (лицо, руки), другое пассивное—натуралистическое (в одежде). В целом весь портрет очень типичен для работ арзамасцев. Налицо здесь тонкое вживание в образ, большая творческая радость мастера, с любовью создающего каждый кусочек живописи. Надо отметить, что весь характер портрета несколько архаичен для эпохи. В нем еще не изжиты некоторые торжественные черты конца XVIII века. В следующих работах К. А. Макарова: портрет Веры Михайловны Родионовой (урожденной Наумовой), портрет Родионовой, портрет Петра Ивановича Родионова (служил в лейб-гвардии конном полку при Александре I и Николае I)—мы ощущаем иную направленность художника. В сравнении с предыдущим портретом Д. Н. Родионовой здесь явно выраженные элементы романтизма. В. М. Родионова изображена художником за столом, пишущей в раскрытую книгу. В правой руке гусиное перо, перед ней чернильница и художественные безделушки. Портретируемая изображена в типичной для эпохи гладкой

прическе, в белом, воздушном платье. Фон глухой и темный. Голова дана в профиль. Перед нами не очень мастерское произведение по форме, но с глубоким чувством и настроением выполненное нашим художником. Красиво выполнена тонкая рука, мягко моделирована воздушная ткань платья, тонко и красиво написаны предметы натюр-морта на столе.

Второй портрет изображает одну из Родионовых сидящей с раскрытой книгой. Одна рука изображена под книгой, другая над книгой. Лицо дано в три четверти влево. На голове у нее кружевной убор с спускающимися кружевными концами и кружевным воротником. В лице заметна некоторая настороженность, взгляд ее брошен в окно, около которого она сидит. Самыми интересными кусками живописи, на наш взгляд, являются обе руки.

Портрет П. И. Родионова сохранился еще хуже. В темном сюртуке, с белым воротником, руки сложены одна под другой, голова в три четверти влево. Некоторая деревянность в трактовке всей фигуры бросается в глаза.

Следующая серия, пожалуй, самая интересная. Посвящена она детским групповым портретам. На одном из них изображены две девочки: Екатерина и Мария Родионовы. Они смотрят на зрителя. Первая слегка присела на кресло, вторая стоит рядом и обняла первую за шею. Обе они в воздушных газовых платьицах. С шеи первой на руки второй заброшена гирлянда цветов (написана натуралистически и очень тонко. Изображена даже муха, сидящая на розе). Спокойная живопись лиц, рук и всего околичного говорит о новом творческом подъеме художника. Все очень скромно, но с каким-то необычайным проникновением в натуру и с огромным трудолюбием разрешен этот портрет.

За этим двойным портретом следует тоже групповой, изображающий Михаила, Николая и Петра Родионовых (четвертым был Дмитрий, но от него осталась одна лишь рука). Они расположены группой, тесно сидящими. Михаил (?) держит в правой руке лист бумаги, в левой — рейсфедер, под ней папка с другим листом бумаги, прикрывающим начатую тушовкой голову. Слева на его плечо положил голову Николай (?). По другую сторону с книгой в руках сидит Петр. Композиционно продуманная группа, не лишенная прихотливой живописности. Все лица хорошо решены и тонко написаны. Гораздо скучнее осуществлена живопись всего околичного, кроме папки, листов бумаги и рисунка.

Последний портрет изображает Александра и Владимира Родионовых в мундирах кадетского корпуса. Напряженность поз и несколько суховатая трактовка лиц и околичного делают этот последний из известных нам портретов не лучшим. Все вместе они рисуют нам творческое лицо нашего художника, создающего свои произведения в эпоху быстро сменяющихся настроений

К. А. Макаров. Е. и М. Родионовы

в русском искусстве—от элегии и романтизма в сторону раннего реализма. Автору при наличии творческого темперамента недостает высокого профессионального уровня. Объясняется это отчасти и теми нелегкими условиями, в которых жил и работал отпущенный на волю крепостной Кузьма Макаров.

Когда он создавал эти свои произведения, когда он в муках творчества искал нужной ему формы, несомненно присутствовал его сын Иван Кузьмич Макаров, родившийся в 1822 году. Здесь зародился у него огонек художника. Здесь было вынесено решение: стать художником. Здесь же, робко следуя немудрым указаниям отца, И. К. Макаров постигает свою художественную практику. В детских групповых портретах Макарова-отца, по нашему твердому заключению, начинаются истоки портретного искусства Макарова-сына. Любовь к человеческому лицу, к живописному его решению намечала путь молодого художника. Отец, наверное, не раз говорил своему сыну и ученику о своей родной Арзамасской школе и об ее традициях и вкусах, царивших там. Отголоском этих традиций в 1842 году явилась работа И. К. Макарова — «Две молодые мордовки». На фоне забора и зелени автор изобразил двух девушек в мордовских национальных костюмах. Здесь была двойная задача. С одной стороны надо было создать двойной портрет девушек, с другой стороны, было широкое поле для изображения декоративных убранств костюмов. Если в лицах много обычного и не очень глубокого проникновения в человеческие образы, то в декоративном мастерстве художник показал высокий класс. В этой тенденции раннего произведения мы чувствуем декоративную стихию будущего зрелого периода его творчества. В целом его произведение «Две молодые мордовки» по своему настроению близко венециановской школе, но здесь есть некоторые черты раннего реализма, перекликающегося с некоторыми чертами натурализма.

Когда это вполне зрелое произведение ученика Макарова-отца—Ивана Кузьмича Макарова-сына попадает в Академию Художеств как отчет, с одной стороны, уровня школы, с другой—уровня ее творца, оно получает полное признание. И. К. Макарову было дано звание неклассного художника. Это событие окрылило отца и сына. В 1844 году И. К. Макаров переехал в Петербург и с 1845 года начинает посещать классы Академии Художеств, работая у профессора А. Т. Маркова (1802—1878). Здесь он получил скоро вторую серебряную медаль за холст, близкий 1842 г.—«Девушки на гулянье в русском костюме». Местонахождение его неизвестно, а работа 1842 г. перешла из Академии Художеств в Гос. Русский музей. В следующем 1846 году И. К. Макаров за свои работы получает еще вторую серебряную медаль. С этих пор начинается его блестящая само-

К. А. Макаров. Групповой портрет.

стоятельная творческая деятельность как светского портретиста. В 1853 году он уехал за границу и провел там полтора года, состоя при детях в. к. Марии Николаевны. В 1855 году, по возвращении оттуда, за свои работы и известность получает звание академика.

Затем следует целый ряд портретных работ И. К. Макарова, отличающихся блестящей живописью, идущей от К. П. Брюллова и А. Т. Маркова. Но во всех работах его не будет той лиричности, глубины и непосредственности, что мы ощущаем на его ранней работе 1842 года. Ему не станут близки заветы его отца, преемственно связанного с родной творческой колыбелью — Арзамасом.

В Гос. Третьяковской галерее к 1917 году отложился ряд его работ.* В собрании Гос. Русского музея, кроме картины «Две молодые мордовки», был портрет А. М. Максимовича. За революционный период число найденных произведений И. К. Макарова сильно возросло, но они не внесли ничего нового в понимание и изучение крупного, блестящего, но холодного таланта мастера светского портрета.

В том же фамильном собрании помещиков Родионовых, о котором мы говорили выше, когда речь шла о работах Макарова-отца, находилось два портрета. Один — Марии Петровны Родионовой (которую в раннем детстве писал отец); другой — Михаила Петровича Родионова (которого также изобразил его отец). Они уже принадлежали кисти И. К. Макарова — представителя второго поколения. На смену полных лиризма и какой-то внутренней одухотворенности полотен мастера Кузьмы Александровича Макарова — в новых работах пришло зрелое, высокое, но холодное академическое мастерство И. К. Макарова. В томном взгляде красивого лица и всей фигуры М. П. Родионовой, сидящей в мягком кресле, в официальной позе М. П. Родионова, изображенного в черном сюртуке, решительно царил новый стиль в русском искусстве, новая эпоха и новый творческий метод Макарова-сына, далеко опередившего своим мастерством отца, но зато и утратившего много симпатичных черт провинциальной музы. Но в этом был неуклонный бег истории. Портреты Родионовых были написаны И. К. Макаровым в зрелом возрасте — в 80-х гг. XIX века, когда он известным мастером-академиком посетил свои родные края. Здесь он был у колыбели своего

* 1. Голова мальчика-итальянца. 43 × 35, овал, масло, холст.

2. Голова мальчика (вариант). 43 × 35, овал, масло, холст.

3. Портрет С. И. Каминского. 86 × 70, овал, масло, холст.

4. Портрет И. С. Каминского. 86 × 70, овал, масло, холст.

5. Голова девочки. Сангина и мел. 49 × 37. Подпись: «Макаровъ. 1848, июнь 30».

Н. К. Макаров. Две молодые мордовки. 1842 г.
ГРМ.

творчества. Он должен был вспомнить своего отца, свою школу и все те места, где было рождено его вдохновение художника. Перед ним явились совершенно иные представители эпохи, с иными требованиями в искусстве, чем старшее поколение Родионовых. Их изощренный «новый» вкус не был бы удовлетворен «старомодным» творческим решением Макарова-отца. Им нужно было искусство новое, модное, отвечающее их вкусам и требованиям века. И. К. Макаров был таковым мастером. Он им остался на всем протяжении своей жизни, закончившейся в 1897 году.

О втором сыне К. А. Макарова — Якове Кузьмиче Макарове — тоже художнике, мы, к сожалению, кроме некоторых сведений, пока ничего не знаем. Родился он в 1837 году. Повидимому, тоже был сначала учеником школы отца, а затем вольноприходящим учеником Академии Художеств с 1859 г. В 1863 году он получил звание свободного художника исторической портретной живописи. Его работ нам не пришлось встречать. Третье поколение семьи художников Макаровых начинает сын Ивана Кузьмича Макарова — Александр Иванович Макаров, родившийся в 1840 году. Свою художественную школу он находит не дома, а в Академии Художеств. Здесь он в 1861 году за этюд пейзажа «На Волге» получил вторую серебряную медаль. В следующем году — снова медаль, в 1867 году — тоже. В собрании Гос. Третьяковской галереи имеется его работа сепией — «Приволжская деревня» (18×30 см. Внизу подпись: «А. Макаровъ»). По этой работе судить о таланте ее автора трудно. Но, глядя на нее, мы можем уверенно сказать, что А. И. Макаров пошел не по пути блестящего искусства своего отца, а скорее по пути реалистических традиций деда.

А. И. Макарова увлекает природа в скромных ее проявлениях. Он как бы становится в круг зарождающегося интимного пейзажа, начатого работами Ф. А. Васильева и А. К. Саврасова.

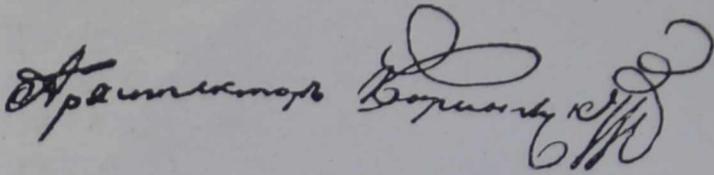
Талант А. И. Макарова скромный, и богатого наследия он не оставил. Его имя мы вспоминаем лишь в развитии своеобразного художественного гнезда семьи Макаровых, занявшего почти целое столетие. На примере этих трех поколений мы наглядно проследили смену традиций и художественных вкусов, происшедших в условиях смены общественных настроений России от начала до конца XIX века.

И. К. Макаров. М. П. Родионова.

Михаил Петрович
КОРИНФСКИЙ

(1788—1851)

Это имя навсегда связано с историей Арзамасской школы живописи А. В. Ступина.

Родился М. П. Коринфский в Арзамасе в 1788 г., в мещанской семье про-

фессионалов резчиков иконостасов. Здесь он почерпнул первые уроки художественной культуры. Наличие школы живописи в Арзамасе позволило ему углубить свои знания. В 1809 г., в свою поездку в Петербург, А. В. Ступин захватил его с собой, с целью определить в Академию Художеств. Направленный к А. Н. Ворониному, он был принят им в дом и оттуда ходил четыре года в Академию. Получив медали и хороший отзыв профессора А. Н. Воронихина, М. П. Коринфский вернулся в родной Арзамас и приступил к практическим работам.

Едва ли не первой его работой был проект перестройки родной школы, который он представил в Академию через своего учителя А. Н. Воронихина. Проект был там на выставке в 1813 г. Понятие о нем может дать вид школы, гравированный на дереве и воспроизведенный в журнале «Иллюстрация» 1862 г.

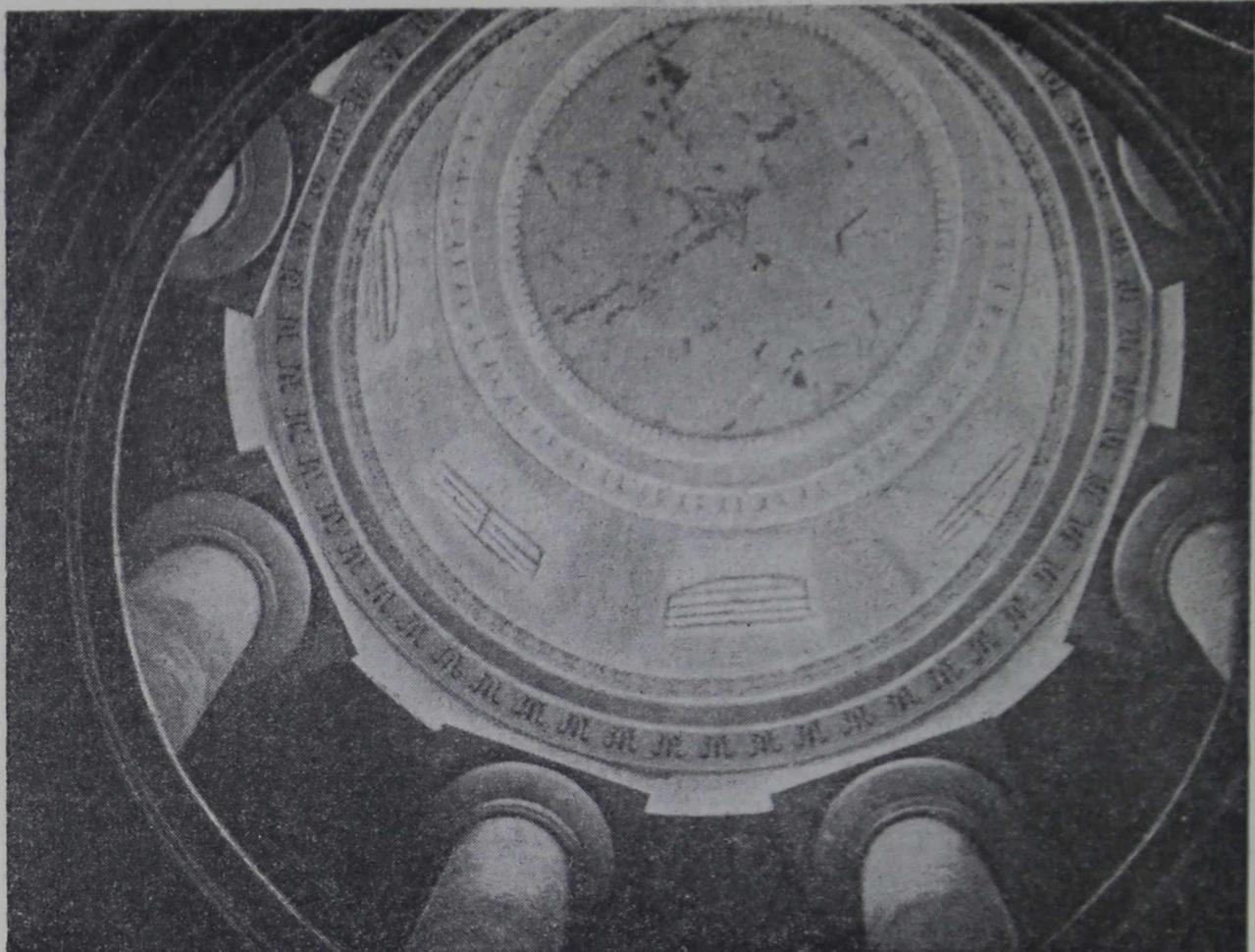
«Против церкви и будки стоял старинный серый дом своеобразной архитектуры. В каждом провинциальном городе незатейливые здания все-таки имеют свою особую характерную физиономию, а дом, который я теперь видел, обладал физиономией в особенности типичной для Арзамаса. Казалось, предо мной стоял родоначальник всей семьи арзамасских построек, отпечатлевший на всех остальных черты более или менее близкого семейного сходства»,* — так описывает свое впечатление от внешнего вида школы В. Г. Короленко.

К этой же эпохе относится постройка по чертежам и планам М. П. Коринфского дома Т. Анинкова и закладка Воскресенского собора. Об этом соборе А. В. Ступин 12 августа 1814 г. сообщал в Академию: «В минувшем же июне, по его же, г. Коринфского, академиею сей одобренному прожектору заложена в здешнем городе, крестообразная и как по пространству, так и по вкусу своему, по здешнему месту редкая соборная церковь в длину и ширину на 30-ти саженьях, вышиной в 20-ть с украшением 48-ми колонн

* В. Г. Короленко, «Муза», стр. 69.

З. Иванов (?). М. П. Коринфский.
Казанский музей.

Арзамас. Собор. Интерьер. Деталь.
Фото автора.

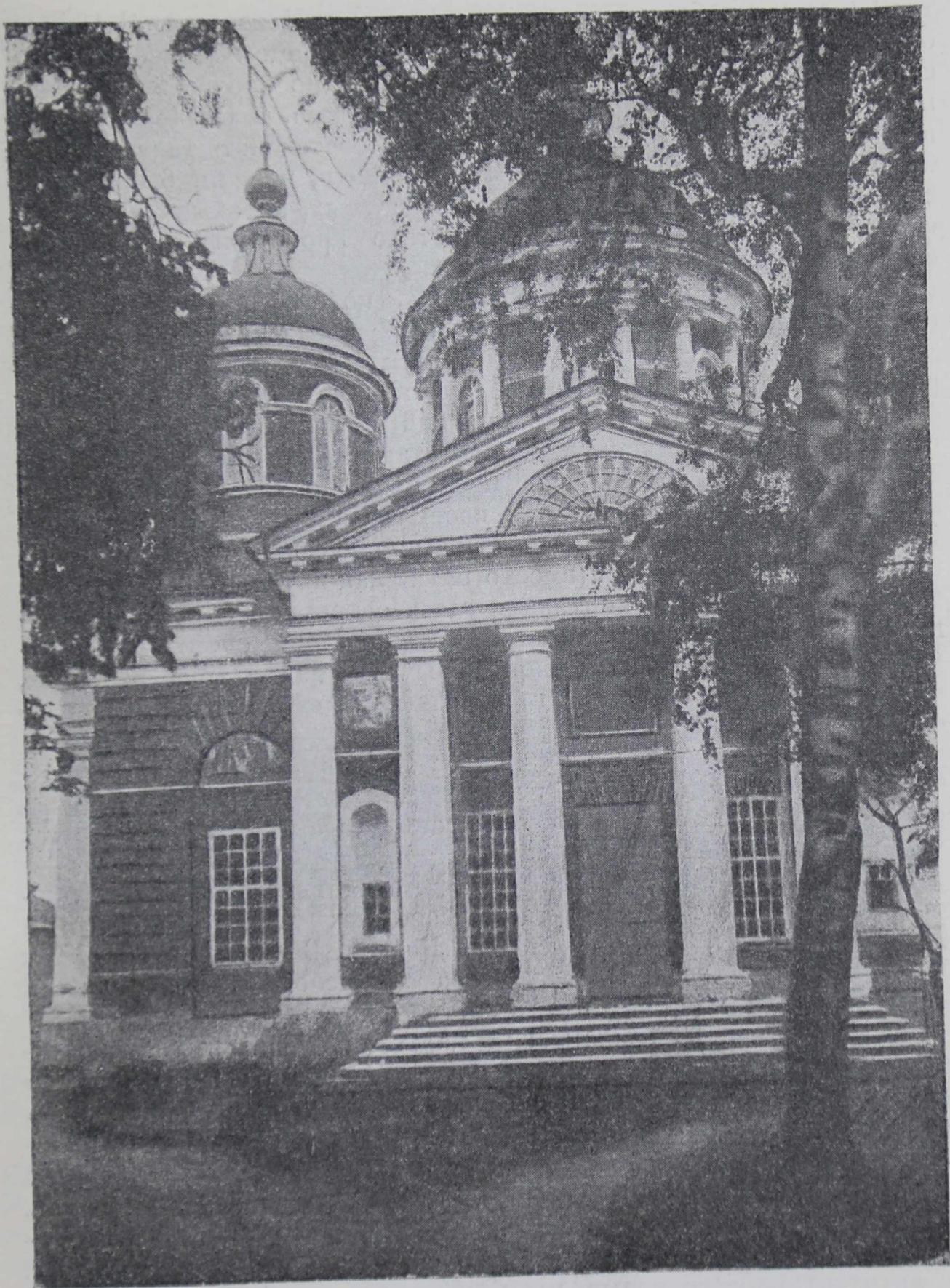
с пятью куполами, из коих больший окружен 16-ью колоннами, сверх сего художник сей к славе Академии занимается и прочими зданиями к удовольствию публики».*

К 1814 г. относится его проект церкви Воскресения в Павлове — интересный памятник архитектуры, не опубликованный до сих пор.

В Нижнем-Новгороде М. П. Коринфский строит ряд сооружений, а в 1816 г. он присылает в Академию свой проект «Дворянского собрания», но Академия нашла, что «он представляет более вид какого-либо храма или павильона, нежели какого присутственного места». Это обстоятельство очень примечательно для творчества М. П. Коринфского как зодчего с широким размахом, но плохо угождавшего вкусам своих заказчиков. Он как бы всегда немного шел впереди их вкусов.

На родине М. П. Коринфский, судя по литературным источникам, имел свою архитектурную школу.

* Архив А. Х., дело № 8, 1802 г., л. 4/57.

*М. П. Коринфский, Церковь Воскресения в Павлове, 1814 г.
Фото Д. В. Прокопьева.*

Затем его работы появляются по всему Поволжью. С 1823 г. он работает в Симбирске (ныне Ульяновск), где начинает ряд построек: дворянское собрание, собор и др.; по округе в с. Архангельском, в с. Шигоны Сенгилеевского уезда, в Самарском уезде в с. Богдановке у Е. Путиловой и пр. Составляет также проект Симбирского гостиного двора. Надо думать, что им был осуществлен еще ряд построек, нам не известных, которые могут быть впоследствии обнаружены в результате кропотливой краеведческой работы.

В Симбирске, как уже отмечалось, по его проекту построен новый Троицкий собор (заложен в 1827 г. и закончен в 1841 г.). За этот проект автор был представлен в «назначенные». Интересное сооружение, благородное по общему силуэту, напоминает его ранний замысел, осуществленный в Арзамасе. В сравнении с ним разбираемый памятник представляет собой архитектурное сооружение, еще более зрелое и высокое по мастерству, а главное, исключительно простое в своем задании. Здесь мы видим тот же крестообразный план, четыре портика коринфского ордера, один венчающий барабан (вместо пяти, как в Арзамасе) с куполом. Острота углов между портиками здесь остроумно округлена и занята глубокими нишами, иногда заполненными оконными проемами. Эти части здания имеют обычную для автора рустовку, остальные же части радуют глаз своею гладью, белизной и игрою света и тени.

В 1829 г. по его проекту строится Гостиный двор в г. Корсуне, Симбирской губ. Здесь им использована излюбленная классика, но, пожалуй, более близкая по своему характеру к XVIII веку, чем к первой половине XIX века.

В Симбирске М. П. Коринфский работал и создал свой неосуществленный проект Института благородных девиц (помечен он 23 июня 1832 г., г. Симбирск) для Казани. В ноябре 1832 г. он утверждается в звании архитектора Казанского университета и переезжает на постоянное жительство в Казань.

В Казани М. П. Коринфский построил прекрасный анатомический театр в комплексе университетских зданий, а также создал ряд проектов, оставшихся нереализованными (дворянское собрание, собор и др.). Причина этих неудач, по словам одного из исследователей его творчества, В. В. Егерев, * заключалась в том, что М. П. Коринфский, как ученик Воронихина, был верен классике, а в это время этот стиль шел на убыль. Деятельность его в последние годы совпала с эпохой перелома и поисков новых путей в архитектуре. Эти новые пути медленно нащупывались верным

* Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851. Казань, 1928 стр. 11—12.

М. П. Коринфский. Ульяновск. Троицкий собор.

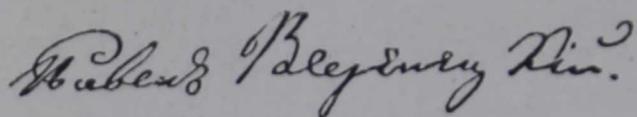
Фото Д. И. Архангельского.

рыцарем классицизма и учеником А. Н. Воронихина, а попытки внести в свои проекты элементы псевдоготики вряд ли были удачны.

М. П. Коринфский работал в качестве архитектора университета и верного сподвижника Н. И. Лобачевского. Скончался М. П. Коринфский в 1851 году. Его скромная могила находится на казанском Арском кладбище. Значительное архитектурное наследие в виде проектов послужило материалом для выставки, организованной пишущим эти строки в 1928 г. в г. Казани.*

* См. то же издание (работы П. М. Дульского, В. В. Егерова и П. Е. Корнилова).

**Павел Петрович
ВЕДЕНЕЦКИЙ**

П. П. Веденецкий представляет своим творчеством любопытные черты, характерные для Арзамасской школы живописи. Мы не имеем сведений о раннем периоде его

жизни. Родился он, видимо, в конце восемнадцатого века. Происходил он, надо думать, из мещанской среды, так как нет указания на его крепостную зависимость.

П. П. Веденецкий (он же Веденцов) был одним из ранних учеников А. В. Ступина, первого десятилетия существования школы. Уже в 1814 году он был принят в Академию Художеств. К этому времени он прошел весь курс школы, на что могло уйти 5—6 лет, следовательно в школу он пришел в 1806—1808 годах. Учился он непосредственно у А. В. Ступина, вернувшегося всего только в 1802 г. из Академии. Учитель П. П. Веденецкого сам был еще полон уроками Угрюмова, Шебуева и Егорова. Эту школу он сумел передать и своему талантливому ученику П. П. Веденецкому. Личных работ его дошло до нас немного и вдобавок часть их не датирована.

Облик самого художника сохранил нам набросок с него П. М. Каменского (умер в 1821 г.). П. П. Веденецкий на его рисунке, исполненном итальянским карандашом и сангивой (35×21 см), изображен сидящим за мольбертом в костюме академиста начала XIX века. Известен нам и другой рисунок, относящийся к 1817 г. и исполненный Л. Л. Горшенковым (1793—18.. гг.). Оба рисунка принадлежат собранию Гос. Третьяковской галереи.

Занятия П. П. Веденецкого в Академии шли удачно. В 1816 году он получает за свою работу вторую серебряную медаль, а в 1817 году был уволен с аттестатом первой степени. В дальнейшем он живет в Нижнем-Новгороде и работает педагогом.

Из его личных работ, известных нам, мы самой ранней считаем интерьер комнаты, находившийся в б. Музее сороковых годов под странным наименованием «Комната с ларями».* Вспоминая описание здания школы А. В. Ступина, мы склонны в этом интерьере видеть парадные комнаты самой школы. Совсем недавно, в годы войны, нам посчастливилось встретить в частном собрании Э. К. Кверфельдт другой интерьер, который оказался видом тех же помещений, но взятых с противоположной стороны. Словом, мы

* В. В. Шапошиков. «Дом сороковых годов» М., 1925 г.

П. М. Каменский. П. П. Веденский, в бытность учеником Академии Художеств, за работой. 1815 г.

ГТГ (№ 3195)

П. П. Веденецкий. Комната с ларями.
Собр. бытового музея 40-х гг. Москва.

получили два вида комнаты—в одну и другую сторону. Второй интерьер был обогащен живым стаффажем. У окна дальней комнаты была группа двух женских фигур, занятых чтением книг, а посередине комнаты на полу, на первом плане была фигура сидящего ребенка с куклой. Оба интерьера выполнены скромными средствами нашего художника, хорошо владеющего рисунком. Работы привлекают своей искренностью, лиризмом и простотой исполнения, обнаруживая манеру еще не вполне законченного художника.

В собрании В. В. Деларова имелась работа П. П. Веденецкого * «Комната неизвестного», которая отмечалась «не весьма умелой, но очень проникновенной и задушевной работой». Признавая в указанных выше видах интерьеры школы, мы склонны отнести их к арзамасскому периоду творчества П. П. Веденецкого, т. е.

* С. Эрнст. Выставка русских картин и рисунков из собрания В. В. Деларова (№ 58).

*П. П. Веденецкий. Портрет неизвестного. 1825 г.
ГТГ (№ 3208)*

до 1814 года, когда он оставил Арзамас и уехал учиться в Петербург в Академию Художеств.

Мужской портрет из собрания Иркутского музея помечен 1816 годом. * Изображен человек, стриженный под скобку, в темном костюме с белым воротом рубашки. В руках он держит сложенный лист бумаги (разм. портрета 79×63 см). Здесь налицо полное владение рисунком и кистью. Реалистическое умение автора позволило ему правильно разрешить свою задачу—создание бытового портрета. Этому искусству он был выучен в своей школе.

1825-м годом помечен его рисунок итальянским карандашом — портрет неизвестного из собрания Гос. Третьяковской галереи (разм. 18×13 см), обнаруживающий тонкое мастерство рисунка, близкое искусству художника-романтика О. Кипренского.

В том же собрании имеется рисунок-портрет И. С. Брызгалова (1753—1838), ** которого в свое время рисовал А. О. Орловский.

В собрании Иркутского музея оказалось еще два датированных 1839 годом портрета неизвестных. Один (разм. 66×56 см) изображает мужчину средних лет, погрудное изображение в три четверти влево, другой (разм. 64×55 см)—тоже погрудное изображение в три четверти влево. В обоих портретах заметно какое-то фамильное сходство. Оба они полны реального ощущения и привлекают своей сделанностью и мастерством.

В том же музее оказалась еще одна недатированная работа П. П. Веденецкого — портрет девушки (разм. 47,5×38,5 см), решенный в несколько идеализированном подходе к изображению образа.

В литературе *** мы имеем указания, что П. П. Веденецкий, живя в Нижнем-Новгороде, слыл там за хорошего портретиста, писавшего много икон. **** Ему приписывается портрет И. П. Кулибина, воспроизведенный в «Русском художественном листке» В. Тимма за 1860 г. № 8 (из портретной галереи А. Мюнстера).

* См. каталог художественных произведений Иркутского областного художественного музея. Иркутск, 1939 г., стр. 4—5. Приношу благодарность администрации музея за доставленные нам фотографии с работ П. П. Веденецкого, позволивших расширить наши скудные знания об этом художнике.

** А. С. Пушкин в Государственной Третьяковской галерее. Каталог выставки. М.—Л. 1936 г., стр. 28—29.

*** В. А. Ликин, Художники-живописцы в Нижнем-Новгороде, стр. 271.

**** Храмцовский указывал, что все иконы Алексеевской церкви, исключая Спасителя и Алексея Митрополита, были его работы. Эти иконы не сохранились. К работам Веденецкого относят картины на стенах холодной части Строгановской церкви и образа предельных иконостасов теплой церкви Печерского монастыря. А. О. Карелин указывал на его работу — изображение неизвестной монахини у правого клироса собора. В. А. Ликин видел у знакомого его работу «Детскую головку» — «не особенно хорошо написанную». Он же упоминает «портреты Минина и Пожарского» в б. местном историческом музее (они также приписывались художникам Железновым. — П. К.).

П. П. Веденецкий. Портрет неизвестного. 1839 г.
Собр. Иркутского музея

П. П. Веденецкий прослужил более 35 лет учителем рисования в Нижегородском уездном училище и в гимназии. Умер он в 1847 году и был похоронен на Петропавловском кладбище Нижегород-Новгорода. Его гранитный памятник был расположен близ памятника артистки Максимо вой.

В лице П. П. Веденецкого Арзамасская школа живописи имела не только мастера бытового портрета, но и художника-перспективиста. Этот жанр он развил самостоятельно, так как перспективный класс в школе А. В. Ступина был заведен только в 1819 году трудами Р. А. Ступина.

С именем П. П. Веденецкого Нижегородский край должен связать свои пути развития изобразительного искусства. Он, как мы уже отметили, свыше 35 лет отдал педагогической работе. Много учеников унесли его творческие заветы в жизнь. Это было задолго до основания местной художественной школы в Нижнем-Новгороде. То, что П. П. Веденецкому дал Арзамас с его школой, и то, что он получил за три года в Академии Художеств, он полностью отдал своему родному краю.

**Иван Кондратьевич
ЗАЙЦЕВ**

(1805—1887)

Родился в 1805 г. в семье живописца Кондратия Зайцева, крепостного помещика И. Ранцева (Пензенской губ., Керенского уезда, села Архангельского).

«Отец мой был хороший живописец, он, по фантазиям своих господ, выполнял их приказания: красил полы, комнаты, расписывал потолки, писал портреты, целые иконостасы и даже такие картины, которые не дозволяется смотреть открыто: эти картины были слишком гадки и неприличны. Отец скрывал их в одном чулане, под замком; но для нас, детей, то-то и интересно, что запрещается, и я ухитрялся поглазеть на них и до сих пор еще помню всех этих бахусов, вакханок и силенов», — вспоминал И. К. Зайцев.*

Грамоте он учиться начал восьми лет у старого учителя пения; письму позднее учился у местного священника. В 1818 г. семья его отца по наследственному разделу отправилась в село Высоково, Костромской губернии, к своему новому владельцу — Александру Ивановичу Ранцеву. На новом месте юноше И. К. Зайцеву

* И. К. Зайцев, «Русская старина», 1887 г.

И. К. Зайцев. Автопортрет.
ГРМ.

было поручено с дворовым человеком присматривать за господским домом. Здесь он пользовался господской библиотекой. «Я так пристрастился к чтению, что целые дни и ночи готов был читать. Боже мой, сколько я перечитал, одних путешествий несколько томов: и Крузенштерна, и Лепехина, и Кука, — не могу даже вспомнить всех фамилий; также историческими и романтическими книгами зачитывался, а в особенности я любил сценические произведения, — это было моим наслаждением».*

За чтение книг ему нередко попадало от отца, который требовал от него большего внимания к рисованию. В 1824 г. И. К. Зайцев был отправлен в с. Сосновку, Пензенской губернии, к помещику. Там по вечерам читал ему книги, днем же иногда рисовал с эстампов. В октябре этого же года неожиданно был получен приказ отдать его в Арзамас академику Ступину в ученье по живописи.

«Оказалось, что мой отец неоднократно на коленях просил и умолял барина об этом, и, наконец-то, исполнилось желание наше...».

«И вот я в Арзамасе, в школе Ступина. Управляющий сдал меня с рук на руки, сделав с учителем какое-то условие. С этого дня началась моя новая жизнь — и какая жизнь! не та отвратительная, подлая и грязная, нет, совсем не та! Я жил теперь между такими людьми, какими я их воображал себе, читая романы, а тут на самом деле встретил их лицом к лицу!» — писал он в своих «Записках». Занятия шли по плану успешно. «Во главе всех стоял сын г. Ступина, Рафаил Александрович. Ему мы многим обязаны».

«Эх, славное было время, незабвенное, беззаботное и веселое житье между друзей-товарищей! приятно и полезно проводили мы часы в праздничные дни, свободные от серьезной работы».

«Три незабвенных в моей жизни года не прошли, а пролетели в Арзамасской школе, и я снова должен был возвратиться к той неприглядной и постылой жизни, какую проводил прежде», ибо помещик умер, ни разу не заплатив за ученье Зайцева.

В декабре 1827 г. И. К. Зайцев вернулся опять в семью отца. Здесь он изредка рисовал портреты, которые заказывали соседние помещики. В 1829 г. приехал новый владелец, и по его распоряжению часть дворовых людей, в том числе и Зайцев, была отправлена в Петербург, где жил их хозяин — П. О. Грек. Здесь Зайцев стал работать переписчиком в домово́й конторе, а в свободное время занимался живописью. Потом стал брать уроки у живописца Тейссера, но через полгода ушел от него, не поладив с ним. После этого события неожиданно был направлен

* И. К. Зайцев, «Русская старина», 1887 г.

хозяином в Академию к конференц-секретарю В. И. Григоровичу. Собрав свои арзамасские и прочие работы, Зайцев показал их В. И. Григоровичу, который нашел, что можно будет поступить прямо в гипсовый класс. Это было в 1830 году.

С весны 1831 года Зайцев стал посещать академические классы «посторонним» учеником. Занятия его шли успешно. В 1835 г. он получил серебряную медаль за автопортрет, в следующем году — за рисунок группы с натурщиков; в 1837 г. был выпущен со званием свободного художника.

«В это время прибыл из Италии К. П. Брюллов с своею картиною «Последний день Помпеи», потом Бруни тоже с картиною «Медный змий», а также французский художник Вернет. Им устраивали встречи, овадии, выставки их картин и пр. Все это услаждало, ободряло и развлекало нас, молодых художников; публика массаами стекалась в Академию. Да, неизъяснимо приятное осталось у меня до сих пор воспоминание об этих пяти годах, проведенных в Академии! Сколько довелось видеть интересных личностей: Пушкина, Жуковского, Крылова, Кольцова, Воейкова, Греча, Булгарина; стариков наших профессоров: Егорова, Шебуева, Басина, Варнека, Воробьева, Иванова; артистов: Каратыгиных, Самойлова, Асенкову, Воротникова, Брянского, Дюра и бездарного смешилу Толченова и др.».

В 1838 г. И. К. Зайцев поступил в департамент внешней торговли, а в следующем году — учителем рисования в 1-й кадетский корпус. Преподавание Зайцев продолжал в Полтаве. Умер он в 1887 году.

Работ И. К. Зайцева, упоминаемых выше, нам отыскать не удалось, но в собрании Государственного Русского музея, в секции рисунка, нами обнаружены три его акварельные работы:

1. Автопортрет, где он изображен три четверти вправо, по грудь, сидя на стуле. Мягкая, свободная и приятная обработка лица и свободно-эскизная обработка одежды. Выполнено итальянскими, цветными карандашами и акварелью (рисунок слегка выгорел и пожух). Размер в свету $9,6 \times 8,5$ (№ 5006).

2. Мужской портрет по грудь, прямолично, на фоне комнаты с окном, фон сероватый. Лицо и руки тонко моделированы. Исполнен акварелью и гуашью (слегка пожух и смыт). На обороте надпись: «На 29 году от рода 1828 года июня 25 числа. Портр. NN» Размер $20,5 \times 17$ (№ 5007).

3. Портрет Глафиры Ивановны Зайцевой. Женская фигура почти прямолично, в красном платье, с тонким шарфом на плечах. Размер $14 \times 9,4$, акварель с гуашью (слегка смыт). На обороте надпись: «Конторская ул. д. Пугалова. Портрет Глафиры Ивановны Зайцевой, худ. И. К. Зайцев» (№ 5008).

В этих ранних работах И. К. Зайцева мягкость, пластичность обработки лица и свободная разделка остального свидетельствуют об опытной руке.

В портрете 1828 г. мы легко узнаем школу его ближайшего учителя Р. А. Ступина, несколько сухую манеру, с тщательной проработкой лица мелкими штришками, чего не замечаем в первой его работе. Акварель эта выполнена, судя по надписи на обороте, через год после отъезда из Арзамаса, когда молодой художник, живя с родителями в Костромской губернии, не занимался систематически искусством, выполняя лишь портретные заказы.

Третью работу, видимо, портрет его дочери, следует отнести ко времени педагогической его деятельности в кадетских корпусах, на закате его жизни и творчества. По манере исполнения она примыкает к манере Р. А. Ступина, но более светлая в тонах, чем работы его первого учителя и, пожалуй, выполнена более сочно и живописно, чем работа 1828 года.

Эти случайные три небольшие работы И. К. Зайцева слишком мало дают материала для суждения о его даровании, но они типичны для него как для художника-бытовика и лирика, каким он нам представляется по его «Запискам».¹⁸ И. К. Зайцев дорог нам как представитель крепостной интеллигенции, умевший разбираться в окружающей его жизни и неизменно сохранявший любовь к искусству и к людям.

Его многочисленные живописные работы, созданные в условиях крепостной России, погибли, наверное, навсегда, как погибли работы его отца и многих других его товарищей, но это не значит, что их роль в художественной культуре России забыта.

**Василий Егорович
РАЕВ**

(1807—1870)

Василий Егорович Раев родился в 1807 г. в Пскове, в семье крепостного помещика майора Кушелева. Будучи одаренным от природы, он юношей был определен в Арзамасскую школу живописи академика А. В. Ступина, где пробыл шесть лет и откуда был направлен в Академию Художеств.

В 1831 году его работы были препровождены А. В. Ступиным в Академию, где были отмечены и признаны заслуживающими внимания: «Положили иметь его в виду с тем, чтобы при случае дать ему возможность к усовершенствованию себя по части ху-

В. Е. Раев. Рим.

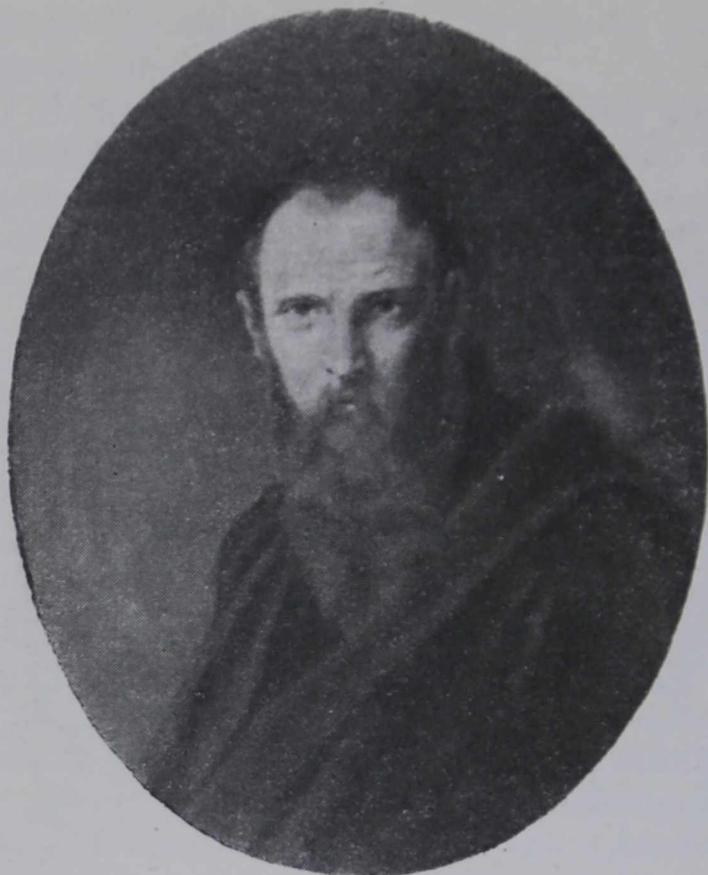
дожеств и к получению независимого свободного звания». * Ходатайство Академии министру императорского двора по этому поводу получило бездушный ответ с изъявлением «способствовать к определению его в ведомство дирекции имп. театров, коль скоро получит он увольнение из крепостного состояния». **

С 1834 г. участие в судьбе В. Е. Раева начинает принимать Общество поощрения художеств, куда он обратился за помощью сам, сообщая о себе, что он с 1831 г. в СПб занимался театральными композициями. Академик А. Г. Венецианов, *** видя

* Архив А. Х., л. 193/1831, л. 1.

** Там же, л. 2.

*** В воспоминаниях об А. Г. Венецианове Аполлон Мокрицкий писал: «Венецианов любил делиться своими познаниями и достоянием с другими; это был добрейший человек; к нему обращались все бедные ученики; нередко же он и сам отыскивал их... Посторонние ученики, зная доброту души его, — а уж какая была душа! — по инстинкту угадывали в нем своего благодетеля; да и как не угадать, когда он, бывало, встретит ученика с портфелем или свертком, остановит и спросит: «Что это у тебя, батюшка?» — «Рисунки». — «Покажи, голубчик. Хорошо, прекрасно! Ты давно учишься?» — «Давно». — «А чей ты ученик?» — «Ничей пока». — «И красками

Н. М. Алексеев. В. Е. Раев, 1851 г.
Горьковский музей.

накапливается медленно. Сам владелец Раева — майор Кушелев — вел себя крайне двусмысленно, поэтому собранную сумму около 2000 рублей через академика Венецианова Юрьевич отослал в комитет Общества поощрения художеств и просил принять участие в судьбе Раева.

По этому поводу академик А. Г. Венецианов писал в Общество:

«Полковник С. А. Юрьевич, узнав талант живописца Раева, крепостного человека майора Кушелева, и видя дар его лишенным возможности развиваться по тем направлениям, которые приобретаются в императорской Академии Художеств, и осведомясь от меня, что господин его майор Кушелев за свободу Раева определил 5000 рублей, вздумал занимать Раева разными работами и от оных отделив часть составить капитал 5000 рублей, от которого участь Раева зависит. Но г. полковник Юрьевич, видя,

нинешь?» — «Пишу». — «Принеси ко мне показать. Ты знаешь меня? Кто я?» — «Алексей Гаврилыч Венецианов». («Венецианов в письмах художников и воспоминаниях современников», «Academia», Москва — Ленинград, 1931, стр. 67—68).

* Архив Общества поощрения художеств, д. 186/1834 и 78/1840—1846.

что не так скоро может оный капитал 5000 рублей пополниться, имея в готовности около 1500 рублей, просил меня побывать у г. Кушелева и попросить его сделать условие и освободить Раева, в том что сумма 5000 рублей в течение полутора года будет ему непременно выплачена, а Раев до того времени мог ходить в Академические классы выиграть время в получении направления своим назначениям — г. Кушелев никак не согласился на мое предложение и потребовал в то же время 5000 рублей за свободу Раева, потом через несколько времени согласился получить 2500 рублей, а другие 2500 рублей через шесть месяцев, я просил от него какой-нибудь записки, но он мне отвечал, что слово его дороже всяких записок. Спустя несколько времени я писал к нему, но ответа письменного не получил, а словесно повторение: я слову своему господин. С. А. Юрьевич не имея возможности в скором времени накопить 5000 рублей и по другим обстоятельствам решился находящуюся у него сумму около 2000 рублей отослать в комитет Общества поощрения художников и просить его принять участие в судьбе Раева, как молодого человека с дарованием и прежде удостоившегося покровительства Общества.

Академик Венецианов».

Князь Г. Г. Гагарин, получивший «соизволение» выкупить В. Раева из экономических театральных сумм, предложил майору Кушелеву 5000 рублей, но последовал отказ.

В 1835 г. В. Е. Раев снова обратился в Общество поощрения художеств с просьбой принять участие в его судьбе. Собранный полковником С. А. Юрьевичем сумма и стоимость проданных четырех картин-панорам составили прежде просимую сумму в 5000 рублей. Запрошенный Обществом майор Кушелев попробовал промолчать, однако, вызванный Нарышкиным, волей-неволей выразил готовность, но объяснил, что только не может приступить к этому некоторое время «по семейным обстоятельствам».

По слухам, Кушелев предполагал продать В. Е. Раева Л. Н. Демидову, повидимому, за более высокую цену. В это время Раев был приглашен на заводы Л. Н. Демидова для писания с натуры видов и пробыл там до лета 1838 г. Эти работы — «внутренности разных зданий и мастерских завода» — были рассмотрены в 1838 г. в Академии Художеств.*

* В «Северной пчеле» за 1839 г. (№ 232) дан перечень работ В. Раева, посвященных уральским заводам П. Н. и Л. Н. Демидовых:

1. Москательная фабрика при Нижне-Тагильском заводе.
2. Кирчная фабрика при Нижне-Тагильском заводе.
3. Медеплавильная печь на Бийском заводе.
4. Выпуск чугуна из доменной печи на Бийском заводе.
5. Сплайсофенные печи на Бийском заводе.

Вновь, и на этот раз окончательно, было предложено майору Кушелеву сдержать свое обещание и отпустить на волю В. Е. Раева за 5000 рублей.

Повидимому, в этот период В. Е. Раев стал посещать классы Академии Художеств, пользуясь руководством М. Н. Воробьева по перспективной живописи. Передают, что «много шума и толков наделали в свое время его виды, с высоты Адмиралтейской башни на все четыре стороны» (1836 г.). В 1839 г. он получил первую серебряную медаль за перспективную живопись, а в следующем году — звание неклассного художника исторической живописи.

В 1842 г., по его просьбе, ему была дана программа: «написать внутренности владимирской церкви в верхнем этаже», но программа эта вследствие отъезда В. Раева за границу отпала. В этом же году в качестве пенсионера графа П. А. Перовского он был отправлен за границу, где, не задерживаясь долго в Париже, отправился прямо в Рим. Работая там, он присылал свои картины в Академию в виде отчета и писал письма.¹⁹ В 1845 г. он получил одобрение с предоставлением ему 750 рублей еще на один год пребывания в чужих краях. Начальник русских художников в Риме получил извещение: «в случае нужды, оказывать ему то же внимание и пособие, какими пользуются все вообще пенсионеры правительства». * Художественная среда, в которой В. Е. Раев там находился, состояла из талантливейших представителей русской художественной молодежи того времени, включая самого Александра Андреевича Иванова, который не покидал Рима с 1830 года.²⁰

В 1845 г. В. Е. Раев известил Академию Художеств о выполнении ее заказа — картины «Вид Рима с Monte Maria». Эта картина была отмечена в Риме его профессором М. Н. Воробьевым и, присланная в Россию, доставила ему в 1851 г. звание академика живописи пейзажа. **

Одно время В. Е. Раев был забыт в Риме, впал в нужду, и о пособии ему даже хлопотал Киль, начальник русских художников в Риме.

В то же время Раев писал в Академию о своем желании написать для нее вид Рима с бельведера Ватикана: «ежели Акаде-

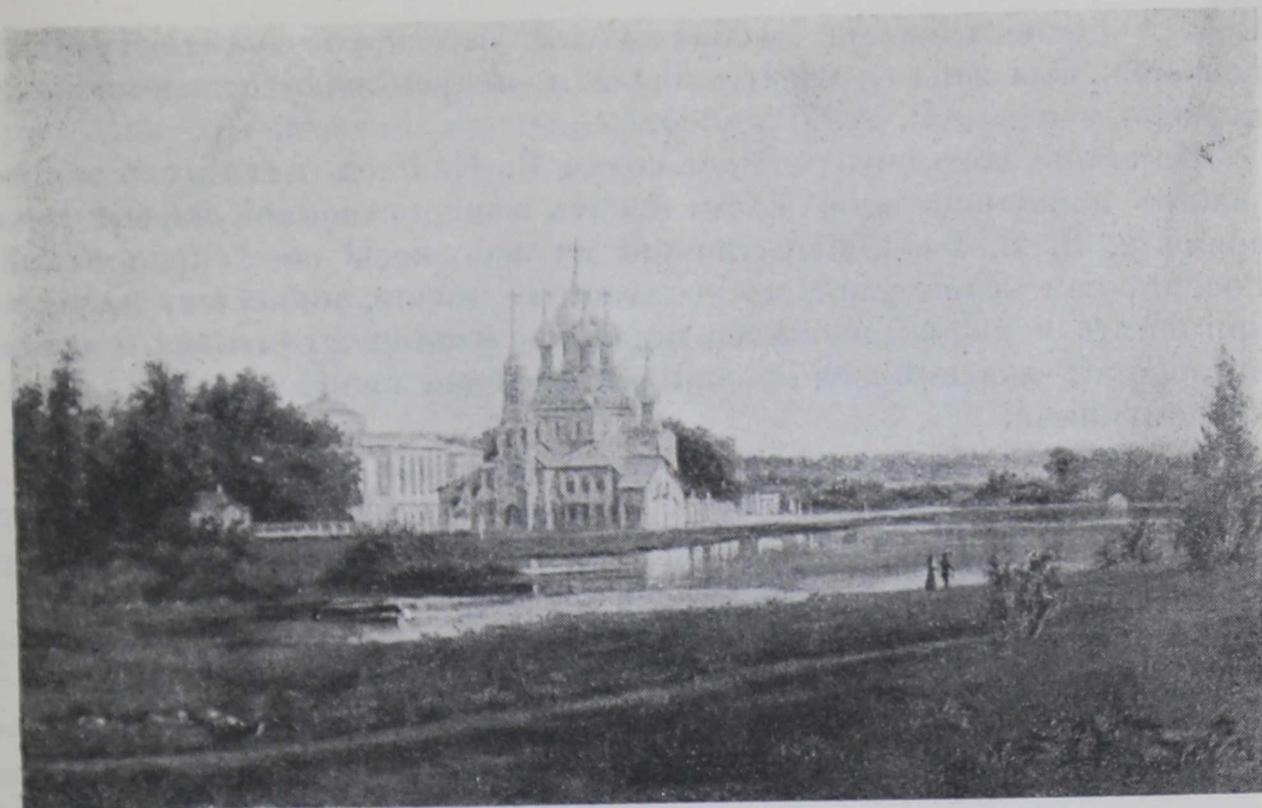
6. Выпуск чугуна из воздушной печи. Нижне-Сальдинский завод.

7. Панорама Нижне-Тагильского завода.

Автор заметки, сравнивая Раева с художником Мартеном, писал: «Главные достоинства г. Раева суть правда и сила воображения. Главная его стихия — огонь. Подробности верны; искусство требует еще некоторой опытности, но талант прекрасный! Благодарим г. Раева за то, что он познакомил нас с уральскими заводами и уральскою натурою».

* Архив А. Х., д. 34/1845.

** Находится в собр. Гос. Русского музея (96×1,50).

*В. Е. Раев. Останкино.
Музей в Останкине.*

мии угодно будет поручить мне написать тот вид, то я за особенное счастье почту исполнить его со всевозможным старанием».*

Ходатайство В. Е. Раева о предоставлении ему еще на три года пенсионерства для изучения византийской религиозной живописи было отклонено царем, «ибо византийских образцов весьма много и в России», о чем и был извещен художник в 1847 г. Но все же в 1847—1848 г. он изучал в Риме мозаичное производство, получая необходимое содержание от Академии. По возвращении в Россию, в течение двух лет состоял при санктпетербургском мозаичном заведении, а в 50-х годах переехал в Москву и был у К. Т. Солдатенкова хранителем его художественных коллекций; между прочим, расписал в византийском стиле образную К. Т. Солдатенкова.

Мозаичное дело и официальные заказы образов совершенно оторвали В. Е. Раева от его живой художественной работы пейзажиста-перспективиста, и он стал скучным представителем академической религиозной живописи, утратив все то живое и ценное, что было получено в Арзамасе и у Воробьева в Академии.*

* Архив А. Х., л. № 34/1845.

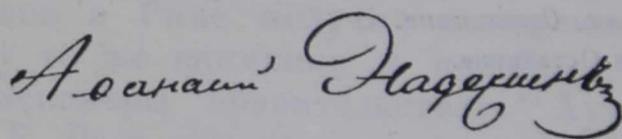
Путь перспективиста, отображателя русского архитектурного пейзажа, был забыт, забыты были и искренние наставления его первого учителя Р. А. Ступина.

Причины того, что к 50-м годам В. Е. Раев отходит от пейзажной живописи, необходимо искать в общественной жизни того времени. В. Е. Раев, испытавший на себе весь гнет крепостной России, сам вышедший из угнетенных низов, побоялся, видимо, примкнуть к нарождавшемуся движению идейного реализма и встал в шеренгу академических эпигонов, служа своей кистью классу крепостников.

Умер В. Е. Раев в 1870 году.

**Афанасий Дмитриевич
НАДЕЖДИН**

(1799—1879)

А. Д. Надеждин был крепостной помещика Степанова. Родился в 1799 г. С 1814 г. учился в школе А. В. Ступина. В 1825 г. как крепост-

ной за представленные в Академию Художеств работы получил лишь свидетельство на медаль.

В 1832 г. он основал, по примеру своего учителя, школу рисования и живописи в г. Козлове, Тамбовской губернии, принятую в 1836 г. под покровительство Академии Художеств. Откупился от помещика и получил следуемые ему награды. К 1839 г. относится его проект ²¹ развития школы и необходимых условий к этому, где им, на основе семилетнего опыта, высказываются дельные мысли о самой структуре школы, об открытии картинной и античной галлерей для широкого доступа, «хотя бы наглядность имела пользу занятую», о создании натурального класса, «где бы учащийся мог бы рисовать с натуры, приспособив к тому манекен, обнажая какую-либо часть тела, ногу или руку и пр. . . . нужно иметь хорошие образцы как для рисования, так и для живописи, заставляя учеников копировать, далее же переходить к своим сочинениям, руководствуясь натурой, манекеном и образцами». Говорится о необходимости приглашения преподавателя для общеобразовательных предметов, высказывается мысль о полезности завести свою литографию и т. д.

* Сам же он считал, что учиться можно только в Италии.

Цель школы: «чтобы людям бедного состояния имеющим склонности и охоту выучивать рисованию и живописи, для отправления должностей рисовальной части, в уездных и других училищах, равно и помещикам желающим учить людей им принадлежащих».

Школа А. Д. Надеждина в период 1832—1838 гг. имела до шестнадцати учеников; за теснотою помещений приходилось отказывать целому ряду лиц.

А. Д. Надеждин устанавливает связь с Обществом поощрения художеств.*

В 1834 г. А. Д. Надеждин получил звание свободного художника, в 1840 г. — назначенного и в 1855 г. — академика «по уважению пользы, принесенной школой». Умер в 1879 г.

Его работы — «Мальчик со свечкой» и «Старуха-торговка»; обе были представлены им в Академию Художеств в 1839 г.

Рапорт его 1839 г. в Академию был последним архивным материалом, связанным с ним и его школой. Он вызвал определение Академии от 15/16 декабря 1839 г., ст. 20: «Рассмотрев донесения его и уважая некоторые основательные мысли его в отношении к средствам улучшения заведенной им школы готовы при благоприятных обстоятельствах войти в рассуждение по этому предмету... а ныне же совет объявляет ему благодарность за его труды и попечение». **

Владимир ЩЕГОЛЬКОВ

Арзамасский мещанин, обучался в школе А. В. Ступина. В 1833 г. начались его хлопоты по определению в Пермскую гимназию учителем рисования,*** где он и состоял преподавателем чистописания, рисования и черчения с 1 февраля 1836 г., а в 1851 г. был переведен в Иркутскую гимназию.****

В собрании Геометрического кабинета Гос. Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина имеется портрет Н. И. Лобачевского, на оборотной стороне которого имелась надпись: «П. с натуры Щегольковъ». Портрет относится к 20-м годам XIX столетия, по некоторым указаниям***** он был парным с портретом жены Н. И. Лобачевского, Варвары Александровны, урож-

* Архив О.П.Х., 78/1840—1846.

** Архив А. Х., 130/1836, л. 34.

*** Архив Казанского университета, л. 123/1833, лл. 149—155.

**** Сведения, полученные из музея г. Перми от 4/V 1926 г., № 1278.

***** Портреты Н. И. Лобачевского (опыт иконографии). «Н. И. Лобачевский в Казани», Казань, 1926, стр. 9.

*В. Щегольков. Н. И. Лобачевский, 1820-е гг.
Казанский университет.*

денной Моисеевой, который некогда принадлежал сыну Н. И. — А. Н. Лобачевскому. Портрет мог быть написан в Нижнем-Новгороде, откуда происходил и сам Н. И. Лобачевский. Описание этого портрета нами было дано в 1926 г. * Здесь лишь отметим, что от всей композиции портрета веет романтикой, близкой произведениям О. Кипренского, хотя и не без некоторой доли провинциализма. Чувствуется темперамент, умение, но довольно ограниченная палитра. Портрет был в 1926—1927 гг. расчищен и закреплен на новом холсте. Он послужил исходным материалом для незаконченной резцовой гравюры Ю. И. Тиссена.

Николай Михайлович

АЛЕКСЕЕВ

(1813—1880). **

Николай Алексеевич

Николай Михайлович Алексеев, происходивший из мещан г. Городищ, Пензенской губернии, родился в с. Никольском в 1813 г. В 1820 г.

был отдан в Арзамасскую школу живописи А. В. Ступина, где и пробыл до 1829 г., оказывая большие успехи и получая одобрения от Академии, которая в 1829 г. своим определением в Совет *** писала: «По рассмотрении двух рисунков с натуры учеников школы Алексеева и Раева, а также двух пейзажей, писанных последними, определили дать знать г. академику Ступину, как управляющему оною школою, что члены Академии с удовольствием видели сии художественные произведения учеников его и заметили в них хорошие дарования, которые могут постепенно усовершенствоваться, если сии ученики его более и более станут обращать внимание на изящную природу и изучать ее со тщанием, и потому рекомендуют ему, г. Ступину, преимущественно занимать их как рисованием, так и живописью с одной натуры». Ободренный в своих успехах и отмеченный Академией Алексеев поступает в Академию для «усовершенствования в художестве», **** в качестве постороннего ученика, и за первый рисунок с гипсовой фигуры переводится в натурный класс. В 1830 г. за

* Портреты Н. И. Лобачевского (опыт иконографии). «Н. И. Лобачевский в Казани», Казань, 1926, стр. 7—11.

** См. наш очерк, напечатанный в т. XXXIV, вып. 3—4 «Известий Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете в 1926 г.

*** Архив А. Х., д. 1802 г., л. 137.

**** Там же, л. 176.

картину «Рыбак», выставленную на академической выставке, Н. М. Алексеев получил одобрение. Затем хлопотал перед Академией об исключении из податного сословия (мещанского), а 27 октября 1831 г. получил за свои работы звание свободного художника. На выставке в 1833 г. он участвовал своими произведениями: «Перспектива комнаты с изображением целого семейства», сцена из «Двумужницы», головы мужчины и женщины.

По окончании своих занятий в Академии Н. М. Алексеев возвращается в Арзамас, здесь в 1834 г. женится на дочери А. В. Ступина, Клавдии Александровне, и разделяет труды тестя по ведению школы, делаясь «руководителем художественных классов» и продолжая свои собственные работы. А. В. Ступин при рапорте в Академию Художеств в 1836 г. * представил четыре картины Н. М. Алексеева — «Автопортрет с женой», «Торбанист», портрет А. В. Ступина (поколенный), «Сражение» — и сообщал при этом, что, по своему преклонному возрасту, он передал все руководство по педагогической части Н. М. Алексееву, а сам оставляет в своем ведении хозяйственную часть школы. При этом он просил Академию «обратить милостивое внимание на труды его и удостоить приличной награды». Присланные работы были на публичной годовой выставке, из них «Торбанист» был приобретен имп. Александрой Федоровной, которая «пожаловала» Н. М. Алексееву бриллиантовый перстень, ** а Академия, обсудив присланные работы, признала его «назначенным» академиком и задала для получения звания действительного академика программу: «Произвести в естественную величину группу из четырех или пяти фигур, изображающих г. академика Ступина, окруженного учениками и рассматривающего работы одного из них», «изъявив ему, г. Алексееву, как сотруднику Ступина, признательность Академии за труды на пользу учащихся в Арзамасской школе». ***

В 1839 г. А. В. Ступин с очередным рапортом в Академию **** сообщал о сотрудничестве зятя и посылал его законченную программу, семейный портрет с детьми и старушкой, портрет дочери, сидящей на ковре, портрет девушки в мордовском костюме (как носят близ Арзамаса), портрет девушки села Выездной слободы (находящегося близ Арзамаса) и шесть рисунков с натуры, написанных частью Алексеевым, а частью учениками под его руководством.

За присланную программу «Академика Ступина с его учениками» Алексеев был удостоен звания академика и утвержден

* Архив А. Х., д. 8 за 1802 г., л. 158.

** Там же, л. 55 за 1836 г. Там же ответное письмо Н. М. Алексеева от 9/XII 1836 г.

*** Там же, д. 2 за 1802 г., лл. 160, 161, 166, 167.

**** Там же, л. 176.

Н. М. Алексеев. Рисунок пером.

в этом звании на торжественном собрании 24 сентября 1839 года. *

Продолжая оставаться в Арзамасе и вести художественно-педагогическую работу в школе, Н. М. Алексеев, по примеру А. В. Ступина, не отказывался и от иконописных работ, и мы можем проследить их в ряде храмов, расписанных им вместе с учениками школы за период пребывания в Арзамасе. **

Пожар школы в ноябре 1842 г. оторвал всех от привычной работы. По возобновлении школы А. В. Ступин опять продолжает работу, а Н. М. Алексеев в это время, по предложению главного архитектора Исаакиевского собора, принял на себя исполнение работ в аттике и оставил школу и семью на попечение преклонного в летах А. В. Ступина. В его отсутствие умерла жена. Не имея теперь близких связей с Арзамасом, Н. М. продолжал жить в Петербурге и работать в соборе. Женившись вторично на

* Архив А. Х., д. 68 за 1839 г., лл. 41, 42.

** В Нижнем-Новгороде — Ярмарочный собор, в Пензе, Уральске, Ломове, Арзамасе и др.

Алекса́ндре Ива́новне Козловой, он окончательно обосновывается в Петербурге. С 1853 г. он определен художником-мозаичистом в Мозаичный отдел и продолжает работу в Исаакиевском соборе как по своим эскизам, так и по эскизам других художников.

В это время он почти не пишет портретов, посвящая себя исключительно религиозной живописи и мозаике.

Тридцать первого июля 1861 г. умер А. В. Ступин. Школа осталась без руководителя, так как Рафаил Александрович Ступин давно и навсегда покинул Арзамас и находился неизвестно где. Н. М. Алексеев оказался единственным наследником школы. Он пробует ходатайствовать перед Академией Художеств поддержать школу и предлагает себя преемником в управлении последней, находя возможным перевести ее для большего удобства в Нижний-Новгород.

Получив отказ, Н. М. Алексеев приступил к ликвидации школы, наследниками которой являлись его дети, внуки Ступина; затем вернулся в Петербург и продолжал свои иконописные работы. В 1872 г. он представил в Академию два портрета и эскизы-картены росписей на соискание звания профессора, но это осталось без внимания; в начале следующего года, в надежде на пенсию и по слабости здоровья, он просил освободить его от должности по Мозаичному отделу. Надежды не оправдались: пенсию ему в установленном размере не дали, мотивируя штатами отдела, но назначили пенсию «в высшем пенсионном размере» — 150 руб. в год. Художник впал теперь в совершенно бедственное положение. Его болезненное состояние ухудшилось. Существование всей семьи, состоявшей из шести человек, поддерживал своим заработком сын, который умер в 1877 г. Вскоре за ним последовал и отец (умерший 30 мая 1880 г. в г. Ярославле), прожив некоторое время в Красном Холме, Весьегонского уезда, Тверской губернии. Пенсия Алексеева была, по ходатайству Академии, закреплена за вдовой художника, и последнее ее напоминание в Академию относится к 1917 году.

Так закончилась жизнь многообещавшего мастера портрета и русского жанра, последнего из арзамасских «венециановцев».

* * *

Работ Н. М. Алексеева раннего периода, за исключением рисунков пером, нам не пришлось видеть, и местонахождение их неизвестно, но по одному наименованию их мы можем заключить, что они написаны с живой природы и без всякого намека на трафаретные академические программы.

Возвращение Н. М. Алексеева в Арзамас и продолжение там своих работ имело положительные стороны, результат которых

сказался в произведениях этого периода, из которых основное — большой групповой портрет Александра Васильевича Ступина с учениками, написанный им в 1838 г. на заданную программу для соискания звания академика. Это большой холст с пятью фигурами: в центре у стола А. В. Ступин, рассматривающий эстамп. Он в темном сюртуке, с орденом в петлице; по сторонам его по две фигуры учеников, из которых один (едва ли не сам автор) в цветном халате. На фоне видны бюст и скульптурная фигура.

Н. М. Алексеев. Портрет собственного семейства 1838 г. (?)

ГТГ.

Композиция уравновешенная и строго симметричная. Это произведение долго находилось в кладовой Академии Художеств и плохо сохранилось. Потребовалось произвести реставрацию некоторых кусков полотна, прежде чем выставить эту работу в музее. Реставрация была произведена, видимо, очень неумелыми руками, с недозволенной прописью какого-то ремесленника. Следы переписанного остались на правой (от зрителя левой) крайней фигуре (очень невыразительны глаз и щека) и на левой (от зрителя правой) фигуре в халате (часть лица). Произведение и в этом состоянии поражает своей продуманностью. Очень приятная и выдержанная гамма коричневатых-охристых и темнооливковых тонов. Местами достигнута большая глубина и бархатность тона. Вся эта работа хороша по композиции и увязана колористически. Недаром неизвестный нам автор предисловия к репродукции этого портрета * в издании «Художественные сокровища России» писал о нем: «Портрет должен быть отнесен к самым выдающимся произведениям русской школы первой половины XIX века как по

* Репродукции его имеются в следующих известных нам изданиях: 1) Н. П. Собко. Словарь русских художников, т. I, вып. 1, столб. 103—104. Очень плохая автотипия, разм. 0,095×0,135 см. 2) Юбилейный справочник имп. Академии Художеств, 1764—1914, стр. 217. Автотипия, разм. 0,070×0,100. 3) Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет, стр. 2. Автотипия, разм. 0,082×11,6. Портрет этот был на выставках в Таврическом дворце в 1905 г. и в Обществе синего креста в 1902 г.

яркости и смелости характеристики изображенных лиц, так и по бодрой, простой технике, по силе своих красок и естественной композиции». * Ныне это произведение экспонируется на вполне достойном месте — в Государственном Русском музее в Ленинграде.

Другим, едва ли не более ранним произведением Н. М. Алексеева, судя по теме и технике, является полотно из того же собрания (поступившее туда по завещанию Н. Врангеля), изображающее двух молодых людей в комнате, освещенной свечами. В этом несложном произведении перспективного характера удачно сочетаются лиризм, мягкая красочная гамма со строго разрешенной композицией. В картине сказался художник-перспективист, правильно построивший композицию, удачно дополнивший ее многими характерными деталями, но и не засушивший основную портретную задачу (особенно удалась художнику правая фигура в профиль).

В 6. Музее живописи и иконописи (собр. И. С. Остроухова) в Москве находилось полотно, изображающее пожилую женщину в чепце и в очках, молодую женщину и мужчину за чтением газетного листка. Ранее это полотно, без всяких оснований, приписывалось А. В. Ступину. Автор статьи об этом собрании Н. Н. Врангель ** предложил новую атрибуцию и приписывал эту вещь кисти Н. М. Алексеева, считая ее тождественной с тем полотном, которое было на выставке в Академии Художеств в 1836 г. Исследовав эту работу, мы всецело присоединяемся к этому определению, но, принимая во внимание техническую зрелость художника, давшего это произведение, более склонны считать ее одновременной с групповым портретом А. В. Ступина и отнести к 1838 году, тем более, что нам известно название полотна этого периода: «Портрет собственного семейства» (или, по другим источникам: «Портрет жены А. В. Ступина и самого художника с женою, дочерью А. В.»).

В недавно приобретенном Государственным Русским музеем «Автопортрете» 1845 года обращают на себя внимание хорошо и просто написанное лицо и — очень живописно и мягко — руки. Прекрасно передана фактура халата. Краска положена негусто, местами просвечивает подготовка холста. Впечатление, что художник писал очень быстро, легко и уверенно. Поза, детали портрета красноречиво говорят о пережитках и воздействиях, с одной стороны, романтики и «венецианизмов», а с другой стороны, — портретных работ В. А. Тропинина. Какое острое ощущение реальности находим мы у художника, от глаз которого не скрылись ни кусок белого воротничка рубахи, ни мех. Моделировка лица

* «Художественные сокровища России», 1902 г., стр. 90, 91 и табл. (автотипия, разм. 0,155×0,220). Повидимому, текст принадлежит перу А. Н. Бонуа. — П. К.

** «Аполлон», 1911 г., № 10, стр. 7 и 10.

*И. М. Алексеев. «Алеко», Автопортрет. 1859 г.
ГТГ.*

и особенно рук исполнена тонко и четко. Все это выполнено не в плане пассивного подчинения натуре; реальные ощущения натуры переданы художником на языке изобразительного искусства в характерной для мастера манере.

Этот «Автопортрет» 1845 года особенно ценен нам, как датированное произведение, восполняющее существующий пробел. Мы имели работы художника 1838 года и 60-х гг., а теперь имеем работу зрелого периода, характеризующую его творческий уровень, строгую ступицско-арзамасскую традицию и степень мастерства Н. М. Алексеева перед его отъездом в Петербург.

В собрании Ульяновского (Симбирского) художественного музея имеется портрет, * изображающий молодого человека в костюме первой половины XIX в. — темный сюртук с белым жилетом и рубашкой. На оборотной стороне запись следующего содержания: «Портрет Ступина основателя Арзамасской школы, работы Алексеева (зачеркнуто. — П. К.) Тропинина (надписано. — П. К.) от академика Шебуева потом к художнику Слезжинскому (Вильна), а от него ко мне А. Жиркевич». Если это работа и Н. М. Алексеева, для чего есть некоторые основания (о Тропинине не приходится думать), то этот портрет не может быть изображением А. В. Ступина.

Из доклада А. А. Карелина ** нам известен любопытный эпизод из жизни Н. М. Алексеева; в одну из веселых минут он возил в Арзамас Карла Павловича Брюллова, «отблеском которого на фоне Арзамаса остался портрет, им написанный с Алексеева в шляпе, плаще с рукою, которая была приписана Алексеевым с Брюллова». Портрет этот, по словам докладчика, находился в Петербурге.

Не этим ли воспоминанием и настроением проникнуто произведение Н. М. Алексеева из собрания Государственной Третьяковской галереи, помеченное 1859 г. и с романтическим названием «Алеко». На полотне портрет самого художника в романтической позе, с накинутым плащом и открытой рукой. Гамма красок темная. Густота наложения краски не позволяет видеть лепку кистью. Весь холст покрыт мельчайшими трещинами, повидимому, от употребления асфальта. Этим же годом помечено другое произведение из того же собрания — «Деревенский парень. Портрет сына художника». Здесь меньше напускной романтики, но больше чувства живой природы и непосредственной ее фиксации. Кучерская шляпа с павлиньим пером, плащик, балалайка —

* Приношу благодарность А. Н. Остроградскому и Д. И. Архангельскому за содействие при изучении этого портрета.

** «Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге», т. III, стр. 109—114.

И. М. Алексеев

Автопортрет.

Русский музей

отголосок излюбленных приемов русских бытописателей венециановской школы.

К тем же шестидесятым годам, или несколько позднее, следует отнести близкий по характеру и колориту «Автопортрет» из собрания Государственного Русского музея. Эта работа говорит лишь о выучке и опыте мастера, совершенно забывшего о природе красочного пятна, и не производит того сильного впечатления, которое испытываешь при осмотре его раннего группового портрета 1838 г. Подобной же работой следует признать и «Автопортрет» 1871 г., недавно поступивший в Государственный Русский музей.

*Н. М. Алексеев. Автопортрет.
1830-е и.*

В собрании Государственного Горьковского (Нижегородского) музея, среди новых поступлений 1925—1926 гг., имеется «Портрет художника В. Е. Раева», 1851 г. Портрет был на выставке этого года в залах Академии Художеств. Там же находится подготовительный эскиз, довольно законченный, к его произведению, указанному выше (из б. собрания И. С. Остроухова). Вся композиция очень близка к законченному оригиналу, отличается от него большей экспрессивностью, как результат непосредственного общения с натурой. К тому же времени следует отнести небольшой эскиз семейной группы, где фигурируют снова жена А. В. Ступина, сам художник и двое маленьких детей. Эта вещь очень близка к предыдущей и по технике и по образам лиц, служивших ему оригиналами. Того же времени, видимо, и третий небольшой холст этого же собрания, где мы имеем снова голову жены А. В. Ступина и девочки, повидимому, дочери самого Н. М. Алексеева, — персонажей предыдущего холста. По своей законченности последнее произведение необходимо отнести к моменту окончательного завершения задачи, то есть после общего эскиза. Все три произведения эти и четвертое (б. собрания И. С. Остроухова) — работы Н. М. Алексеева — относятся к одному и тому же периоду его творчества и поэтому крайне близки между собой.

В одном частном собрании г. Арзамаса * находится портрет А. В. Ступина работы Н. М. Алексеева. Судя по близости с портретом его на групповой картине, это произведение не старше последнего; вернее всего, в нем мы должны видеть тот портрет А. В. Ступина (поколенный), который был представлен в Академию Художеств в 1836 г. Это произведение дошло до нас в сильно попорченном виде и спасено лишь трудами и заботами его нынешнего владельца. Портрет своеобразен, смел по трактовке и выполнению.

Разобранными работами исчерпывается почти все известное нам живописное наследие Н. М. Алексеева. ** Правда, с начала 50-х гг.

* Художника А. Д. Иконникова, которому приносим свою искреннюю признательность за предоставление фото и за содействие к изучению ступинцев на их родине.

** В издании «Орест Адамович Кипренский в частных собраниях» — автор его Н. Н. Врангель воспроизвел там портрет юноши с листом в руках и атрибутировал его как автопортрет О. А. Кипренского (?), отнеся его к 1808 году. Экспонировался он тогда из собрания А. Д. Романова. Случай привел этот портрет в военные годы в Гос. закупочную комиссию в Ленинграде. При ближайшем осмотре его, мы пришли к выводу, что этот портрет по своему техническому исполнению не может быть отнесен кисти О. Кипренского, следовательно отпадала мысль об «автопортрете». Нам показалось сразу родство с работами круга художников, близкого нашему сердцу, — «арзамасцев» школы А. В. Ступина. По всему складу произведения, по какому-то особенному лиризму в подходе к отображению образа и в каком-то, может быть, несколько робком техническом исполнении мы чувствовали не столичное мастерство эпохи. Портрет, будучи показанным академику И. Э. Грабарю, получил подтверждение наших первых домыслов. И. Э. Грабарь пошел дальше нас и указал прямо на авторство Н. М. Алексеева.

Теперь, сопоставив известные нам портреты Н. М. Алексеева, мы склонны подтвердить догадку И. Э. Грабаря. Для сравнения мы обратились к групповому портрету «А. В. Ступин с учениками» (1838 г.). Здесь, как известно нам, позади А. В. Ступина изображен сам автор группы — Н. М. Алексеев. Небольшим промежутком времени от этого группового портрета отделено маленькое полотно того же мастера «Художники» в собрании Гос. Русского музея. Там, в одном из изображенных лицом к зрителю художников, мы вправе снова видеть его автопортрет. Он изобразил себя в том же халате восточного покроя (как в групповом портрете), но только в распахнутом, где ворот белой рубашки помещен поверх его. В таком же халате изображен и «юноша с листом» на изучаемом нами портрете. Почти тот же кулачок правой руки, подпирающий подбородок, тот же кусок белой рубашки, тот же удлинённый овал лица, тот же клочок волос справа — все эти черты одного и того же образа подрастающего и слегка изменяющегося юноши. Если бы мы привлекли еще и автопортрет 1845 года из того же собрания Гос. Русского музея, то и тут бы мы обнаружили некоторые черты сходства. Следовательно толчок, данный И. Э. Грабарем, показал свои результаты, а наши знания в области стиля искусства арзамасской школы подкрепили его мысль и наши ранние предположения. Для нас нет сомнения, что перед нами романтическое по настроению произведение, несомненный автопортрет Н. М. Алексеева — талантливого представителя арзамасской школы. Остается найти приемлемую датировку этого нового произведения Н. М. Алексеева. По нашему мнению, оно хорошо укладывается между групповым портретом

он начинает уделять внимание иконописным работам в Исаакиевском соборе, а с 1853 г. делается мозаичистом: этот период в его творчестве, проникнутый академическими традициями, вконец губит мастера-живописца, заставляя его забыть прежние идеалы своего искусства. Дань живому, подлинно творческому искусству заменена в этих работах жалкими подражаниями мастерам Академии. Достижений больших не было, и сама Академия, на закате его жизни, оставила без внимания его труды в области росписей и иконописи и заставила художника пережить грустную старость и крайнюю нужду.

Жизнь Н. М. Алексеева *—это довольно обычная картина быта наших художников прошлого, но зато его творческие гроблески—это достояние истории русской живописи, в ее интереснейшей главе—«Венецианов, его ученики и последователи».

Таким образом, мы еще раз убедились в наличии в русском искусстве сильной и глубокой струи в 40—50-х гг. XIX века, бьющей из провинции. Игнорировать ее недопустимо после изучения школы А. В. Ступина в Арзамасе. И, что главное, это искусство в лучших своих достижениях вполне смыкается с аналогичными исканиями столичного искусства. Надо было пройти двум-трем десяткам лет, прежде чем мы научились разбираться в этом. В признании этого момента—мы находим правоту и целесообразность наших длительных изучений как отдельных представителей, так и всей этой школы в целом.

СПИСОК РАБОТ Н. М. АЛЕКСЕЕВА. **

«Рыбак». На Академической выставке 1830 г. получила одобрение Академии.

«Перспектива комнаты с изображением целого семейства». Была на Академической выставке 1833 г.

Сцена из «Двухужицы». То же.

Голова мужчины. То же.

Голова женщины. То же.

«Сражение». Была на Академической выставке в 1836 г.

«Торбанист». То же.

1838 г. и полотном «Художники», написанным в промежутке времени очень близком к первому произведению. Возможно, оно было написано через два-три года. Следовательно новый «Автопортрет» мы смело можем отнести к тем же 30-м годам XIX века (у Н. Н. Врангеля он датируется 1808 годом). В результате наших изысканий мы уточнили наследие О. А. Кипренского, отняв от него ему не принадлежавшее и тем самым увеличили скромное по числу наследие Н. М. Алексеева новой и ценной его работой.

* При работе по архивным материалам нами не найдено никаких оснований приписывать ему вторую фамилию «Сыромянский», почему она нами и опущена повсюду.—П. К.

** Составлен на основании архивных указаний, литературы и обнаруженных произведений его кисти.

Портрет А. В. Ступина (поколенный). Собр. А. Д. Иконникова в Арзамасе. Был на выставке 1836 г. (?).

Автопортрет с женою. Был на выставке 1836 г.

«Александр Васильевич Ступин с учениками». Холст, масло, $1,200 \times 1,667$. Внизу с правой стороны надпись: «Н. Алексѣевъ 1838». Гос. Русский музей. Ленинград.

«Портрет собственного семейства», Холст, масло. В собр. И. С. Остроухова. Представлен в Академию в 1839 г. (?).

Девушка в мордовском костюме. Представлен в Академию в 1839 г.

Девушка в русском костюме. То же.

Портрет дочери, сидящей на ковре. То же.

Автопортрет. Холст, масло, 55×46 . В левом углу внизу: «Академикъ Алек. 1845 года». Приобретен в Гос. Русский музей в 1936 г. от наследников художника.

«Диана». Холст, масло, 35×27 . 1846 г. Был приобретен Закупочной комиссией в Ленинграде.

Девочка у рабочего столика. Была на Академической выставке. Работа 1849 г.

«Цыганка». 50 е годы.

Портрет художника В. Е. Раева. Холст, масло, $65,5 \times 55$. Подпись: «Н. Алексѣевъ 1851». Гос. Горьковский музей.

Портрет сына художника. Работа 1854 г.

Портрет Александра II (3 варианта)

Портрет Николая I

Портрет семьи Горностаевых

Портрет Прево

Портрет Жадимировского

Портрет Доброхотова

Портрет Щепетилова

Портрет Соковой

} Работы 1855—1857 гг.

«Алеко». Автопортрет, холст, масло, $91 \times 27,6$. Справа внизу подпись: «Академикъ Н. Алексѣевъ 1859». Гос. Третьяковская галерея, № 278.

«Деревенский парень. Портрет сына художника». Холст, масло, 87×66 . Справа внизу подпись: «1859-го Академикъ Алексѣевъ» Гос. Третьяковская галерея, № 279.

«Вакханка». Была на Академической выставке в 1861 г.

Картины на сюжеты А. С. Пушкина и И. А. Крылова. Работы 1860—1861 гг.

«Деревенский парень». Работа 1862 г.

«Деревенский праздник». Работа 1863—1864 гг.

Этюд отдыхающего работника. Работа 1870—1871 гг.

Автопортрет. Холст, масло, $74 \times 63,4$. В левом углу: «Академикъ Алексѣевъ 1871-го г.». Приобретен в Гос. Русский музей в 1936 г. от наследников художника.

Сцена из семейного быта. Работа 1871—1872 гг.

Портрет маленькой дочери. Работа 1872—1874 гг.

Неизвестных дат:

Портрет пр. Арсения (Москвина). Написан в бытность в Арзамасе.

Портрет Иоанна (Доброзракова). То же. Оба для Саровской пустыни.

Изображение двух молодых людей в комнате, освещенной свечами. «Художники». Холст, масло, $0,615 \times 0,485$. Гос. Русский музей, № 5954 (1631).

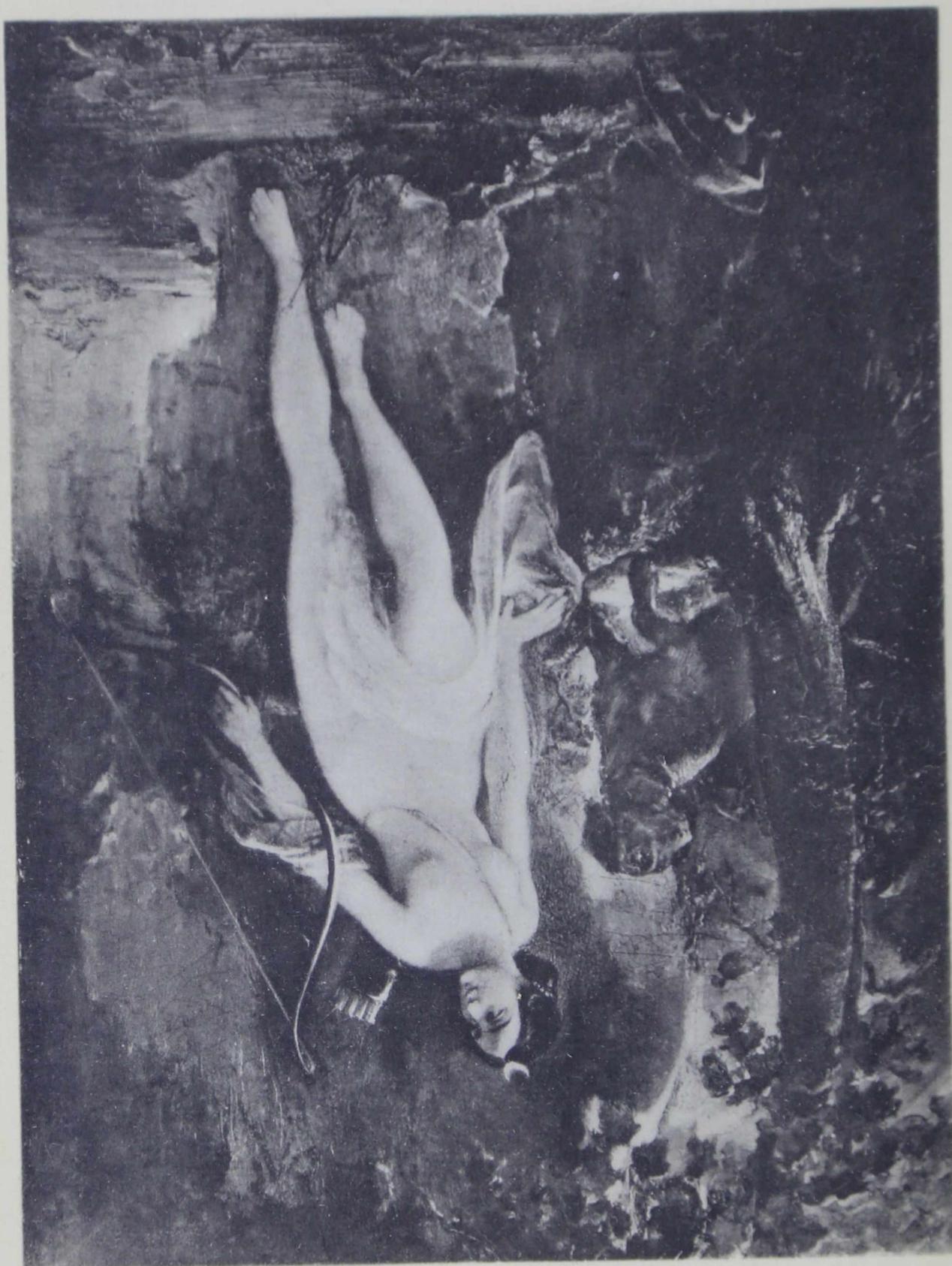
Портрет. Холст, масло. Ульяновский (Симбирский) музей.

Групповой портрет (жена А. В. Ступина, Н. М. Алексеев и его жена). Масло. Гос. Горьковский музей.

Портрет жены А. В. Ступина и девочки. Масло. То же.

Автопортрет. Холст, масло, 69×54 . Гос. Русский музей.

H. M. Арексеев. Аюна. 1846 г. Р.М.

Два вида Нижнего-Новгорода. Были приобретены царем на ярмарке в Нижнем в 1837 г.

«Всадник». Перо, абрис. Повидимому, копия с Верне. Подпись: «Р. Николай Алексеевъ», 32,2 × 52,5. Собрание Гос. Русского музея, № 39 127.

То же (вариант). } Собрание П. Е. Корнилова.
То же (вариант).

Этюд мужика. Указан С. Глаголем, как произведение, находившееся в Гос. Третьяковской галерее.

Семейство Ступина за вечерним чаем. Указано Ремизовым, стр. 108, и в «Нижегородских губернских ведомостях» 1850 г.

Примечание: Н. П. Собко в своем словаре упоминает миниатюры работы Н. М. Алексеева, писанные акварелью на слоновой кости (в Нижнем-Новгороде, Пензе и Арзамасе).

Василий Степанович ТУРИН

В. С. Турин родился в 1780 году в г. Арзамасе и происходил из мещан. Первоначальное образование получил в народном училище. Искусством он стал заниматься еще на родине, затем продолжал занятия в Академии Художеств, где был с 1797 по 1801 г. По выходе из Академии он приехал на работу в г. Казань по росписям летнего храма казанского женского монастыря. По окончании этих работ подал прошение о принятии его учителем в казанскую гимназию, но поступить туда ему не удалось из-за того, что он принадлежал к податному мещанскому сословию. «Впредь не приглашать в службу людей, не исключенных из подушного оклада», — такими словами кончалась резолюция на его прошении.

В 1810 г., будучи исключенным из мещанского сословия, он поступил учителем рисования в Казанское главное народное училище и прослужил там свыше двадцати лет. Одновременно он работал и по иконописи.* В 1815 г. он был признан «назначенным» в академики по картине «Св. ап. Андрей, ведомый на пропятие», но сама программа — «Явление Христа» — не была принята: «работа не найдена Советом таковой, чтобы он мог по одной иметь нужду когда-либо получить звание академика».**

Кроме этих официальных работ, мы имеем в его наследии значительный ряд графических перспективных работ, выполненных в офорте и литографии. Помимо указанных в труде Д. А. Ровинского,*** нам удалось открыть и опубликовать еще девять листов,

* Церкви: гимназии, Казанского университета, Николы Нисского, собор Петра и Павла и др.

** Петров, т. II, стр. 83.

*** Д. А. Ровинский. Словарь русских гравюров, т. II, столб. 1034 — 1035. Указаны его следующие работы: 1—5, религиозного содержания офорты; 6—13, гравюры рулеткой и лависом: Меркурий, Психея, Фавн,

*В. С. Турин. Дом Казанского губернатора. 1822 г.
ГРМ.*

ныне находящихся в собрании пишущего эти строки.* Совсем недавно обнаружен и подготовительный рисунок к его графическому произведению «Дом гражданского губернатора в Казани».** Эти работы дают нам подлинное лицо художника-видописца, перспективиста, своеобразного рисовальщика и весьма типичного художника для своей эпохи. Работы В. С. Турина навсегда останутся историко-художественными памятниками Казани и ценнейшим материалом для изучения художественной культуры России 30—40-х годов.

В. С. Турин был не только художником с индивидуальными исканиями, но и педагогом — основателем (может быть, по примеру своего родственника и друга А. В. Ступина) Казанской рисовальной школы, просуществовавшей до 1834 г., когда он покинул Казань навсегда. Казанская школа его времени дала ряд имен учеников, дошедших до Академии, а некоторым из его учеников удалось работать у О. Кипренского.

Василий Никифорович БОВИН

Он происходил из мещан г. Моршанска. В 30-х гг. XIX века он был отдан в Арзамасскую школу живописи. Пройдя основную там художественную грамоту, он показал свои итоги. По ним Академия Художеств в 1839 году пожаловала ему вторую серебряную медаль, в следующем 1840 году он получил от нее звание неклассного художника по портретной живописи.

До недавнего времени нам не удавалось найти следы его живописных произведений. Счастливый случай привел нас к его работе, подписанной «V. Bovin» и датированной 1843 годом. Ее мы отыскивали во время войны в запасах Гос. Русского музея,

Геркулес, Флора, Меркурий, Воин, Человеческий скелет; 14—27, альбом литографий священных изображений. СПб., 1834 г.; 28—30, вид казанского памятника, крепкой водкой.

Кроме того, нам известны: «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар, сняты с натуры 1827 г. архитектором А. Шмитом», 1832 г. Здесь им гравировано 12 листов, «Перспективные виды губернского города Казани, рисованы с натуры, литографированы и изданы В. Туриним. Москва, 1834 (8 листов). В казанском издании «Заволжский муравей», за 1832 г., т. I, приложены гравированные им виды: казанского монастыря и казанского кремля.

* П. Е. Корнилов. Материалы к иконографии Казани. «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР», IV вып., Казань, 1930, стр. 16—18, 28—29, с воспроизведениями.

** Секция рисунков Гос. Русского музея.

В. Н. Бовин. Пожарельцы. 1843 г.
ГРМ.

куда она попала из б. собрания историко-бытового отдела того же музея.

Это жанровая картина. У угла здания сидит девушка с спящим ребенком на руках. На фоне картины изображен деревенский пожар. Ранние реалистические настроения в русском искусстве нашли здесь ясный отклик. В позе девушки, в грустном настроении ее наш художник хотел дать образ тяжелых переживаний человека, подвергнувшегося стихийному бедствию. К этой задаче искренно было направлено желание нашего художника. На самом деле получился лишь двойной бытовой портрет. Фон остался сам по себе, а сидящая группа — сама по себе. Платки, укутывающие головы их, чистые белые рубахи, спокойные лица, руки — привлекли художника, стремившегося все это наглядно передать возможными и доступными ему живописными средствами. Средства эти были весьма ограниченные. Здесь мы присутствуем при зарождении реализма в русском искусстве, как следующей стадии за лирико-романтической струей, выраженной в работах школы А. Г. Венецианова (1780—1847). Если это еще незрелое по содержанию и форме произведение, то этому причина лежит в силе самого таланта и его профессиональных навыков. Но в эти же годы, там же в Арзамасской школе, в той же художническо-творческой среде зреет реалистический дар В. Г. Перова (1833—1882), который принесет богатый вклад в русское реалистическое искусство. В. Бовин и В. Перов питаются одними и теми же идейными соками, свившими гнезда в родной им школе конца 40-х годов XIX века. С этой стороны нам дорого это скромное произведение русской провинциальной живописи, а вместе с ним и сам скромный мастер В. Н. Бовин, который окончил свою жизнь в 70-е г. XIX в. — в эпоху расцвета русского реализма. В этом расцвете вложена и доля трудов нашего арзамасца.

**Николай Ефимович
РАЧКОВ**

(1825—1895)

Он родился в 1825 г. в Нижнем-Новгороде, в семье местного учителя рисования (из мещан). Отец его был скромным художником, но горячо любил искусство. Он собирал все, что относилось к искусству. «В папке учителя хранилось и снимки с античных статуй, и кое-какие гравюры, и политипажи

с произведений великих мастеров эпохи Возрождения»... * Любимым занятием его было, в длинные зимние вечера, сидеть над этими папками и разбирать их вместе с сыном, рассказывая ему и целые истории из мифологии и биографии знаменитых художников». Сын с жадностью слушал рассказы отца. Эта скромная обстановка предрешила будущую судьбу мальчика. Он стал пробовать рисовать. Отец видел в сыне отражение своих симпатий и всячески поощрял его. Мальчик был взят из гимназии, где он учился, и был отдан в школу живописи А. В. Ступина в Арзамасе. В школе он был на хорошем счету. В 1844 году от Академии Художеств он получил две серебряные медали, а в следующем, 1845 году — звание некласного художника портретной живописи. Есть указания на то, что после отъезда Н. М. Алексеева (руководителя школы и зятя А. В. Ступина) в 1846 году в Петербург для работы в Исаакиевском соборе Н. Е. Рачков занял его место и оставался руководителем школы. Здесь, несколько раньше, им была написана картина «Портрет цыганки», за которую он получил звание некласного художника.

Наступило затишье в жизни школы в этот период с отъездом Н. М. Алексеева. Молодой художник Н. Е. Рачков в порыве мечтаний решил добиваться славы. Покинул вторую родину — Арзамас. Но скоро испытал все превратности судьбы. Он успел побывать в Симбирске, Казани, Саратове, Шуе. Нигде гения его не признают, и приходится биться из-за каждого рубля. Он писал про себя: «Месяцы сидел я дома без работы, нередко без хлеба, с темной надеждой на счастливый случай, и бог хранил меня. Время шло, я бедствовал, враги мои торжествовали»... «Ни одного ясного проблеска не видно на мрачном горизонте моего одиночества... Сердце болит, злая тоска безжалостно терзает его... Что ждет меня впереди. А настоящая жизнь ужасна. Беспрерывная цепь страданий, горькое сознание своего ничтожества, унижительное оскорбление горячих надежд»...

«Грусть и тоска меня не оставляет. Что мне делать? В уме страшная пустота, а сердце полно тревоги. Не знаменует ли это новых бурь, готовых разразиться над бедною моею головою»...

«Пришла сегодня счастливая мысль написать картину «Распятие» с эстампа. Завтра Василий будет грунтовать скатерть, за неимением полотна»...

Тяжелые моменты разочарований и обид не покидают Н. Е. Рачкова. В такую минуту он вспоминал своего брата — П. Е. Рачкова — тоже бывшего ученика Арзамасской школы. Он записал в своем дневнике: «Брат мой, милый мой брат. Что

* Сергей Глаголь. Художник Николай Ефимович Рачков, «Искусство и художественная промышленность», № 11, 1899 г., стр. 885 и др.

Н. Е. Рачков. На поле.
ГРМ.

будет с тобою. Я не могу помочь тебе... А ты надеешься, ты ждешь. Я обещал тебе.»...*

«Вот близок и праздник Рождества. Не будет он для меня радостен... Все будут праздновать весело, шумно, в кругу своих родных, знакомых, а я один... совершенно один, и без куска хлеба... Горько...»

Пережив период голодной жизни, Н. Е. Рачков очутился в более благоприятных условиях.

«Я живу у М. А. Полежаева. Имею особую комнату и, словом, все удобства...»

Пробовал Н. Е. Рачков, кроме живописи, заниматься и литературным трудом. В 1844 г. в «Листке для светских людей» была напечатана его статья — «Уездные купцы — любители литературы».

В 1860 году Н. Е. Рачков перебирается в Москву. Здесь, живя на случайные заработки, он знакомится с коренными москвичами, причастными к искусству, и с членами вновь основанного Общества любителей художеств. Вошел в это общество, познакомился с московскими художниками, принимал посильное участие там своими работами. Он стал работать над своими темами и участвовать на периодических выставках. У него появился круг заказчиков. При содействии Д. П. Боткина Н. Е. Рачков съездил несколько раз за границу. Познакомился там с художественными сокровищами мирового искусства, расширил свой кругозор и свои профессиональные навыки.

* В нашем распоряжении имеется прошение П. Е. Рачкова:

«В правление императорской Академии Художеств Арзамасской школы г. академика Ступина ученика Павла Рачкова.

П р о ш е н и е

Известившись, что императорская Академия Художеств удостоила слабые мои успехи в рисовании и живописи лестным одобрением и пожалованием серебряной медали, и приемля с благовоением и глубочайшею благодарностью таковой знак ее внимания, с тем вместе беря смелость утрудить убедительнейшею просьбою о защите меня от угрожающего несчастья: состоя в Нижегородском мещанстве, семейство наше назначено в очередь к поставке в нынешнем году рекрута, а как из всех нас троих братьев один я годен к приему, то и должен буду, при всей охоте моей к живописному художеству, променять кисть на оружие. Умоляю Правление Академии снести с кем следует о исключении меня на основании ее правил из податного состояния и избавления от рекрутства. Чем будучи благодетельствован, еще с большим старанием стремиться буду к усовершенствованию оказанного мне благодеяния. Генваря 22-го дня 1840 года К сему прошению мещанин, ученик художественной школы г. академика Ступина Павел Ефимов сын Рачков руку приложил» (Архив Академии Художеств — 19/1840, лист I).

Ходатайство Академии Художеств, направленное нижегородскому губернатору, не имело успеха: «Как состоящий на рекрутской очереди, из общества впредь до отправления оной уволен быть не может» (Архив А. Х. — 19/1840, листы 2—6).

Дружба с К. Т. Солдатенковым сблизила его с литературной московской средой, в частности с поэтом А. Фетом. Стихотворное посвящение ему поэта было обнаружено после смерти Рачкова.

«В стране дубов и буераков,
В стране сморчков и соловьев,
И карасей и крупных раков,
Тебя приветствуем Рачков.
Чего ж, оставя пустословье,
Тебе от сердца пожелать.
Чтобы талант твой и здоровье
Сто лет не двигались вспять.»

Н. Е. Рачков, будучи знакомым с В. Г. Перовым еще в Арзамасской школе, где последний был учеником, продолжал свое знакомство и дружбу с ним в Москве.*

Наступивший московский период в жизни Н. Е. Рачкова был спокойным и богатым творческими переживаниями. В Московском обществе любителей художеств он одно время был секретарем. Он дал мысль основать вспомогательный фонд для помощи престарелым художникам и их семьям. В бумагах Н. Е. Рачкова были найдены его обращения к комитету Общества, где он указывал на «необходимость следить за требованиями времени, изменить свои выставки, устроить свободные классы по живописи и рисованию».

Скончался Н. Е. Рачков 12 апреля (ст. ст.) 1895 года и был похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

Н. Е. Рачков. Девушка в старорусском наряде.

* Нам известно, что эскиз 1867 г. «Утопленница» В. Г. Перова (холст, разм. 23 × 37 см.) был собственностью Н. Е. Рачкова и был принесен им в дар Третьяковской галерее (см. Каталог художественных произведений городской галереи П. и С. Третьяковых. Москва, 1917 г., стр. 33). В литературе есть указание о «Портрете В. Г. Перова в мастерской Н. Рачкова» (см. В. Г. Перов, 1892 г., стр. 75).

Николай Ефимович Рачков прошел суровую жизнь. Временами она была ему мачехой, но, видимо, никогда он не бросал свое искусство, к которому подошел в ранние детские годы в семье отца, где искусством занимался и старший его брат. Арзамасская школа ему дала необходимую и основную профессиональную подготовительную культуру. Своим творческим развитием он был обязан Николаю Михайловичу Алексееву — романтику и реалисту первой половины XIX века — незаурядному мастеру для своего времени. Н. Е. Рачков постепенно прошел все стадии работы. Большая доля ее падала на работу с натуры. Здесь молодой художник сумел выработать свое мастерство и свой портретный жанр — основной вид в обиходе Арзамасской школы. Хорошо принятый А. В. Ступиным и Н. М. Алексеевым, он успешно работал. Лучшие его работы посылались с годовыми отчетами школы в Академию Художеств, где были отмечены наградами. Был завершён подготовительный путь, и Н. Е. Рачков сам стал преподавателем школы. Что-то непонятное произошло на протяжении нескольких лет после окончания им школы. Почему-то (для нас совершенно не выяснено) добрый по натуре Н. Е. Рачков в 1862 году в своем печатном обзоре трудов А. В. Ступина очернил память покойного основателя школы. В это время Н. Е. Рачков был вдали от школы и жил в Москве. Не были ли причиной его неприязни к А. В. Ступину расхождения в подходе к искусству. Последний еще, вполне естественно, жил традициями запоздалого романтизма, а у Н. Е. Рачкова устремления были направлены в сторону нарождающегося молодого реализма. Правда, в условиях суровой жизни, Н. Е. Рачков не удержался долго на высоте своих основных интересов и сдал свои позиции художника-реалиста, перейдя на светскую академическую живопись. Неустойчивость взглядов разночинцев 60—80-х гг., каковым был и Н. Е. Рачков, легко объясняется теми условиями жизни, в которых им приходилось жить и работать. Неустойчивость их мировоззрения — пример типичный для этой переходной эпохи. Творчество Н. Е. Рачкова остается для нас все же реалистическим. В нем все характерные черты, с одной стороны, его ранней школы, а с другой — и московской школы. В его работах нас увлекает зрелое мастерство и большая любовь к жизни и людям. Свои образы он черпал из жизни. В его работах сквозят отдаленные, поздние традиции венециановской школы и ранние передвижнические нотки, и все это уживалось с более поздними академическими настроениями в духе И. К. Макарова.

Имя Н. Е. Рачкова принадлежит, несмотря на все, к лучшим и ярким представителям Арзамасской школы 50-х гг. XIX века.

Н. Е. Рачков. Этюд старухи. 1872 г.
ГРМ.

СПИСОК РАБОТ Н. Е. РАЧКОВА

1867 г.

На поле (крестьянка с ребенком). Акварель. $0,378 \times 0,270$.
Внизу: «Н. Рачковъ», ГРМ. *

1868 г.

Накануне праздника. Масло, холст. $0,42 \times 0,31$ **
Внизу: «Н. Рачковъ», 1868. ГРМ.

1871 г.

Голова девушки. Этюд. Масло, холст. $0,335 \times 0,265$.
Справа «Рачковъ», ГРМ.
У калитки. Масло, холст. $0,58 \times 0,38$
Внизу: «Н. Рачковъ 1871 г.» ГТГ. ***

1872 г.

Этюд старухи. Масло, холст. $0,475 \times 0,380$. ГРМ.

1876 г.

Портрет художника Д. Э. Гагена. Масло, холст. $0,64 \times 0,51$. ****
Внизу: «Н. Рачковъ 1876 г.» ГТГ.

1877 г.

Девочка с ягодами. Масло, холст. $0,42 \times 0,34$.
Закупочная комиссия. Ленинград.

1878 г.

Бабушка и внучка. Масло, холст. $0,36 \times 0,20$. Частное собрание в Казани. *****

1881 г.

Бабушка с внучкой. Масло, холст. Собр. Рукавишников. *****

* Была помещена в альбоме 1867 г., преподнесенном Марии Федоровне от Московского общества любителей художеств.

** Был в собрании Румянцевского музея.

*** То же.

**** То же.

***** Собрание картин М. А. Густова. Каталог выставки. Казань, 1944 г., стр. 5—7 и 12.

***** Была на выставке 1882 г. в Москве вместе с другими работами Н. Е. Рачкова: «Женская головка», «Офелия» и «У калитки» (1871 г.). См. Ф. И. Булгаков «Наши художники». Том II, 1890 г., стр. 114. Там же есть

1882 г.

Женская голова. Масло, холст.

Неизвестных дат.

Цыганка. Масло, холст. 0,48 × 0,38. Музей. Горький.

Девушка в старо-русском наряде. Масло, холст. 0,49 × 0,38.

Закупочная комиссия. Ленинград.

„Офелия“ (написана до 1882 г.). Масло, холст. Была в собрании К. Т. Солдатенкова.

Девочка с людами. Сепия. 0,262 × 0,170. ГРМ.

Голова женщины. Акварель, пастель и белила. 0,238 × 0,165. ГРМ. *

Бабушка и внучка. Перо.

Был в собрании И. Е. Цветкова.

Девушка у ворот. Перо.

« « « « «

Женская голова.

« « « « «

Голова старика. Цветной карандаш.

« « « « «

Женский портрет. Акварель.

« « « « «

Голова русской девушки. Цветной карандаш.

« « « « «

Голова ребенка. Карандаш.

« « « « «

Старушка-вязальщица. Карандаш.

« « « « «

Старушка. Цветной карандаш.

« « « « «

Старик кучер. Цветной карандаш.

« « « « «

Святое семейство (с оригинала, находившегося у Н. И. Подключникова).

Литография. **

Голова старушки. Литография с тоном.

Примечание: Настоящий список работ Н. Е. Рачкова не претендует на исчерпывающую полноту. Он составлен главным образом по двум основным собраниям ГТГ, ГРМ и литературным источникам.

Василий Григорьевич

ПЕРОВ

(1833—1882)

Василий Григорьевич Перов родился 23 декабря 1833 г. в г. Тобольске, в семье Г. К. Криденера. Во время пребывания его родителей в Самарской губернии, в д. Кольцовке, он начал учиться грамоте, показал хорошие успехи, за что и получил, по преданию, от обучавшего его дьячка прозвище «Перов», которое и стал носить вместо своей фамилии по крестному отцу, Васильев.

указания на картину «Богателенка», которая экспонировалась на академической выставке 1878 г. и на Парижской всемирной выставке. Мы склонны в ней видеть картину «Накануне праздника», 1868 г., приведенную в нашем списке.

* Была в собрании Цветкова. Оттуда перешла в собрание С. С. Боткина.

** Ровинский Д. А. Словарь граверов. т. II, столб. 833.

С 1842 г. семья его отца переехала в Арзамасский уезд, Нижегородской губернии, в Саблуково—имение помещика Яковлева, у которого его отец работал в качестве управляющего имением. Здесь Перов впервые увидел работу живописца, который был приглашен из Арзамаса написать на портрете отца собаку. После отъезда живописца В. Г. начал рисовать, подражая ему, стремясь сделать портрет с кого-нибудь. Результаты были неудачные, но это обстоятельство не отталкивало молодого художника от продолжения своих художественных опытов. Десяти лет он был отдан в Арзамасское уездное училище и жил у учителя Фаворского. Закончил он эту школу к 1846 г., показав особые успехи в рисовании и чистописании. По совету арзамасского купца М. Г. Безобразова, В. Г. Перова решили отдать в школу А. В. Ступина, куда он и стал приезжать из Саблукова два раза в неделю. Затем занятия там были прекращены из-за одного обстоятельства, в котором были замешаны его товарищи по школе. Но в скором времени, так как вся семья Криденеров переехала в г. Арзамас, занятия продолжались более регулярно, чем раньше. А. В. Ступин бывал в семье ученика (Криденеры жили в доме напротив школы). На заботливое беспокойство его матери А. В. Ступин любил отвечать: «Ты, матушка, не беспокойся, Васенька не пропадет,—у него талант, из него выйдет художник; это я тебе верно говорю».*

Занятия Перова в школе шли удачно; хотелось писать красками, а А. В. Ступин держал его на рисунке. По совету своего товарища, Перов начал втихомолку, без ведома учителя, копировать «Старика» К. Брюллова, находившегося в картинной галерее школы. Однажды тайна была открыта А. В. Ступиным, увидевшим копию работы ученика. «Это ты пишешь копию-то?»—спросил он.—«Хорошо, брат, хорошо. Ты теперь пиши красками—пора уж».** Радости юного художника не было границ, ему в это время шел лишь пятнадцатый год.

В следующем, 1849 г. Г. К. Криденер переехал на место своей новой работы в с. Пияшное, а В. Г. Перова пришлось оставить одного в Арзамасе, и он перебрался на житье к Ступину. Это было сделано при условии, что он не будет «бразничать и вообще водить близкое знакомство с прочими учениками»*** Это запрещение обострило его отношения со сверстниками по школе и однажды вызвало ссору с учеником Гусевым. А. В. Ступин, повидимому, не вник в суть дела и не защитил В. Г. Перова,

* Василий Григорьевич Перов, Его жизнь и произведения. Текст Н. П. Собко, изд. Д. А. Ровинского, СПб., 1892, стр. 9.

** Там же, стр. 9.

*** Там же, стр. 10.

В. Г. Перов (?) Молодой художник.

которому это обстоятельство показалось обидным и незаслуженным, и он покинул школу немедленно, вернувшись к отцу в село Пияшное, где осень и зиму провел дома за самостоятельными работами по искусству. В этот период он получал дружескую помощь от некоторых бывших в школе товарищей: они доставляли ему потихоньку для копирования оригиналы. Ближайшим помощником его в это время был его сверстник, деревенский парень, по имени Иван. Он ему растирал краски, грунтовал холст, а для задуманной большой картины «Распятие» был добросовестным натурщиком. Для большего реалистического эффекта Иван во время позирования привязывался ремнями к специально сделанному кресту и позировал в таком трудном положении. Работа эта продолжалась шесть недель и была закончена к страстной неделе великого поста. В. Г. Перов, потерпев неудачу в с. Каваксе, пожертвовал свое произведение в с. Никольское (в шести верстах от с. Пияшное), и там оно было поставлено в местную церковь за престолом.

После этой первой серьезной работы с натуры В. Г. Перов написал свой автопортрет, портреты отца и целого ряда своих домашних, которые ему служили бесплатными натурщиками.

Живя в с. Пияшном, он много работал по искусству, читал и охотился.

В 1852 г. он поехал в Москву и показал свои работы в Училище живописи, ваяния и зодчества скульптору Н. А. Рамазанову, инспектору училища, который его ободрил такими словами: «Вы можете поступить в училище и, если только вам никто этого не поправлял, то трудитесь, работайте,—из вас будет художник, у вас есть талант; в сентябре я жду вас».*

С 1852 г. начался трудный московский период жизни В. Г. Перова, который выковал из него художника-реалиста, каким мы его знаем теперь. Но не следует забывать, что первую школу реалистического направления он получил у Ступина в Арзамасе. Там колыбель его творчества.

СПИСОК РАНИХ РАБОТ В. Г. ПЕРОВА**

1849 г.

Старик. Копия с картины К. П. Брюллова.

* Василий Григорьевич Перов. Его жизнь и произведения. Текст Н. П. Собко, изд. Д. А. Ровинского, СПб., 1892, стр. 13.

** Список ранних его работ составлен на основании литературных источников.

1850 г.

Св. Иероним. Копия.

Цыганка. Копия.

Гречанка. Копия.

1851 г.

Распятие. Находилось в церкви с. Никольское, Арзамасского уезда.

Автопортрет.

Портрет отца.

Нищий, просящий милостыню. Находился в собр. кн. П. П. Кутаева в Арзамасе.

Деревенская тройка. Там же.

Народное гулянье в семик. Там же.

НАСЛЕДИЕ ШКОЛЫ

Безыменные художники Ступинской школы и их произведения, как плоды творческого коллектива, не могут быть обойдены молчанием в нашем историческом обзоре, тем более, что эти памятники ушли и уходят из жизни с каждым днем. Мы имеем в виду росписи и живописные работы школы в архитектурных памятниках Арзамаса, которые дошли до нас.

Об огромном числе работ такого характера мы можем судить по справке, данной самим А. В. Ступиным и относящейся к 1847 году, но исчисленную с 1802 г. (год основания школы).²² Здесь, кроме картин-икон, упоминаются росписи «из масла и клея» десяти церквей. Надо думать, что добрая половина этого числа падает на Арзамас.

Об одной из этих росписей—приходской Духовской церкви—мы можем судить по личному ознакомлению в 1929 г. В маленькой ампирной церквушке, стоявшей против школы, мы могли видеть ансамбль, созданный самим Ступиным и его школой. Синие цоколи стен с пестрыми вазонами и изысканная фреска—беседа Христа с Никодимом в каком-то гигантском ампирном дворце, где действующие персонажи кажутся куклами. Голубые кессоны потолка, необыкновенные пейзажи внизу иконостаса, списанные с картин Ступинской школы,—все это невольно оставляет впечатление единства стиля, говорящего о художественной культуре создавшего все это коллектива.

В 1823 году были закончены росписи церкви на Нижегородской ярмарке, где было написано до восемнадцати больших вещей, из которых в парусах четыре евангелиста по рисункам Доменикино и над главным алтарем «Тайная вечеря» по рисунку Леонардо да Винчи.

В 1835 г. был расписан Воскресенский собор, построенный по проекту архитектора М. П. Коринфского. Роспись была выполнена учениками школы О. С. Серебряковым с сыном Александром, так как, отмечал летописец собора,* «Ступин был человек расчетливый, любил взять за свою работу хорошую цену, а собор строился при скудости средств. К тому же у Ступина всегда было много заказов».** Собор был расписан аль фреско (по сырой штукатурке).

Оригиналами служили произведения западных художников, надо думать, в исключительно гравюрной интерпретации. «Влияние ступинской школы видно во всем», — отмечает тот же автор.*** Нам, видевшим этот памятник в 1929 и в 1936 гг., приходится лишь отметить исключительную выдержанность и поразительное качество технического выполнения росписей, безукоризненно сохранившихся за столетнее свое существование.

Характерной особенностью этих росписей и росписей Ступинской школы в целом является разнообразие применения живописи. Мы встречаем живопись в картинах, но огромная доля работ посвящалась и декоративным задачам архитектурного оформления, начиная с цоколей, о которых была речь выше, при описании Духовской церкви, и до заполнения целых плоскостей в потолочных и сводчатых перекрытиях, на стенах и пр.

Таковыми поразительными памятниками остались уголки обработки кессонами в Воскресенском соборе, где поражает исключительная иллюзорность выполнения.

Таким же характером проникнута роспись, виденная нами в Зосимовской церкви, где знакомые нам росписи приятно были оживлены архитектурными росписями по коробовому своду и сводчатому перекрытию в центральном куполе.

Во всех этих росписях запоминается теплота и чистота тонов. Едва ли мы ошибемся, если укажем, что любимыми и распространенными красками являются синяя, желтая, коричневая и переходные от них тона.

В композиции мы наблюдаем свободу в трактовке оригиналов: часто в портретах действующих лиц мы видим простоту типа, обыденность, реалистичность, низводящую героев священной истории к живым образам того времени. Например, в Зосимовской церкви, в фреске, повидимому, «чуда насыщения хлебом», — пейзаж дан в сугубо реалистической трактовке, лишенной обычной условности. В Воскресенском соборе сцена «Поклонения

* Н. Щегольков, Арзамасский Воскресенский собор, стр. 160—161.

** Судя по некоторым другим источникам, в частности по записке П. Ф. Владимирского, знакомой нам в рукописи, А. В. Ступина постоянно видели в соборе при исполнении живописной работы.

*** Н. Щегольков, Арзамасский Воскресенский собор, стр. 160—161.

Ф. Мелентьев. Жнец. 1843 г.
ГРМ.

волхвов» развернута в русском крестьянском сарае бревенчатой кладки, со слуховым окном и т. д. В сцене «Входа в Иерусалим» за стеной виднеется обычный ампириный дом с рустовкой и со всеми необходимыми деталями, до верхнего слухового окошка включительно.

Не одной церковной росписью были заняты наши арзамасские художники; после них остались и памятники светской росписи.

Об одной мы уже упоминали выше. По отзыву Н. Н. Врангеля, это сохранившиеся фрагменты росписи потолка в самой школе, варварски замазанной последующим поколением.

Другой росписью, сохранившейся и виденной нами, является роспись мезонина в бывшем доме купца Жевакина.* Роспись там покрывала все стены и потолок. Назначение ее было — видоизменить жилое помещение, сделать его необычайным. Оригиналом замысла были виденные усадебные росписи перспективно-иллюзионистического характера. Приходит на память запись А. В. Ступина о виденной им перспективе работы П. Гонзаго в саду дворца гр. Юсупова в Петербурге, которая поразила его своей натуральностью. В доме Жевакина потолки расписаны кессонами с большими розетками двух видов. В узких сторонах цилиндрического свода даны наверху решетки, как бы окаймляющие хоры, в окнах, выходящих на улицу, мы видим тонкую роспись арабесками, имитирующую лепку. Здесь не только орнаментальные мотивы, но и фигурные: женщины с венками, в тончайших туниках, амурсы и пр. В противоположной стороне изображения деревьев в бочках. Самыми же интересными являются росписи, расположенные вдоль стен дома. Это целые перспективы — панорамы с деревьями, водой, многоплановые, декоративно написанные широким письмом. Зритель, рассматривающий роспись, благодаря написанным двум колоннам и решетке между ними, по замыслу художника как бы находится на балконе или террасе самого здания.

Эта работа должна быть детищем тех мастеров, которые были объединены перспективным классом Ступинской школы, и, нам думается, не будет ошибочным, если в этих росписях мы увидим ранние шаги будущего перспективиста и декоратора В. Раева с его товарищами, а всеми ими, как мы знаем, руководил Р. А. Ступин. Следовательно, это коллективное произведение должно быть отнесено к 30-м гг. XIX столетия; таким по стилю оно и выглядит.

Надо думать, что еще некоторые фрагменты подобных росписей доживают свой век под побелкой и новой штукатуркой в некоторых домиках старожилов Арзамаса, но о них мы не узнаем,

* При нашем осмотре в 1936 г. оказалась забеленной.

наверное, никогда. Они уйдут вместе с дряхлыми вековыми сооружениями, доживающими свой век.

«В подвалах и чердаках мне указывали целые груды буквально сгнивших полотен, не представляющих в настоящее время никакой художественной ценности», — писал Н. Врангель, посетивший Арзамас в 1902 году.

Редкой находкой был значительный холст школы, обнаруженный художником А. Д. Иконниковым, который, проходя по улице Арзамаса, увидел портрет, закрывавший разбитое окно в чулане. Это оказалась очень интересная работа Н. М. Алексеева — портрет А. В. Ступина. Правда, холст требовал местами закрепления и реставрации.

В провинциальных хранилищах встречаются портреты, в которых инстинктивно чувствуешь школу Арзамаса, но до сих пор не было конкретных данных для суждения о ней.

Арзамасскую школу упрекали (например, Н. Рачков) в том, что она исключительно занималась иконописью, но этот упрек, при близком знакомстве со школой, покажется неосновательным. Иконописью занимались много, работа эта доставляла средства, без которых школа не могла бы существовать, но кроме этого вся школа строила свое обучение на академических началах светской живописи. Учениками школы, по имеющимся сведениям, было написано до 2000 портретов. Влияние церковной живописи, с ее условным колоритом, не могло не отразиться на портретной живописи, но и, наоборот, как мы уже отмечали выше, бытовая, светская живопись накладывала свой отпечаток на религиозную, в сторону опрощения последней. В результате этого взаимодействия и получился тот стиль, который в провинциальном искусстве мы можем назвать «стилем Арзамасской школы».

Одни историки искусства, соприкасавшиеся с отдельными произведениями Ступинской школы, подчеркивали их некую «мечтательную изысканность, их пленительную и любовную выношенность»,* а другие, отмечая недостаточно обильный материал по этим «отдаленным предкам», утверждали, «что у нас (исследователей—историков русского искусства.—П. К.) есть пока лишь одно право и одна правда — это добросовестное описание наших непосредственных впечатлений». «В самом деле, мы еще слишком мало знаем этих наших более отдаленных предков, чтобы быть справедливыми; мы слишком мало с ними сжились, чтобы они были нами исчерпывающе поняты и истолкованы...»**

* «Аполлон», № 4/5, 1917 г., стр. 8.

** Всеволод Дмитриев, Неуклюжие ученики (по поводу нескольких русских картин из собрания В. Б. Хвоцинского), «Аполлон», № 6, 1917 г., стр. 1.

Мы вполне разделяем последнее высказывание: нашу работу о «ступинцах» мы строили на доступном нам фактическом материале о них и на непосредственном изучении их произведений. Хочется верить, что забытым именам крепостных и незаметным художникам нашей провинции прошлого века еще не раз будут посвящать свои работы историки искусства, ибо только в коллективном творческом искании могут быть получены те материалы, которые необходимы для обобщающих строго научных выводов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приводимых и цитируемых в приложении документах сохранена транскрипция, орфография и пунктуация подлинников. — П. Б.

*1. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБ А. В. СТУПИНЕ **

Разбираясь в материалах об академике Ступине, мне пришлось осмотреть и архив А. С. Гадисского, хранящийся в Нижегородской архивной комиссии.

Материал этот касается и происхождения Ступина, не вполне ясно очерченного в имеющейся о нем литературе. Ни один из биографов не говорит точно о происхождении художника. Большинство же заметок биографического характера о Ступине относится лишь ко времени его жизни и далеки от объективного освещения. Сравнительно «позднейший» материал (после кончины Ступина) — это биографический очерк И. С. Ремизова, от 1886 г., в «Материалах для истории народного просвещения в России», и А. С. Гадисского — «Люди Нижегородского Поволжья».

Ремизов очень определенно заявляет, что А. В. Ступин происходит из дворянского рода Борисовых: «отец его матери служил воеводою в Костроме, а родной дядя — контр-адмирал...» Другой автор статьи сообщает, что Ступин был крепостным одного помещика («Русский инвалид», 1861 г., № 189). Затем у Брокгауза и Ефрона сказано: «будучи мещанином, из вольноотпущенных» и т. д.

Как видим, полного единогласия здесь нет.

Теперь же, когда прошло почти восемьдесят лет со дня смерти Ступина (умер 31 июля 1861 г.), можно, казалось бы, для правильного освещения его происхождения попытаться объяснить, кто он.

Вот что нашел я по интересующему меня вопросу в архиве А. С. Гадисского: не вполне грамотно написанную «историю Ступина», — так озаглавлена статья, подписанная каким-то Александром Покровским; в статье

* Сборник, т. XVIII, вып. 1. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», Н.-Новгород, 1914 г.

этой говорится, что Ступин «родился от игуменьи Н...ского монастыря, в мире вдовы генеральши Н...» (фамилия не указана).

Еще живы некоторые из древних арзамасцев, помнящих Ступина и слышавших — в свое время — от сородичей своих о происхождении Ступина; по этой версии, он — «сын игуменьи Н...ского монастыря и одного помещика Арзамасского уезда...».

Жива еще крестница А. В. Ступина — б. монахиня Алексеевского монастыря Алевтина, у которой хранится фотография с портрета Ступина.

Жива еще память в преданиях о помещике, называемом отцом Ступина:

«Буйный был характером этот помещик, ночью придет в обитель, стучит, громко ругается... Случалось, в храме кричал на монахинь, сильно они его боялись — прятались...».

Нет оснований не верить тому, что удалось услышать в Арзамасе. Люди, говорившие это, заслуживают полного доверия и уважения. Здравствуют они и донныне.

В моем распоряжении находится снимок с портрета этой игуменьи, «бывшей настоятельницы Н...ского монастыря в XVIII в.», как значится на портрете, с именем которой связывают появление на свет Ступина.

Имя игуменьи — Мария.

С портрета смотрит прекрасное, еще юное лицо...

Подлинных дел разыскать на месте нигде не удалось: да и давно «дела», вероятно, утрачены, как «компрометирующие» обитель документы. Самый портрет тоже подвергался «остракизму»: валялся где-то на скотном дворе, и лишь по воле последней настоятельницы монастыря портрет игуменьи Марии, насколько возможно, был реставрирован своими монастырскими силами.

В приведенном выше документе из архива А. С. Гацисского указывается также, что «родившийся ребенок был отдан в дети к мещанину Ступину, вместе с 500 рублями ассигн. Его приемная мать — Анисья — занималась мелочной торговлей и этим промыслом воспитывала приемыша».

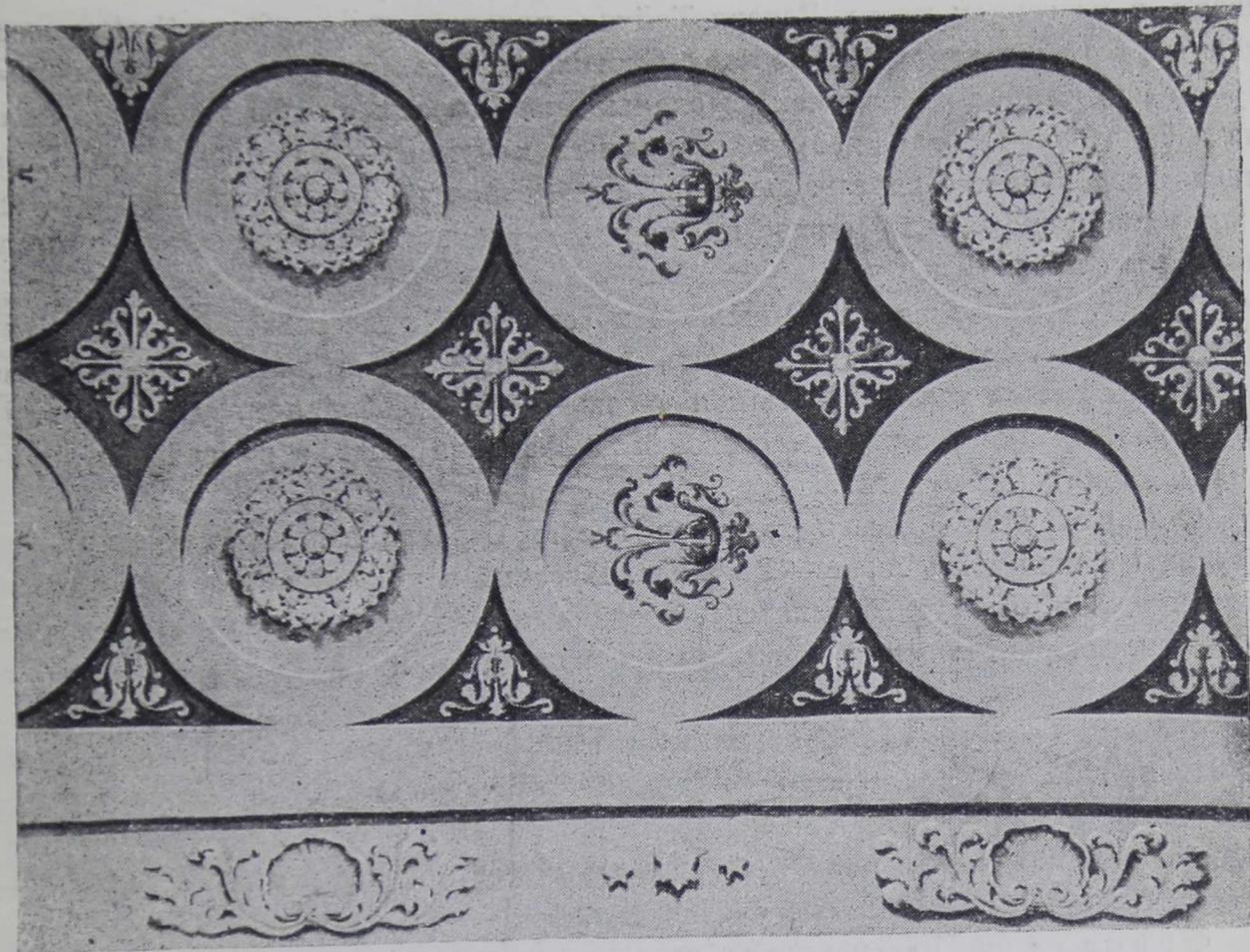
Все это совпадает и с другими биографическими сведениями и с «Запиской» самого Ступина. (Сообщил член арх. комиссии И. Матюнин).

2. ИЗ ЗАПИСОК А. В. СТУПИНА. *

1800 г. марта 24. Был по рекомендации одного знакомого в картинной галерее покойного графа Безбородко, г. министра иностранных дел, видел там много отличных картин, которые впоследствии, говорили, наследниками развезены по разным вотчинам, и этого прекрасного собрания лишился Петербург.

Августа 11. Был в Михайловском замке, видел прекрасные плафоны, обшитые мрамором стены и цельные колонны, испещренные золотом и лепной работой потолки, преискусные печки, премножество из белого мрамора статуй, изящные вазы и камни; но все сие приходило в отделку, и от многочисленных мастеров кругом стук и шум раздавался.

* Щукинский сборник, стр. 429—430.

Арзамас. Роспись в храме.
Фото автора.

Августа 29. Был в Эрмитаже, где видел множество оригинальных прекрасных картин славных древних мастеров и Рафаилову ложу, шкапы, наполненные драгоценными царскими сокровищами, серебром, золотом и бриллиантами, также золотой павлин с часами, висящий сад с морскими птицами, вазы, статуи, камеи и прочие украшения, которых здесь и описать невозможно, и наконец, побывавши в придворном театре, возвратился назад.

Сентября 2. Был на Шпалерной мануфактурной фабрике, видел, как ткут из разных шерстей ковры и исторические картины, смотрел копии из Эрмитажа, с которых ткут мастера, и некоторые эстампы, разные перспективы и колонны, императорские золоченые бюсты, в рост на коне государя, и разные токарные инструменты. Учитель мой Акимов был тут директором, и я часто посылан был туда по надобностям.

Ноября 8. Происходило в Михайловском замке освящение церкви, но я за слабостью здоровья быть не мог, во время же поставления образов видел церковь подробно: иконостас сделан из разного мрамора, колонны у иконостаса из камня коричневого цвета; резьба вся бронзовая, на жар золоченая, царские врата кованые, серебряные, образа местные, северные

двери, и на горном месте Вечеря Тайная превосходной работы Г. Акимова, хоругви богатые, вверху Слава маст. Скотия, на хорах прекрасные канделябры, бронзовые балясы на полимен золоченые, под хорами столбы из дикого камня с бронзою. Против дворца старинный монумент — на коне Петр I, на пьедестале военные барельефы. Ворота у дворца из дикого камня с бронзовым украшением, а во фризе на карнизе бронзовые слова: «дому твоему подобает святыня» и проч.

1801 г. Января 29. [Описывая посещение Зимнего дворца, А. В. Ступин писал] ... жалко было оставить прекрасное такое зрелище... я долго еще наслаждался таким богатым и необычайным собранием, где были картины разных иностранных мастеров и Рафаилова ложа, а в театре декорация знаменитого Гонзаги...

Февраля 1-го. Был в галерее графа Строганова, рассматривал все картины славных мастеров — Рафаила, Пуссена и проч. Превосходные большие пейзажи, богатую библиотеку, бронзовые и мраморные статуи, изящные канделябры, морские превосходные раковины и разные великолепные вазы...

Февраля 3-го видел картинную галерею князя Белосельского, где между прочим смотрел огромную картину Александра Македонского, писанную будто Карачием; оригинальная и заплачена 30 т. р., которая весьма меня пленила; я видел множество разных редкостей, как и в проч. галереях эстампы, минералы и богатую библиотеку.

Февраля 22. Рассматривал галерею графа Исупова, в которой, по рассказу других, до 500 картин, в том числе много копий, одна оригинальная Пуссена, несколько произведений Рубенса и Ванديка; но в последнюю французскую революцию куплено на 30 т. р. очень выгодно 10 картин, в том числе есть и Рафаила; однако пред всеми предпочитали графа Строганова галерею, в которой совсем нет копий. Видел огромную библиотеку, статуи и проч. редкие украшения, в саду написанную перспективу на соседней стене славным придворным мастером Гонзагой, и будто заплачено 20 т. р. асс.—так натурально, что я ошибся и думал издали, что это естественное строение, должен был увериться и рассмотреть вблизи, тогда уже вышел из заблуждения.

Маия 5. Был на Царском Лугу, где было открытие Суворова монумента.

Июля 22. Ходил в Петергоф пешком. Здесь видел разные фонтаны, вытекающие из бронзовой статуи Нептуна, и цветники... Потом, будучи в нижнем саду, видел великолепные каскады о 7 ступенях с разными овальными выметами, и кругом главного каскада около 30 статуй, из которых во множестве изливалась вода, и весьма часто они по сторонам большого канала, в 7 рядов и по 10 в линию, из разных статуй из роту выбегала вода. В середине внизу большой фонтан Сампсон раздирает льву челюсти, из которых бьет вода, говорят, будто на 24 сажени равняясь с верхним дворцом, а по сторонам его два фонтана очень же высокие, окруженные мелкими.

3. РЕКОМЕНДАЦИЯ ГРАФА СТРОГАНОВА К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ БЕКЛЕМИШЕВУ*

Милостивый Государь Александр Андреевич. Вследствие отношения, сделанного ко мне вашим высокопревосходительством касательно прошения, поданного на высочайшее имя Александром Ступиным, я от Академии Художеств к сведению получил следующее: Мещанин Александр Ступин, живучи у г. адъюнкт-ректора Акимова, имеет позволение с 26 марта 1800 года ходить в классы императорской Академии Художеств для приобретения вящего познания в живописи, которой он обучался прежде в городе Арзамасе. Мая 4-го числа прошедшего 1801 года удостоен он был на третнем экзамене за рисунок с натуры к получению второй серебряной медали и по засвидетельствованию как вышеупомянутого г-на адъюнкт-ректора Акимова, так и прочих господ профессоров Академии, подает он, Ступин, надежду к большим успехам в живописном искусстве.

Присоединяя к сему об отличном его, Ступина, поведении засвидетельствование, и что он, будучи в женатом состоянии, столь ревностно стремится преуспеть в похвальном и заслуживающем внимания искусстве, достоин получить сию просимую им высочайшую его императорского величества милость, почему прошу покорнейше приложить за него с вашей стороны благосклонное предстательство ваше.

Имею честь быть с истинным и совершенным почтением вашего высокопревосходительства

покорный слуга

Граф Александр Строганов

№ 11 Генваря 21 дня
1802 г.

4. ИМЯННОЙ УКАЗ**

УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

Рассмотрев всеподданнейшее прошение арзамасского мещанина Александра Ступина, просившего об освобождении его от платежа по сему званию податей, для убедительнейшего обучения живописи в Академии Художеств, и находя, что по засвидетельствованию оной Академии главного директора и членов, сей проситель, начав добровольно обучаться живописному искусству, в искусстве сем оказал уже в течение краткого времени похвальные успехи, получил на экзамене в знак отличия серебряную медаль и, сопровождая труды свои в учении похвальным поведением, подает несомненную надежду к вящим успехам, почему в поощрение такового похвального его рвения, и, дабы, по мере предвиденных в нем талантов, дать способ ему быть в звании художников полезным. Повелением из податного оклада по настоящему состоянию его с семейством исключить, и дав

* Щукинский сборник, стр. 430—431.

** Указ по 1-му департаменту, № 7612, от 9 апреля 1802 г.

сим ему полную возможность на обучение свободным художествам, по мере оказываемых успехов, предоставить право и на преимущества, обучающимся в Академии Художеств приобретаемые.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако: *Александр*.

С. Петербург
Апреля 1-го дня
1802-го года

САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ТРЕХ ЗНАТНЕЙШИХ ХУДОЖЕСТВ *

сим засвидетельствованием господина художника Александра Ступина, обучавшегося в Академии с тысяща семьсот девяносто девятого года на своем иждивении в живописном историческом художестве за его хорошие успехи и за особливо признанное в нем добронравие, честное и похвальное поведение, общим собранием согласием и по высочайшему его императорского величества указу * удостоивает пользоваться с потомками в вечные роды, тем правом и преимуществами, которые от всемиловитивейшей монархини в привилегии Академической таковым пожалованы.

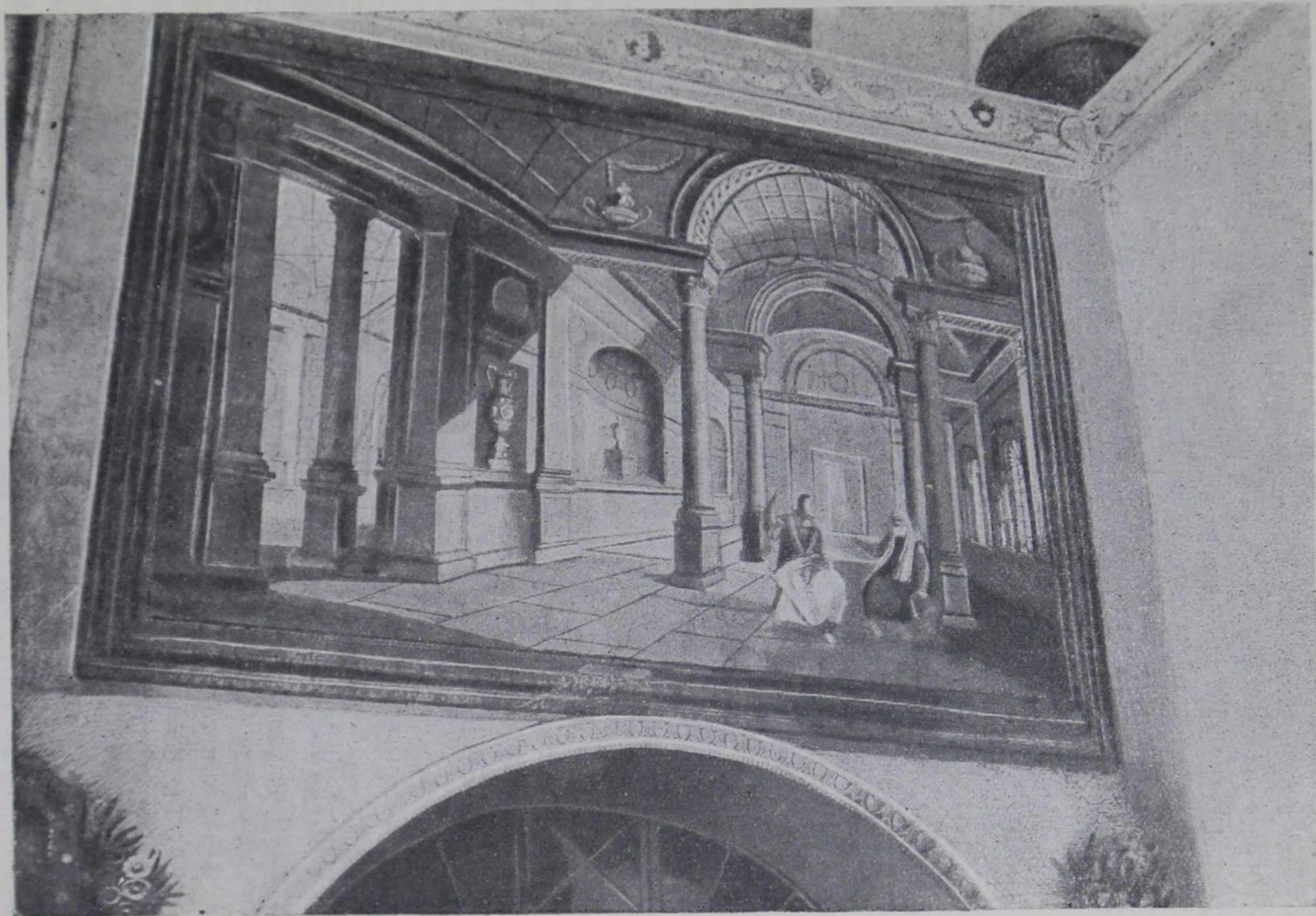
Дано в Санктпетербурге, за подписями Президента Академии, с приложением большой ее печати апреля 12 дня, в лето от рождества Христова тысяща восемьсот второе.

5. ИЗ ПИСЬМА Г. СВЕШНИКОВУ В РИГУ **

«В великую среду прислан был указ в Академию. Я, узнавши по сенату, тотчас явился к г. Лабзину, спрашивая его о получении оногo и прося окончанием дела обрадовать меня в такой знаменитый праздник, на что он охотно согласился, приказал приготовить к первому дню пасхи все для меня нужное, а как я пришел к нему после обедни, то он приказал мне надеть мундир и идти к графу, где я, дождавшись его, представлен был его сиятельству, который тотчас мне подписал аттестат 1-й степени, каковой из лучших дается воспитанникам, с прибавлением еще того, что я учился на своем содержании и жалуюсь по именному его императорского величества указу. Граф приказал г. Лабзину прочесть вслух мой аттестат при случившихся тогда множестве гг. генералов и после подает сей милостивый и почтенный старец одной рукой шпагу, а другой аттестат. Я, принимая с чувством несказанной робости, весь исполнен живой благодарности. Граф отечески меня целует и спрашивает, доволен ли я Академией. А я ответствовал, указывая на сердце и небо, что чувств моих язык мой не в силах выразить, и один бог свидетель моей признательности. Граф был доволен ответом и вторично целовал меня и, обращая всех на меня внимание, потом пришедшему сыну рекомендовал меня.

* Щукинский сборник, стр. 431.

** Там же, стр. 431—432.

Арзамас. Роспись Духовской церкви. Работа школы А. В. Ступина.

Я не буду тебе описывать и того, сколь для меня поразительна была сцena—вы можете представить, что человек должен был чувствовать в подобных сему обстоятельствах. Много было и еще говорено, но я довершу тем, что я, будучи в таком знаменательном обществе, разговелся от стола его сиятельства. Г. Лабзин же, особенный мой благодетель, или паче отец, во все действие сие не спускал почти глаз с меня, черпал все мои поступки, поправлял меня в ошибках, а что мне удавалось сделать удачно, с умиленностью смотря на меня любовался.

6. ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ*

ГОСПОДИНУ АКАДЕМИКУ СТУПИНУ

Общество поощрения художеств, видя из рисунков, произведенных учениками заведенной и управляемой вами в Арзамасе школы художеств, что труды ваши, имеющие целью пользу общую, совершенно оправдываются успехами учеников ваших, положило подарить вам собрание литографических рисунков, изданных от общества, состоящее из образцов для начинающих, этюдов с картины Рафаэля Преображение и проч.

Препровождая вследствие сего означенные литографические рисунки, нам приятно известить вас, что общество, отдавая полную справедливость вашему попечению об усовершенствовании заведения вашего, желает знать и о тех вышедших и ныне находящихся в школе вашей учениках, которые обратили на себя внимание императорской Академии Художеств, дабы иметь их в виду в случае, если бы они имели нужду в покровительстве общества; равным образом вменяет себе в приятную обязанность оказывать и вам все те пособия, которые, независимо от настоящих возможностей Академии, могут быть для вас необходимы.

По поручению Комитета общества член и казначей *Петр Кикин*.

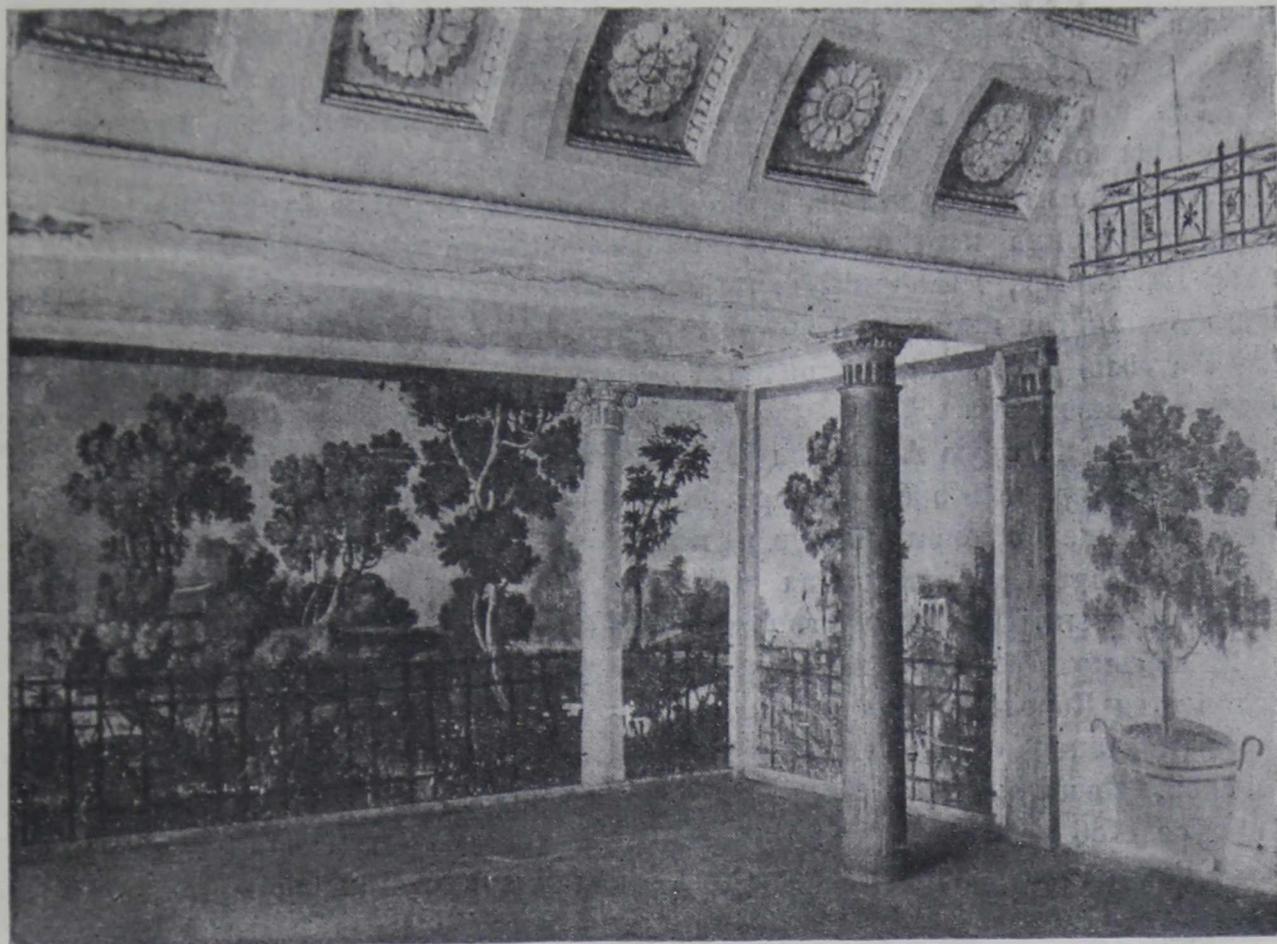
Член и секретарь *Василий Григорович*.

Марта 4-го дня 1825-го года.

7. К ИСТОРИИ АРЗАМАССКОЙ СТУПИНСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ

На выписке узаконений о производстве торговли в лавках в праздничные дни, резолюция от Его Преосвященства Иеремии, Епископа Нижегородского и Арзамасского и Кавалера 21 Июля 1853 года состоялась таковая: «При бытности моей в Арзамасе усмотрено, что при Городском Соборе расположилась кукольная комедия, не знающая ни времени, ни приличия благонаравием требуемого детским и девичьим. Кроме сего, при школе Академика Ступина, против Св. Олтаря Храма Пресвятыя Троицы безстудная на стенах школы изображения (о внутреннем не упоминаю потому, что внушение с моей стороны сделано в 1851 году и теперь же я не был внутри) доселе остаются до всеобщего воззрения проходящих в полной откровенности стыдении естественном, долгом почитаю во 1-х сего Академика Сту-

* Щукинский сборник, стр. 439—440.

Арзамас. Роспись дома Жевакина.
 Фото Д. В. Прокопьева.

пина уволить от звания церковного старосты того храма, против Св. Олтаря коего не утратился он прямо держать бесстыдные, обнаженные фигуры языческие, несмотря на мои пастырския изъяснения и ему самому и Градоначальнику, Градской Главе и Градскому Благочинному в 1851 году данные, и во 2-х, заготовить по сему предмету отношение к Г. Начальнику Губернии о прекращении явно и упорно подаемого девидам и иным соблазна. В Епаршеский отчет сие.

Из Консистерии сообщено: Кн. Урусову в Июля 1853 г. 20-го Октября в Арзамасское полицейское управление.

Сообщ. И. И. Вишнеvский

8. ИЗ ПИСЬМА ОТ 2/II 1926 г. А. Г. МИРОНОВА к П. Е. КОРНИЛОВУ.

«Помню, дело было осенью, когда в одно воскресенье на Сухаревку, в палатку Никитина* были выложены старинные книги в хороших видах и почти все в кожаных переплетах, большинство с подписям: «Академик А. Ступин», или «Из книг Александра Ступина», просто «А. А. Ступин», т. е. «Академик Александр Ступин» и нек. др. Содержание библиотеки

* См. А. Г. Миронов. Букинист Константин Захарович Никитин, М., 1925.

было настолько разнообразно, что можно было подумать, что она принадлежала какому-нибудь графу или князю... В это воскресенье около его палатки перебивала почти вся в то время московская книжная знать.

Таким образом в первое воскресенье чуть ли не половина купленного была распродана.

Не знаю кто, но, думаю, второй владелец этих книг буквально каждую надпись Ступина перечеркнул и поставил свои инициалы и №№ (Д. В. П.). №№ на книгах, может быть, помогут Вам судить о размерах библиотеки. На моих книгах имеются и 664 и 1370».

На долю моего корреспондента из ступинской библиотеки попали следующие книги:

1) Речь, которую Академия Художеств при своей инавгурации Ея Величеству Екатерине второй императрице и Самодержице Всероссийской всемиловитвейшей основательнице и покровительнице всеподданнейшее приносит благодарение, говоренная той же Академии конференц-секретарем А. Салтыковым. При Императорской Академии Наук 1765 года.

2) Письмо Дон Антонио Рафаела Менгса, первого живописца двора Его Величества Короля Испанского к Дон Антонио Понзу, переведенное с испанского (писанного самим художником) на итальянской, а с итальянского на русской. Печатано при Императорском Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе 1786 года.

3) Речи говоренныя кавалером Рейнолдсом в Английской Королевской Академии Художеств в Лондоне. С английского переведены Канцелярии Советником Иваном Татищевым. В Санктпетербурге. Печатано в Типографии Горного Училища 1790 года.

4) Краткое руководство к истории свободных художеств. В пользу воспитанников Императорской Академии Художеств. В Санктпетербурге. Печатано в Типографии Корпуса Чужестранных Единоверцов 1794 года.

5) Краткое историческое обозрение скульптуры и живописи с полным показанием сильного влияния анатомии в сии два свободныя художества. Объясненное доказательствами извлеченными из преданий искусства и из самой опытности, по существующим творениям славнейших художников протекших веков и наших времен. Сочинение Коллежского Советника, Государственной Медицинской Коллегии и Санктпетербургского Вольного Экономического Общества члена Ивана Виена. Изданное в пользу питомцев С-Петербургской Академии Художеств. В Санктпетербурге. В Типографии Государственной Медицинской Коллегии. 1803 года.

9. К «ЗАПИСКАМ» 1847 г. А. В. СТУПИНА ПРИЛОЖЕН СЛЕДУЮЩИЙ
КАТАЛОГ ЕГО СОБРАНИЯ: *

«Какие находятся оригинальныя картины в галлерее Академика Ступина, доставшияся по закладу в 1100 р. ассигн. из Галлерей собранных в чужих краях славным нашим архитектором Баженовым и по небрежению наследников неизвестных мастеров.

* Щукинский сборник. Выпуск третий. М., 1904 г., стр. 478—482.

	Аршины вершки	Аршины вершки
1. Два голубка	13 ¹ / ₂	10 ¹ / ₂
2. Кухня с разной дичью	14	11 ¹ / ₂
3. Портрет графа Шувалова мастера Левитского	18	14
4. Пилигрим с детьми немецкой школы	1 ар. 1 в.	13
5. Вирсавил в саду, в итальянском вку- се, прекрасная картина	15	12 ¹ / ₂
6. Цилидония с отцом в темнице в италь- янском вкусе, весьма хорошая	1,15	1,9 ¹ / ₂ *
7. Каин убивает Авеля, в древнем виде тоже хорошая	2,6	1,8
8. Распятие Господне в древнем виде	3,2	2,8
9. Битва центавров с липифами, древ- няя же хорошего соч. и рисунка	3	1,15
10. Лот с дочерьми французской школы очень хорошая	1,7	1,3
11. Изображение художеств в виде жен- щины франц. школы	2,1	1,6
12. Астрономия с разными атрибутами одного мастера вроде Бушера		Т о ж е
13. Диана на охоте с любовником той же школы	2,12	2,2
Куплены у Баженовых		
14. Продиала с головой Предтечи на блю- де в древнем вкусе	14 в.	8 в.
15. Мальчики, изображающие живопись франц. школы во вкусе Карла Ванло	13 ¹ / ₂	15
16. Рождество Христово франц. школы мастера Сублера	14	10
17. Поклонение волхвов той же школы и мастера куплена за 100 р. асс.		Т о ж е
18. Семирамида с отрубленной головой мужа мастера Лазарини франц. шко- лы куплена за 200 р. у Баженова наследника хороша картина	2,10	1,15
19. Мучение св. Севастиана полагают знатоки Луки Шердана куплена у Бажен.	1,14	1,6
20. Несение креста грудная Тициана из Галереи купца Злобина	11 ¹ / ₂	10
21. Мучение апостола Варфоломея из 5 фигур в древнем вкусе весьма хоро- шего сочинения и рисунка. Осталась в залоге	1,12	1,6

* А Семирамида, по словам наследника Г. Баженова, куплена отцом его в чужих краях за 400 р. ассигнациями.

* Повидимому, с нее сохранилась известная нам фотография в собрании А. О. Карелина. — П. К.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ КАРТИНЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПОРТРЕТЫ РУССКИХ МАСТЕРОВ

	Аршины вершки	Аршины вершки
1. Портрет мой с натуры профессора Егорова в мантии	11 ¹ / ₂	10
2. Портрет с самого г. Егорова писан им в зеркало	14	11 ¹ / ₂
3. Портрет в рост с генерала Корсакова его же Егорова с натуры	3 ар.	1 а. 11
4. Иоани Предтеча с руками тоже Егорова	11	8
5. Далила и Сампсон программа тоже Егорова	1,8	1,3
6. Голова с рукой Василия Великого Г. ректора Шебуева	15	13
7. Портрет с меня с натуры советника Варника	11 ¹ / ₂	10
8. Портрет Лабзина с женой тоже Варника	10	10 ¹ / ₂
9. Иоани Предтеча поясной тоже	1,3	15
10. Старик с книгой с натуры заслуженн. профессора г. Брюло.	15 ¹ / ₂	12 ¹ / ₂
11. Портрет с натуры в costume графа его же Брюло.	Т о ж е	
12. Портрет с меня коленный художника 14 класса бывш. учен. Горбунова	2,15	1,6 ¹ / ₂
13. Географ учит детей акад. программа г. Б.	1,12 ¹ / ₂	1,7 ¹ / ₂
14. Авраам отпускает Агарь с сыном тоже академич. программа.	2,3	1,11 ¹ / ₂
15. Раскаяние Каина, художника 14 клас. Тихонова	3	1,14
16. Чистый эскиз Крещения св. Ольги, сочинения и работы рект. Акимова	1,3	1
17. Также чистый эскиз Иакову приносят ризу окровавленную, проф. Егорова	8	6 ¹ / ₂
18. } Два мои масляные портрета	2,1	1,5
19. } с натуры академика Алексеева		
20. Семейная картина из 3-х фигур с натуры семейных моих, его же Алексеева	14 ¹ / ₂	13
21. Двоих внучат моих тоже с натуры	1,7	14 ¹ / ₂
22. Внука старшая сидящая на ковре	1,4	16 ¹ / ₂
23. Семейная картина с натуры из 4-х фигур	1,8	1,6
24. Другая также из 4-х фигур с натуры	1,8	1,6
25. Чистый эскиз Горациев и Куриации	1,3	1,5
26. Ландшафт полдень академическая программа	1,2	1,6
27. Ландшафт восхождения солнца тоже	1,11	14

	Аршины вершки	Аршины вершки
28.) Виды пруда с окрестностями худож-		
29.) ника Раева бывшего моего ученика .	1,3	14
30.) Древние развалины пейзажи соч.		
31.) бывш. ученика художника Раева . .	1,2	15

Сверх того много есть копиев, купленных в Академии и копированных мною и учениками с разных картин и эстампов, и много из масла писанных эскизов и образцов.

АНТИЧЕСКИЕ СТАТУИ И БЮСТЫ, ПОДАРЕННЫЕ ОТ ЛИЦА АКАДЕМИИ ПОСЛЕ ПОЖАРА ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ Г-НА КОНФ.-СЕКРЕТАРЯ ВАСИЛИЯ ИВ. ГРИГОРОВИЧА

1. Боец или гладиатор Боргеслий
2. Милнагр или Германик
3. Анатомия Гудонова
4. Венера Медицейская
5. Лаокоон отец — колоссальная статуя

ОСТАВШИЕСЯ ПОСЛЕ ПОЖАРА

6. Аполлон подарен графом Кутайсовым, без руки
7. Венера Медицейская без рук
8. Гудоновой Анатомии осталась половина фигуры от пожара.

БЮСТЫ ПОДАРЕНЫ АКАДЕМИЕЙ

1. Александр Великий
2. Антиной грудной
3. Аполлон грудной с драпировкой
4. Юпитер колоссальный
5. Ариадна.

ОСТАВШИЕСЯ БЮСТЫ ПОСЛЕ ПОЖАРА

6. Гений
7. Аполлон голова по плечи
8. Александр Великий
9. Юпитер поменьше другого мастера
10. Гомер
11. Каракала
12. Бахус молодой
13. Л(аокоон) колоссальная статуя
14. Апостол Петр круглая статуя из камня в аршии
15.)
16.) Геркулесовы следы и кисточка
17.)
- 18 следов всех и некоторые остались от пожара.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОСОБИЯ И УЧЕБНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ШКОЛЫ
(на 1847 г.).

Отделение 1-е

1. 561 эстамп исторических портретов и голов	2561 р. 60 к.
2. 244 историческая коллекциями разных мастеров	
23 коллек.	227 " 60 "
3. 321 историческая мифологическая 32 колл.	377 " 55 "

4. 244 ландшафты крупные, мелкие и перспективные 24	432 р. 5 к.
5. 257 арабески орнаменты перспективные и архитектурные	171 » — »
6. 185 новые печатные натуры головы, руки и ноги	723 » — »
7. 204 старые натуры головы, руки, ноги разных сортов	405 » — »
8. 3136 разных книг историч., архитектурных и учебных	1253 » — »

Отделение 2-е

9. 290 рисованные натуры головы, руки и ноги, разных мастер.	315 » — »
10. 264 эскизы исторические рисов. карандашом и пером	260 » — »
11. 302 мной рисованные, сыном, учениками карандаш. и пером	50 » — »

Отделение 3-е

12. 172 эскиза на холсте масляными красками разн. сортов	3145 » — »
13. 52 эскиза и образа, разных мастеров и сортов	700 » — »

Отделение 4-е

14. 52 картины оригинальные русских и иностранных мастеров	2415 » — »
15. 15 Баженовых оригинальных и копии	1000 » — »
16. 141 академических ученических с эст. и картин	4590 » — »

Отделение 5-е

17. 7 фигур античных в рост, разных сортов	700 » — »
18. 16 греческих античных бюстов	400 » — »
19. 12 рук и ног антических и снятых с натуры	60 » — »
20. 6 Петр ап. из камня и барельефы из мрамора и бронзы	65 » — »

Всех предметов 6480. Всей суммы 19 897 р.

Сверх сего картин исторических и разных сортов ученических копий и портретов примерно на продажу — 5103 р. Итого 25 000 р. асс.

В сем числе есть много подаренных, а особливо благодетелями моими: Акимовым, Егоровым, Шебуевым, Ивановым и прочими гг. профессорами и художниками.

КНИГИ РАЗНЫХ СОРТОВ

1. Духовные и богословские	126 экз.	165 томов	407 р. 25 к.
2. Философские и нравственные	154 »	184 »	75 » 75 »
3. Исторических	124 »	525 »	528 » 30 »
4. Разные стихотворения	44 »	56 »	95 » 60 »
5. Ежемесячные периодические соч.	59 »	225 »	293 » 85 »
6. Классических и учебных	45 »	54 »	50 » 15 »
7. Похвальных слов и речей	21 »	21 »	10 » — »
8. Юридические	39 »	42 »	50 » — »
9. Медицинские	22 »	24 »	36 » 50 »

10. Экономические	7 экз.	14 томов	23 р. 50 к.
11. Живописных и архитектурных	18 »	27 »	86 » 60 »
12. Мифологические	6 »	8 »	14 » 50 »
13. Исторических романов	34 »	45 »	45 » 75 »

ТЕАТРАЛЬНЫЕ

14. Трагедии в стихах	10 »	18 »	18 » — »
15. Драмы	— »	7 »	7 » — »
16. Комедии	17 »	19 »	12 » — »
17. Оперы	— »	6 »	6 » — »
18. На разных языках	8 »	11 »	11 » — »
	747 »	1500 »	1771 » 75 »

10. РЕЕСТР УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ, ПРЕПРОВОЖДЕННЫЙ А. В. СТУПИНЫМ
ПРИ РАПОРТЕ ОТ 4 ФЕВРАЛЯ 1825 г. В АКАДЕМИЮ

1-го Отделения

1. Кузьма Макаров	— Господина Горихвостова, отпущен на волю.
2. Никита Шведов	— Г-на Соловцова.
3. Павел Снетков	— Г-на Горихвостова.
4. Павел Калиданов	— Из вольных хлебопашцев.
5. Василий Бельский	— Уволенный из мещан.
6. Михаил Морозов	— Г-на Болотина, отпущен на волю.
7. Иван Соколов	— Княгини Оболенской, отпущен на волю.
8. Афанасий Надеждин	— Г-на Степанова.

2-го Отделения

9. Григорий Мясников	— Г-на Гладкова.
10. Николай Алексеев	— Г-на Колокольцева, отпущен на волю.
11. Александр Сорокин	— Арзамасский мещанин.
12. Епифродит Рамейской	— Г-на Языкова.
13. Иван Каширин	— Г-на Ульянина.
14. Александр Милованов	— Того же Ульянина.
15. Дмитрий Щеглов	— Г-на Павлова.
16. Константин Молчанов	— Г-на Бетлинга.

3-го Отделения

17. Дмитрий Бобров	— Г. Микулиной
18. Петр Миронов	— Г-на Грязовского, отпущен на волю.
19. Иван Кутайсов	— Генерала Котлубидского.
20. Василий Раев	— Г-на Куселева.
21. Аполлон Воскресенский	— Г-на Аргамасова, отпущен на волю.

* Итог дан по подлиннику.

4-го Отделения

22. Лука Лонгинов	— Г-на Караулова.
23. Василий Карасев	— Г-на Арапова.
24. Владимир Щегольков	— Арзамасский мещанин.
25. Николай Стрюков	— Г-на Турченинова.
26. Иван Зайцев	— Г-на Рандева.

11. ИЗ ПИСЬМА А. В. СТУПИНА В ОБЩЕСТВО ПОощРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ
ОТ МАРТА 9 1825 г.

РЕЕСТР УЧЕНИКАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ШКОЛЕ И ВЫПУЩЕННЫМ:

Иван Лебедев — отпущенник. Серебряная медаль от А. Х. Был учителем в г. Арзамасе.

Илья Кудимшой — вольноотпущенник. Был учителем рисования в Нижнем.

Архип Неведомский — вольноотпущенник. Учитель рисования в Горбатове.

Семен Лебедев — отпущенник. Рисовальный учитель в Балахне.

Ефим Поздеев — отпущенник. Рисовальный учитель в Балахне.

Иван Горбунов — отпущенник. Назначена была медаль А. Х. и за портрет с натуры аттестат I степени.

Павел Веденедкий — медаль от А. Х. за портрет с натуры.

Иван Озерский — из мещан. Медаль от А. Х. за портрет с натуры.

Дмитрий Остафьев — вольноотпущенник. Медаль от А. Х.

Александр Соколов — крепостной кн. Енгальчева. Назначена медаль от А. Х. за портрет с натуры.

Иван Попугаев — человек Глазова. Находился у проф. Иванова. Назначена была медаль.

Павел Коссинский — крепостной г. Языкова. Получил одобрение от А. Х.

РЕЕСТР НЫНЕ СОСТОЯЩИМ УЧЕНИКАМ:

Косьма Александров — отпущенник. Серебряная медаль I достоинства за живопись с эстампа и с натуры.

Иван Соколов — отпущенник. Медаль 2-го достоинства от А. Х.

Афанасий Надеждин — крепостной г. Степанова. Получил свидетельство на получение медали, если получит свободу.

Михаил Морозов — отпущенник.

Василий Белшой — отпущенник. Представлен в рисовальные учителя в Макарьев.

Павел Калиданов — вольный хлебопашец. Представлен в рисовальные учителя в г. Горбатов.

Григорий Мясников — крепостной г. Гладкого. Похвала от А. Х. и от О. П. Х.

Николай Алексеев — вольный.

**12. РЕЕСТР УЧЕНИКАМ ШКОЛЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ А. В. СТУПИНЫМ
В АВГУСТЕ 1836 ГОДА:**

С в о б о д н ы е:

1. Михаил Климантов	— Сын Черкасского отставного почтагиона.
2. Петр Евграфов	— Арзамасский мещанин, Нижегородской губ.
3. Дмитрий Курбатов	— Самарский мещанин, Симбирской губ.
4. Иван Зиновьев	— Отпущенник Г. Болтина, Нижегородской губ.
5. Вукол Волков	— Симбирский мещанин.
6. Василий Кононов	} — Оба отпущенники графа Гудовича из Москвы.
7. Иван Жуков	
8. Павел Горностаев	
9. Павел Турченинов	— Нижегородский мещанин.
	— Приказно-служительский сын.

К р е п о с т н ы е:

10. Павел Снетков	— Г. Горихвостова, Нижегородской губ.
11. Петр Воронов	— Г. Хвольнского Городничего.
12. Гаврила Поляков	— Г. Филимонова, Ярославской губ.
13. Тимофей Соколов	— Г. Сабурова, Пензенской губ.
14. Антон Кудрешев	— Г. Карпова, Симбирской губ.
15. Панфил Незнаев	— Г. Полтева, Оренбургской губ.

**13. ВЕДОМОСТЬ УЧЕНИКОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ А. В. СТУПИНЫМ ПРИ
РАПОРТЕ ОТ 7 АВГУСТА 1839 г.**

С в о б о д н ы е:

1-го отделения

1. Павел Рачков	— Нижегородский мещанин.
2. Василий Бовин	— Моршанский мещанин, Тамбовской губ.
3. Вукол Волков	— отпущенный на волю, Симбирской губ.
4. Иван Жуков	— отпущенный на волю, графа Гудовича из Москвы.
5. Павел Турченинов	— Приказно-служительский сын, Нижегородской губ.

2-го отделения:

6. Николай Сачков 2-й	— Нижегородский мещанин.
7. Иван Свешников	— Арзамасский мещанин.
8. Алексей Калинин	— То же.
9. Василий Нащокин	— Вольноотпущенный, Нижегородской губ.
10. Василий Королев	— Нижегородский мещанин.

К р е п о с т н ы е:

3-го отделения:

11. Карп Виноградов	— Г-жи Пановой, Симбирской губ.
12. Панфил Незнаев	— Г-на Полтева, Оренбургской губ.

13. Антон Кудрешев

— Г-на Карпова, Симбирской губ.

14. Михаил Галкин

— Г-жи Яшаровой, Нижегородской губ.

15. Корнила Серов

— Княгини Мустафиной, Нижегородской губ.

Представляя ведомость, А. В. Ступин писал в Академию: «Обязанностью поставляю поддержать и продолжать свое заведение, в чем особенно способствует мне сотрудник мой, назначенный Академией Алексеев, который с 1834-го года занимается преподаванием художественных классов, между тем сам я занимаюсь надзором за нравственностью обучающихся в школе, экономической части, переписной распоряжением и поправкой по подрядным делам своим».

На рапорт Ступина последовало постановление Академии Художеств (от 15—16/ХII, ст. 19), где указывалась благодарность руководителям, «всем же прочим удовольствие совета Академии Художеств с одним общим и важным для школы замечанием, что учащиеся должны обращать более внимания на выполнение верности ансамбля и лепки в рисунке».

14. ИЗ РАПОРТА В АКАДЕМИЮ А. В. СТУПИНА ОТ 31 АВГУСТА 1842 .
РЕЕСТР УЧЕНИКАМ ШКОЛЫ.

С в о б о д н ы е :

1. Николай Рачков 2-й	— Нижегородский мещанин.
2. Иван Свешников	— Арзамасский мещанин.
3. Федор Мелентьев	— Темниковский купецкой сын.
4. Константин Келлер	— Саратовский кантонист.
5. Владимир Шапошников	— Московский купецкой сын.
6. Василий Нацокин	— Вольноотпущенный, Симбирской губ.
7. Михаил Зефилов	— Нижегородский мещанин.
8. Александр Лысковцев	— Арзамасский мещанин.

К р е п о с т н ы е :

9. Михаил Галкин	— Нижегородской губ. Г-на Яшарова.
10. Сосипатер Афанасьев	— Тамбовской губ. Г-на Кошкарёва.

В Императорскую Академию Художеств Академика ее Ступина

РАПОРТ.

Сорок лет протекло как я наслаждался спокойствием под благодетельным покровительством Императорской Академии Художеств, со школой моей; из коей выпущено слишком сто человек учащихся по разным отраслям художеств и по Министерству просвещения. Наконец судьба ко мне ожесточилась, и я испытал всю тяжесть моего лишения. В прошедшем октябре к неопisanному моему огорчению зажжена была Школа моя злонамеренными людьми, завистью ли побужденных, или для расхищения моего имущества, от чего все службы и надворным строениям и годовым

запасам в короткое время превратились в развалины, и к поправкам делался неспособным. Задняя часть Галереи с 5-ю теплыми комнатами также разрушены, а остальная часть без печей к жительству неудобная, почему я с большим семейством, и должен искать пристанища под чужим кровом, и все должен заводить вновь, да к несчастью и заведение мое было не застраховано, а хотя эстампы и картины успели вынести, но многие изорваны, измяты, а мебель переломана, а другое растеряно и расхищено, из 7-ми статуй осталось 2 и у тех руки отломаны, из 15 бюстов осталось 5-ть, что всего убытку составлено до тридцати тысяч рублей. Но хотя с большим трудом, и стеснением своим начали продолжать свои занятия дабы сколько сил моих достанет быть полезным в образовании юношества, лишаясь способу провести Школу мою в прежнее состояние, возлагая всю мою надежду на всемогущее Провидение, о чем хотя с стесненным сердцем, и почел долгом почтеннейше сим донести. Ноября 27-го ч. 1842 года.

Академик Александр Ступин из Арзамаса.

15. РЕЕСТР УЧЕНИКАМ 1845 года.

1. Николай Рачков	— Нижегородский мещанин.	} Отличившиеся во всех отношениях.
2. Иван Свешников	— Арзамасский мещанин.	
3. Андрей Имсен	— подданный прусской службы.	
4. Константин Келлер	— Саратовский колонист.	
5. Александр Лысковцев	— Арзамасский мещанин.	
6. Сергей Дубровин	— дворянский воспитанник.	
7. Александр Дмитриев	— то же.	
8. Василий Нащокин	— вольноотпущенный.	
9. Гаврила Малышев	— которому обещана свобода.	
10. Афанасьев (Сосипатр)	— крепостной.	

Н. Рачков был награжден серебряной медалью 2-го достоинства за портрет девочки. Были удостоены звания неклассных художников Ив. Свешников и Н. Рачков.

16. РАПОРТ 4 СЕНТЯБРЯ 1854 г., *

53-ий год наступил как Школа моя находится под покровительством Имп. Академии Художеств, вследствие чего исполняя предписание оной по долгу и обязанностей моей имею честь представить краткий отчет о ходе и действии Школы моей. С 1802 года по настоящее время в 52 года находилось в ней 150 человек, из коих выбыло 144 человека, из них поступили на службу отечеству по разным отраслям художества: Академиками Алексеев и Раев с аттестатами 1-ой степени, четверо неклассными

* Архив А. Х., д. 117—1854 г.

художниками, 12-ть человек удостоены серебряными медалями 1-ого и 2-го достоинства. 14 человек определены: в Аракчеевский Кадетский Корпус, в Нижегородский дворянский Институт и в разные губернския гимназии, 24 человека в Народные Училища рисовальными учителями, а всех 60 человек; три завели свои школы в городах: Пензе, Козлове и Нижнем-Ломове, двое ныне для приобретения дальнейшего образования находятся в С.-Петербурге, прочие выбыли к г.г. своим и родителям.

**17. В ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ
ОТ ПРОФЕССОРА ЖИВОПИСИ ЕГОРОВА ***

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Иван Горбунов сын Михайлов находясь семь лет в Арзамасской школе прибыл в Императорскую Академию Художеств, где имея счастье пользоваться позволением данным ему в 1809-м году для входа: поступил в гипсовый класс, из коего переведен в натурный 1810-го года в апреле месяце.

Обучаясь в том и другом классе, с весьма хорошими успехами, за что по экзаменам удостоен был 1810-го года декабря 22-го дня за рисунок с натуры, второй серебряной медалью в нынешнее открытие Академии были выставлены его ж занятия три портрета писанные с натуры.

Но как он, Горбунов, находился здесь на собственном иждивении, проживает уже четвертый год, то ныне, и желает отправиться в свою отчизну. Почему всепокорнейше и прошу Императорскую Академию удостоить покровительства, по мере его способностей и успехов, снабдить нужным свидетельством, которой бы доставил Ему выходу, пользоваться свободно знанием им в Академии приобретенном; а с сим вместе и преимуществам, какового будет удостоен. Поелику он, Горбунов, с начала Его пребывания, здесь в Петербурге, находился при мне, во все это время, упражнялся с совершенным прилежанием и отличным рачением к художеству, а к тому и с поведением и примерной нравственностью; то и поставляю себе в обязанность иметь участие в составлении его счастья. А посему сим почтеннейший Совет Императорской Академии, покорнейше прошу удостоить своего уважения приверженность к художеству и Академии, сего молодого человека.

Профессор и Кавалер Алексей Егоров.

18. ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ И. К. ЗАЙЦЕВА 1805—1887 **

В Пензенской губернии Керенского уезда, в селе Архангельском жили были три брата помещики, по фамилии Рандевы; все трое молодые, неже-

* Архив А. Х., 1812 г., д. 79, л. 1.

** «Русская старина», 1887 г., июнь, стр. 663—678. Нами взяты лишь первые две главы, остальные говорят о работе его в Кадетском Корпусе. — П. К.

натые. После смерти матери, они поделили имения на три части, и во владении у них оказалось с лишком 2000 душ. Одному досталось село Архангельское, другому Сосновка, а третьему имение в Костромской губернии, Кинешемского уезда, село Высокое; в каждом имении числилось до 700 душ. У молодых господ дворовая прислуга была довольно многочисленная, состоявшая из разных мастеровых, музыкантов, певчих, живописцев, псарей и т. д.

Я родился в 1805 году, и когда помещики Ранцевы делили наследство — мне было 13 лет. Я хорошо помню, жили мы в селе Архангельском, близ церкви, в одном из флигелей, построенных для старух келейниц. Семья аша была большая: отец, мать и пятеро детей. Отец мой был хороший живописец; он, по фантазиям своих господ, выполнял их приказания: красил полы, комнаты, расписывал потолки, писал портреты, целые иконостасы и даже такие картины, которые не дозволяется смотреть открыто; эти картины были слишком гадки и неприличны. Отец скрывал их в одном чулане, под замком; но для нас, детей, то-то и интересно, что запрещается, и я ухитрялся поглядеть на них и до сих пор еще помню всех этих бахусов, вакханок и силенов.

Грамоте я начал учиться 8 лет у оригинального старика-учителя пения, который с перепою тянул преуморительно: ут, ре, ми, фа, соль, — точно хриплый баран, учеников тузил дланью по головам, а иногда пучки розг пускал в ход. Я учился читать, вероятно, недурно, потому что ни разу не был наказан. Ну, и действительно, как, бывало, начну наизусть: «Аз — ангел, ангельский, архангел, архангельский, буки — бог, божество, богородица, блажен, благословен» и т. д., потом число церковное и цифирное, и как дойду до «Буди благочестив, уповай на бога и люби его всем сердцем», так учитель и по головке погладит. В три года я вызубрил Часовник и Псалтырь почти что наизусть, а потом стал читать Четьи-Минеи и пролог. Бывало, какое торжество, когда слушателей соберется толпа. Я им и Варвара разбойника, и Алексея Божия-человека, и Варвару мученицу, и Савву освященного... А они-то и рты разинут, и ахают, и хвалят. Тоже, бывало, на клиросе, как запоем втроем, с отцом и братом, так при выходе из церкви, все и облепят нас, хвалят и благодарят. Ну, а потом меня отдали к попу учиться писать. Отец Павел был человек молодой, впрочем, у него был уже сын в семинарии. Славный юноша, мы с ним познакомились до того, что он меня стал учить по-латыни и имел ко мне доверие; это видно из того, что однажды секретно, под полою сюртука, вынес он казакскую нагайку и просил меня ее спрятать подальше, потому что о. Павел этой нагайкой слишком больно поучал свою попадью, Анну Петровну. Нагайку я унес и спрятал в чулане, где стояли бахусы и вакханки... *

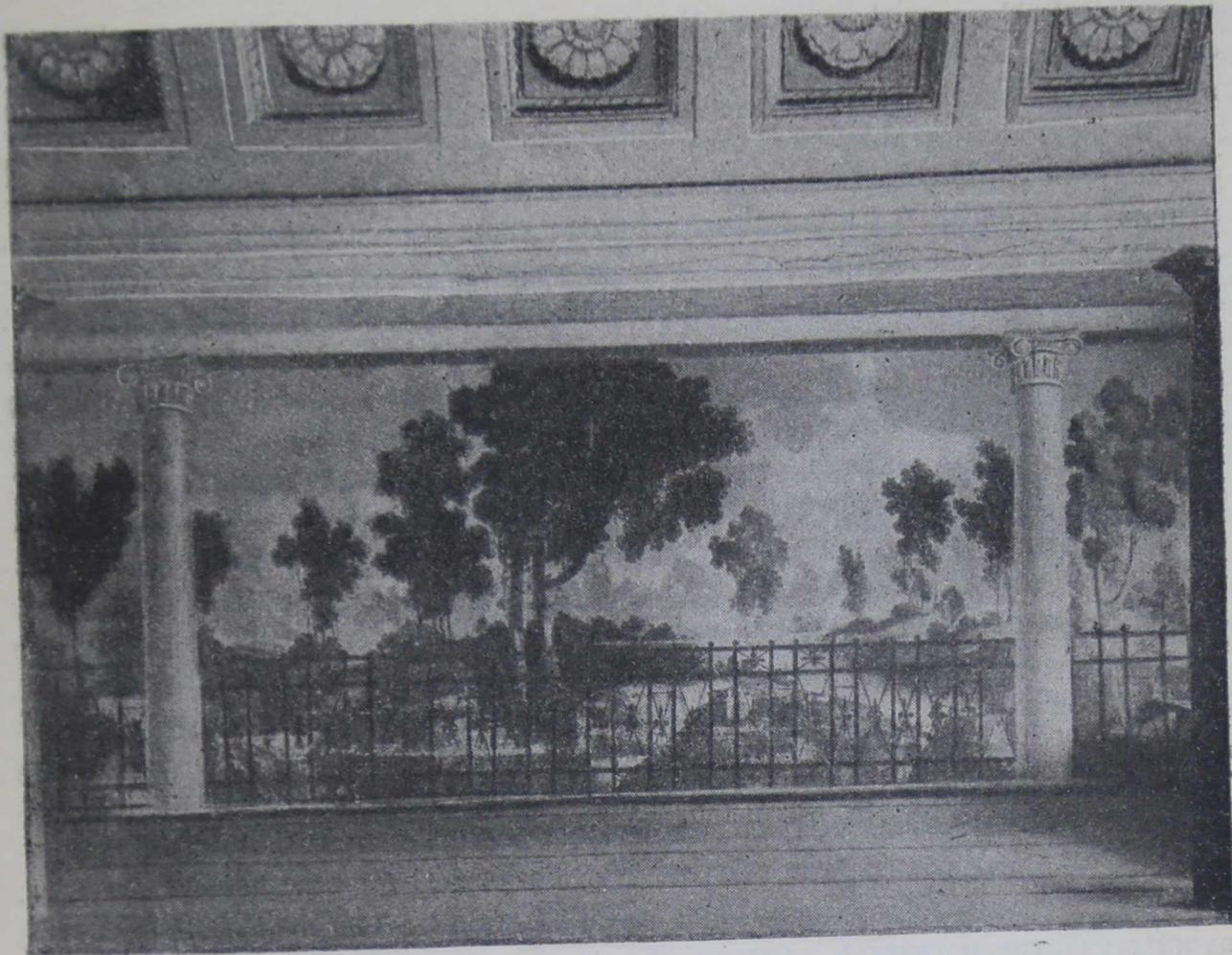
Приходил 1818 год, когда мне было, как я уже сказал 13 лет, и в декабре месяце все наше семейство, с прибавкою к нему бабушки и двух моих кузин-сирот, должны были отправиться в дальний путь за 700 верст в Костромскую губернию, в село Высоково, на жительство к своему на-

* Далее пропуск абзаца, посвященного воспоминанию о комете. — П. К.

стоящему владельцу, которому досталось это село по разделу. Ехали мы в двух кибитках, на долгих, недели три, дневали и ночевали по деревням. Одною ночью пришлось проезжать нам Саровским лесом, где в то время водились разбойники: для их острастки, мой отец все делал выстрелы из ружья, благодаря чему мы Саровскую пустынь миновали благополучно. Проезжая через город Арзамас, мы там ночевали и отец мой рассказывал, что он тут учился живописи. Утром он навел справки, существует ли там школа рисования, и оказалось, что школа есть и отличная — академика Ступина, в которую, впоследствии и я поступил. Но не буду забегать вперед и поведу рассказ по порядку.

В сельцо Высоково мы дотащились благополучно. На новом месте я начал учиться рисовать, под руководством отца. Родитель мой занимался в домово́й конторе письмоводством, счетами и расчетами и назывался земским; управлял же вотчиною бурмистр, мужичок-бородач. Мне назначено было с одним из дворовых людей присматривать за господским домом и даже там ночевать. В этом доме находилась библиотека — довольно большое собрание книг. Я так пристрастился к чтению, что целые дни и ночи готов был читать. Боже мой, сколько я перечитал, одних путешествий несколько томов: и Крузенштерна, и Лепехина, и Кука, — не могу вспомнить даже всех фамилий; также историческими и романтическими книгами зачитывался, а в особенности я любил сценические произведения, — это было моим наслаждением. Шиллер в переводе Шишкова, плодовитый Коцебу — все были прочитаны, и даже смешно сказать, — и сам решился сочинять комедии. Разумеется, все это маранье после выкинуто в сорную яму, а все-таки любовь к книгам принесла мне огромную пользу; они меня научили всему тому, чему другие учатся в школах и заведениях от учителей. Я даже приобрел самоучитель немецкого и французского языка, пытался учиться. Немецкий язык мне не нравился, в особенности форма букв, а французский, напротив, я довольно изучил и мог читать. Но это не проходило мне даром: отец частенько тузил меня за то, что я трачу время на пустяки, на чтение каких-то глупых книг, а рисованием, как следует, не занимаюсь. Я прожил в Высокове пять лет; мне было уже 18 лет, и я порядочно рисовал. Там же я полюбил ружейную охоту, а еще больше рыбную ловлю.

Помещик в эти пять лет разновременно приезжал от братьев в свою вотчину и проживал иногда по году. Он служил недолго в военной службе, получил чин поручика и вышел в отставку. Другие два брата его тоже были холостяки и только младший из них потом женился, а старший и средний продолжали, попрежнему, вести холостую жизнь, — да и на что, к чему им было жениться? Они как сыр в масле катались; у них было по 700 душ крестьян, а сверх того были и женские души, следовательно, и жен они имели, сколько хотели. Правда, они не заводили гаремов таких, как у магометан, но тем не менее, в каждом семействе, крестьянина и дворового, где имеется дочь, каждая из них неизбежно делалась жертвою своего султана-помещика, — этому помогала ревизская сказка. Помещик ложится в постель, берет в руки ревизскую сказку, читает и видит, напри-

Арзамас. Роспись дома Жевакина.

Фото Д. В. Прокопьева.

мер, что у Федора значится дочь 16 или 17 лет; зовет лакея и приказывает ему идти к тому Федору и привести его дочь Акульку, — ну, вот тебе и жена, а на завтра другая Федорка и т. д. А чем же еще помещик занимался? Занимался он еще осушением бутылок с мадерой, это был его любимый напиток. Ежемесячно из Костромы ему привозили целые ящики этой мадеры. Бывало, вечером, ложится в постель, у кровати стоит столик, а на столе бутылка мадеры, — а вот он, как говорится, не через час по ложке, а через несколько минут пропускал по глотку прямо из горлышка бутылки. Коли скучно ему, а читать лень или не может, посылает за мною; он уже знал, что я читаю недурно, и бывало, по целым ночам, читаю ему — и все более путешествия в полярные страны. Но я не буду слишком распространяться о жизни наших помещиков; вообще она была для нравственного люда наказанием Божиим, бичом варварского деспотизма. Я не могу равнодушно говорить и теперь, через семьдесят почти лет, о тех отвратительных картинах, какие и мне и другим случалось видеть...*

* Пропущено несколько строк, говорящих о мщении крепостных своим помещикам. — Ш. К.

... В 1823 году Александр Иванович Рандев, наш благодетель, изволил отправиться к своему братцу Роману Ивановичу в Пензенскую губернию, и мы до 1824 года жили на свободе, как говорится, припеваючи.

В мае месяце того же года бурмистр получил приказание отправить в Пензу к барину четверку лошадей с коляской и при них кучера, лакея и меня грешного. По приезде в Сосновку жизнь моя пошла ни то, ни се; на что меня востребовали туда — я не знал; по вечерам читал у моего благодетеля в спальне, днем же он иногда заставлял меня рисовать с эстампов, а больше я шатался. Вдруг, в октябре месяце, для меня неожиданный сюрприз. Приказ: отправлять лошадей и коляску обратно в Кострому, а с ними управляющего Алексеевцева, довести меня до Арзамаса и там сдать академику Ступину в ученье живописи. Господи, я не верил своему счастью. Оказалось, что мой отец неоднократно на коленях просил и умолял барина об этом, и наконец-то, исполнилось желание наше.

И вот, я в Арзамасе, в школе Ступина. Управляющий сдал меня с рук на руки, сделав с учителем какое-то условие. С этого дня началась моя новая жизнь — и какая жизнь, не та отвратительная, подлая и грязная, нет, совсем не та. Я жил теперь между такими людьми, какими я их воображал себе, читая романы, а тут на самом деле, встретил их лицом к лицу. Впрочем, и не мудрено: я попал в среду своих сверстников, таких же соучеников. Каждый из них ко мне относился радушно и приветливо; наперерыв старались ознакомить меня со всеми порядками и правилами школы. Они были не дети, не школьники, каждый знал по себе, что новичку нужны участие и советы.

Всех учеников было около 20 человек, не моложе меня каждый из них; между ними были и не ученики, а, так сказать, помощники учителя. Двое из них получали плату за то, что исполняли заказные работы: иконостасы, картин и проч., им было лет по 30, по 40. Сам г. Ступин был человек отличный, добрый, деликатный и гуманный, знаток своего дела и семьянин: у него была жена, сын и дочь. Я сказал, что г. Ступин был человек гуманный, а потому и помощники его и старшие ученики были такие же. Не могу назвать ни одного случая, чтоб кто-нибудь из них когда-нибудь позволил себе не только щипнуть или ударить кого из учеников, но даже выбранить кого неприлично, а уж о телесном наказании и говорить нечего — и не слышано.

Дом Ступина был обширный: в двух залах размещались ученики, в третьей помощники. Была также особо построенная большая галерея для статуй, античных голов и массы картин. Все эти пособия то приобретались покупкою в Петербурге, то присылались академиею в подарок Ступину. У него было бесчисленное множество эстампов, академических рисунков и этюдов, — все это для учащихся служило богатым подспорьем, рисовали с оригиналов, со статуй и даже с натуры, то есть нанимались и натурщики. Ступин брал заказы на целые иконостасы и отправлял ежегодно работы на Нижегородскую, тогда еще Макарьевскую ярмарку. Занятия наши шли систематично и успешно. Лучшие работы учеников посылались, раз в год,

в Академию Художеств, на экзамен, и нередко случалось, что Академия удостоивала и высылала ученикам в награду серебряные медали, разумеется, только ученикам свободного звания, а не крепостным, хотя крепостных-то и было наибольшее число; но в школе различия между теми и другими никакого не было — жили, как говорится, душа в душу, один за другого готовы были умереть, а во главе всех стоял сын г. Ступина, Рафаил Александрович. Ему мы многим обязаны.

Эх, славное было время, незабвенное, беззаботное и веселое житье между друзей-товарищей! приятно и полезно проводили мы часы в праздничные дни, свободные от серьезных занятий. У г. Ступина была большая библиотека, и мы вполне были ее хозяевами, один из нас был и библиотекарем, и мы, так сказать, зачитывались до опьянения. Страсть к чтению и декламации была возбуждена в нас примером Рафаила Александровича. Он воспитывался в Академии Художеств; кончивши курс и получивши несколько наград за успехи, возвратился к отцу и был его помощником в школе. Он был человек образованный, развитой; в Академии за его время бывали домашние спектакли, в которых он участвовал. Дирижировать академической труппой приглашали известного тогда трагика Яковлева из императорского театра, — и ему-то молодой Ступин был обязан тем искусством, с которым он впоследствии так превосходно и увлекательно читал как сценические, так и лирические произведения поэтов. От него-то и мы, так сказать, заразились поэзией до того, что я, например, переписал кучу баллад и разных стихотворений Жуковского и Пушкина; кроме того, знал наизусть, с начала до конца, «Двенадцать спящих дев», «Светлану», «Варвика», «Певца во стане русских воинов» Жуковского, оду «Бог» «Киргизскую царевну» Державина, «Кавказский пленник», «Цыган» и «Бахчисарайский фонтан» — Пушкина, затем мог читать на память много сценических произведений, как то: Озерова «Эдип в Афинах» и «Дмитрия Донского» и уже не помню чьи комедии: «Своя семья» и «Слуга двух господ».

Каждый год, на святках, у нас непременно устраивался театр — и какой театр! Заезжие труппы перед ним пасовали; арзамасская публика была от него в восторге. Роли девиц, вообще женские роли, исполнялись нами же и до того искусно, что однажды приехавши в отпуск два офицера, один Бутурлин, другой не упомяну, забрались было за кулисы, с целью-де поблагодарить Лизу за искусную игру, ну и, конечно, познакомиться с хорошенькой девушкой: но когда эта Лиза, снявши платье, представилась им в мужском дезабилье, то они растерялись и с удивлением спросили: как, разве это вы были Лизою? и — вышла закулисная комедия, сколько было смеху! С одной заезжей труппой попал к нам в Арзамас известный в то время московский актер Ширяев. Он, говорили, поссорился с директором театров за то, что любил выпить; ему, вероятно, отказали, и он пристал к странствующей труппе. Мы затащили его к себе на домашний спектакль, и вот он в антрактах читал некоторые сцены из Озерова — и как читал! Я до сих пор не могу вспомнить его без восхищения. Его деклама-

ция, мимика, вся фигура поражали не только нас, молодежь, незнакомых с столичными театрами, но и тех из публики, которые в них бывали и видали все лучшее. По отъезде труппы Ширяев остался в Арзамасе, жил в номере гостиницы и продолжал декламировать свои монологи всем проходящим в трактир, кто его попотчует водкой или напоит чаем. Несколько раз и мы заходили, и он всегда начинал любимый свой монолог из Эдипа: «Ты зри мою главу, лишенную волос; грусть изсушила их и ветер их разнес», и пр. Впоследствии он куда-то скрылся, вероятно, уехал в какую-нибудь другую труппу. Да, славное было наше житье в дорогой школе, которая не только с удовольствием, но как святыня вспоминается. В день ангела нашего учителя соберутся, бывало, к нему в гости: карты тогда не были в ходу, чем же заняться? Вот и пригласят нас. «Ну-ка ребятушки, — скажет, по обыкновению, наш Александр Васильевич, — потешьте нас и почтенных гостей». (Он имел особый костромской выговор на о). Ну вот мы составим, бывало, хор песенников и — пошла писать! Сначала: «Чарочки по столику похаживают», потом «Выйду ль я на реченьку», «Лишь только занялась заря», а потом усядемся на полу в два ряда и грянем: «Вниз по матушке по Волге» и пр. После пения отправляемся в столовую: по рюмке вина, ужин и пиво в честь именинника, ура ему и... на боковую!

Скажу еще несколько слов о Клавдии Александровне, дочери нашего дорогого учителя. Она была милая, добрая и приветливая особа, хорошенькая брюнетка. Признаться, мы почти все были в нее влюблены; один несчастный наш товарищ Гриша Мясников, первый ученик по успехам, влюбился до того, что, впоследствии, не видя средства к свободе, а потому и возможности жениться на той, которая и сама была к нему равнодушна, в античной галерее застрелился из пистолета с отчаяния. Я тоже написал ей несколько стихов, но это так, из самолюбия, похвастаться, вот-де — и я стихотворец! После, когда уж меня не было в Арзамасе, она вышла замуж тоже за нашего товарища Алексеева, который и сделался хозяином школы, но потом уехал в Петербург и там исполнял работы в Исаакиевском соборе.

* * *

Три незабвенных в моей жизни года не прошли, а пролетели в арзамасской школе, и я снова должен был возвратиться к той неприглядной и постылой жизни, какую проводил прежде. Пришло известие, что помещик наш Ранцев помер, и учитель мой Ступин предложил мне ехать домой, потому что за меня за все время ни гроша не заплатили. Наняв пару лошадей за 18 рублей и получив на дорогу от учителя 10 рублей, я отправился в Кострому и на пятый день, 13-го декабря 1827 года, приехал в Высоково. Не буду распространяться, как меня встретили родные и знакомые, разумеется, с восторгом и радушием. Я чувствовал, что все на меня смотрят с особенным вниманием и любопытством, и это, конечно, щекотало мое самолюбие. Вяло, впрочем, целый год я маячил время. Изредка рисовал портреты, которые мне заказывали соседние помещики, по целым неделям пропадал на охоте, с ружьем и собакой, удил рыбу в

даже ухаживал за прекрасным полом — что греха таить. Но всему бывает конец, и вот разнеслась грозная весть, что наследники Ранцева костромское имение продали какому-то петербургскому барину г. Греку. И действительно, в начале 1829 года приехал новый владелец и сделал свои распоряжения. Между прочим, выбрав из дворовых людей по несколько душ мужского и женского пола, он приказал отправить их в Петербург; в числе избранных очутился и я.

В марте 1829 года, в числе 12 чел., мы отправились в двух кибитках в дорогу, мужчины в одной, а женщины в другой...*

... По приезде в Петербург, отыскиали мы дом Классена, на углу Гороховой и Малой Морской, где была квартира нашего господина Грека, предстали перед очи новых владельцев Петра Осиповича, супруги его Марии Осиповны и детей их Саши и Жени. Осмотрели они нас и затем распределили — кому на кухню, кому в буфет, кому в кучерскую, девичью, а меня, как писаку, засадили в домашнюю контору. Г. Грек занимался по делам несостоятельных должников и был куратором по конкурсам, и у него в квартире по этому случаю открыта была контора. Письменной работы было довольно, в конторе сидели двое делопроизводителей и переписчики, вот я и попал в их число. Независимо от этого, я в свободные часы продолжал заниматься живописью, и г. Грек предложил мне нарисовать портрет с его дочери Жени; я нарисовал — и вышло удачно. Это заставило Петра Осиповича дать мне возможность усовершенствоваться в искусстве, и он нашел мне учителя — знакомого ему живописца француза Тейссера, Я стал ходить к нему и копировать этюды с его произведений. Но не прошло и полугода, как я его оставил. Это было так: г. Тейссер квартировал вместе с другим учителем, англичанином Варрандтом, который тогда давал уроки великим князьям, детям государя Николая Павловича. У Тейссера был слуга, говоривший хорошо по-французски, а у Варрандта свой слуга Тузов, отлично знавший английский и французский языки; оба они были русские, но долго жили за границей. Со мною они сблизились коротко. Раз я копировал портрет с тейссеровской знакомой, приходит Варрандт, обращается к Тейссеру и с усмешкою начал говорить ему что-то такое, по-французски; я ничего не понял, но заметил на лице Тейссера гримасы неудовольствия и пренебрежения. Тузов тут же убирал комнаты, все слышал и после объяснил мне, что Варрандт смеялся над Тейссером, говорил, что ученик скоро его перегонит, прямо даже сказал: «Посмотри, какая бойкая кисть, не то, что твое лизанье!» А Тейссер отвечал ему с пренебрежением: «По-вашему, если бойко мазать, это и значит достоинство» и проч. в этом роде. Как бы там ни было, но с этой минуты Тейссер стал ко мне как-то холоден и начал заметно придирается. Неделью спустя после этого разговора, я в соседней комнате растирал на плите краски и, по рассеянности, позволил себе насвистывать тихонько какую-то песенку. Тейссер выбежал

* Пропущено 14 строк, касающихся дорожного приключения молодых ярославцев. — П. К.

из своей мастерской и напал на меня с ругательствами, чуть не с кулаками. Я промолчал и, кончивши работу, принес ему краски и сказал: «Вот ваши краски, а я больше не желаю у Вас заниматься», и ушел домой. Он долго кричал, бесился, но с тем и остался. Явившись к г. Греку, я решительно заявил ему: «Извините, я больше не могу заниматься у г. Тейссера, я не могу выносить его оскорблений, тем более, что не вижу для себя никакой пользы от такого учителя, которому еще самому нужно много учиться. Делайте из меня, как из воску, все что вам угодно, — воля ваша, а к Тейссеру я больше не пойду».

— А, так вот ты какой!.. Хорошо... поди... вон!

Ну, думаю, пропала моя головушка! Проходит день, два, три, — ничего, потом призывает меня к себе и говорит:

— Ну, я решил дать тебе возможность окончить начатое образование. Все, что нужно, сделано. Ты пойдешь в Академию, к конференц-секретарю Василию Ивановичу Григоровичу, и вот отдашь ему эти бумаги и письмо.

Я понял в чем дело и — бух ему в ноги.

— Встань, — сказал он, — но помни, что если ты поведешь себя дурно и не оправдаешь моих благодеяний, тогда ты будешь солдат! С этим условием дана тебе свобода.

Господи, Господи, одна минута — и я мог бы сгнбнуть, как волдырь на воде, а между тем... Я и теперь не могу, без слез радости, вспомнить эту решительную для всей моей жизни минуту.

Собрав мои арзамасские рисунки и другие малеванья, я отправился к Григоровичу. Рассмотрев мои работы, он мне сказал, что я могу поступить прямо в гипсовый класс, и назначил, чтобы я пришел в Академию через месяц, потому что в это время классы были закрыты, по случаю небывалой еще никогда прежде болезни: *holera morbus*. Это было в 1830 году, тогда мне исполнилось 25 лет. Скажу мимоходом: страшное это было время... *

... Наступил 1831 г. В начале весны истинный благодетель мой, П. О. Грек, поехал с семейством в Кострому, в свое купленное имение, а меня оставил на даче в виде хозяина-распорядителя. Живя на готовой квартире и продовольствии, я ежедневно путешествовал пешком с Выборгской стороны для занятий в Академии, которые шли у меня успешно.

В 1833 году я уже переехал на Васильевский Остров, имел уже возможность жить самостоятельно, так сказать, оперился. Были у меня заказные работы, писал я и портреты и картины (последние ставил на выставку Поощрения Художеств, к г. Прево). Квартировал не один, а с товарищами. К тому времени съехалось в Петербург немало и прежних арзамасских соучеников; одни были уже свободные, а другие еще крепаки, но и эти и последние, впоследствии, все кое-как повывсвободились. Одному из них, именно арзамасцу Каширину, помещик никак не хотел дать вольную даром, а требовал выкупа тысячу рублей. Где же ему, бедному, было взять

* Пропущено 17 строк, описывающих холеру в Петербурге. — П. К.

такую сумму? Вот мы, его товарищи, обратились ко всем знакомым художникам и ученикам с предложением—пожертвовать картинами, у кого какая найдется, и разыграть лотерею; все единодушно согласилось, и лотерея дала нам с лишком 1000 рублей. Каширин потом сделался художником, получил две медали 1-го и 2-го достоинства и служил учителем в Аракчеевском кадетском корпусе, где и скончался. Подобно ему, многие из моих прежних товарищей арзамасцев были хорошими учителями и художниками.

В течение пяти лет я продолжал заниматься в Академии и копировал в императорском Эрмитаже картины известных мастеров. В 1834 году, 1 мая, я получил от Академии за портрет, написанный мною с самого себя, серебряную медаль, а в 1835 году, 24 декабря, таковую же другую за рисунок группы с натурщиков. Затем мне был выдан аттестат на звание художника, и я сделался не бесправною птицею. Работы мои увеличились и средства к жизни также. В это время прибыли из Италии К. П. Брюллов с своею картиною «Последний день Помпеи», потом Бруни тоже с картиною «Медный змий», а также французский художник Вернет. Им устраивали встречи, овации, выставки их картин и пр. Все это услаждало, ободряло и развлекало нас, молодых художников; публика массами стекалась в Академию. Да, неизъяснимо приятное осталось у меня до сих пор воспоминание об этих пяти годах, проведенных в Академии. Сколько довелось видеть интересных личностей: Пушкина, Жуковского, Крылова, Кольцова, Кукольника, Воейкова, Греча, Булгарина; стариков наших профессоров, Егорова, Шебуева, Басина, Варнека, Воробьева, Иванова; артистов: Каратыгиных, Самойлова, Асенкову, Воротникова, Брянского, Дюра и бездарного смешилу Толченова и др.

Театр был моим любимым развлечением. Тогдашние артисты, имена которых я назвал, были истинные таланты; с каким удовольствием, бывало, пролетит время спектакля. Видал я и Мочалова, московского артиста. Каратыгин и Мочалов — это были два трагика, так сказать, светила и соперника. Москвичи превозносили Мочалова, а петербуржцы Каратыгина; и те, и другие спорили между собою за своих любимцев. Но я скажу беспристрастно, что оба они были превосходны, и все-таки даю преимущество Каратыгину. Сама природа стоит за него: Каратыгин был одарен и наружными, и внутренними качествами трагика. Его фигура, рост, выразительные черты лица, изящные позы, звучный голос, декламация, — все это резко отличало его от Мочалова; кроме того, Каратыгин с первого же монолога выдерживал свою роль одинаково верно до самого конца; тогда как Мочалов, при своей фигуре, некрасивой, приземистой и плотной (я видел его в Гамлете), мало подходил к действующему лицу. Но, несмотря на эти внешние недостатки, в некоторых сценах он просто поражал своею игрою, и вот в эти моменты начнешь сравнивать его с Каратыгиным и отдашь, пожалуй, первенство Мочалову. Но ведь это было только в некоторых сценах пьесы, за то другие явления проходили у него, по большей части, вяло, холодно и заурядно.

Любил я еще другого в высшей степени симпатичного артиста г. Самойлова, отца недавно умершего артиста В. В. Самойлова. Но несчастный человек погиб в волнах Финского залива.

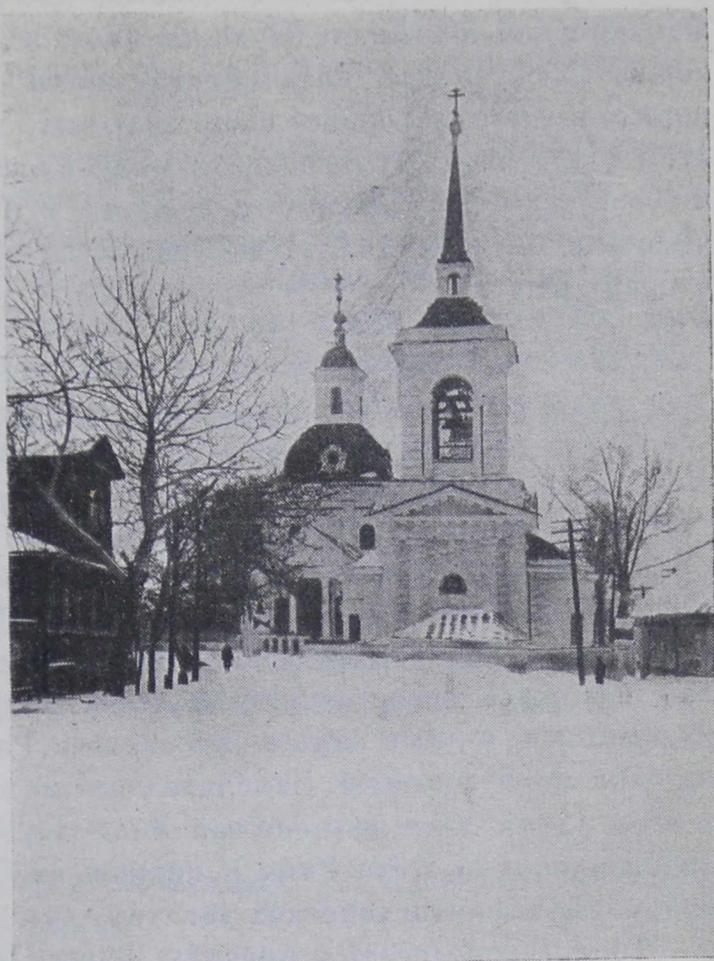
Упомяну о некоторых моих петербургских знакомствах. Между прочим, мне случилось познакомиться с одним статским советником — Михаилом Максимовичем Поповым. Меня рекомендовали ему как художника, чтобы сделать с него портрет, а также копию с портрета романиста Лажечникова. Последнюю я снял карандашом на бумаге, и с нее уже на литографском камне было отпечатано несколько экземпляров. Г. Попов заплатил мне за работы щедро и просил меня бывать у него на вечерах, по четвергам. Он был тогда человек холостой, жил на вольной квартире, а служил в III отделении собственной его величества канцелярии, при начальниках Дубельте и Бенкендорфе. Симпатичный, образованный и добрый, он в душе был истинный поэт и артист; все его любили и уважали; вечера у него проходили в литературных чтениях и беседах о науках и изящных искусствах; у него-то на вечерах я и встречал много известных личностей из литературного, художественного и артистического мира. Это знакомство продолжалось до самого моего отъезда из Петербурга, до 1848 года. Я многим был обязан г. Попову и опять повторяю, что он был редкий, прекрасной души человек.

Также я близко был знаком с одним собратом по профессии, который занимался подрядами — расписывал стены и плафоны в домах и церквях, а также писал образа в иконостасы. Фамилия его — Ширяев; у него сотрудничал по найму бывший мой арзамасский товарищ Бобров. Я нередко бывал у Ширяева, и мы беседовали по вечерам; иногда я у него читал и декламировал произведения Пушкина и Жуковского. В это время в соседней комнате, у растворенных дверей, постоянно стояли два мальчика, лет 16—17, ученики хозяина, которые были у него на побегушках, терли краски и рисовали немного, пока учитель не доставил им возможность посещать академические классы. Все, что я читал, мальчики слушали внимательно. Почему же, спросят меня добрые люди, я распространяюсь с такими подробностями о каких-то мальчиках? Потому, отвечу я, что один из них сделался впоследствии любимым малороссийским поэтом, — то был Тарас Шевченко, а другой мальчик — Ткаченко, служивший после учителем рисования в Полтавской гимназии. Случилось, что я как-то довольно долго не был в этом доме; потом встретил г. Ширяева на улице; между прочим он и говорит мне: «А знаете ли, ведь нашему Тараске загнули салазки» — «Что такое?» — спрашиваю я. «А то, что его, раба божьяго, отправили в солдатской шинели, куда Макар телят не гоняет, а за что — неизвестно».

Но буду продолжать свою биографию. Мы, молодые художники, будучи знакомы по античному классу со всем мифологическим миром, больше были преданы Аполлону, музам и грациям, впрочем, не чуждались иногда Бахуса и вакханок; частенько поклонялись и Афродите, и бедокур Купидошка, премилый, но порою злой и прехитрый мальчишка, и с нами проделывал прегадкия штуки; иначе и быть не могло: в столице соблазну много, на

каждом шагу искушение. Об этих штуках я умолчу, а лучше расскажу, как я женился, обзавелся детками и как продолжал свое житье-бытье.

Случилось мне как-то писать портрет с одной девицы. Она была привезена теткой в столицу из Чердыни, Пермской губернии, купеческая дочь, и проживала в семействе генерала Анненского, в качестве камерфрау и компаньонки при его дочерях. Беседуя с нею во время сеансов, я узнал, что она порядочно образована, знает хорошо хозяйство и многие женские работы, вообще очень трудолюбива, и я начал часто бывать в этом доме. Заметивши склонность этой девицы ко мне, грешному, я сделал предложение и получил согласие. Брак наш состоялся — 7 октября 1837 года. Перед этим мне были заказаны от Академии три образа для орловского собора: два оригинальных и третий копия с Николая Чудотворца, профессора Шебуева, находящегося в церкви Спаса Преображения. С этого началась моя новая жизнь... *

Арзамас. Духовская церковь около дома
А. В. Ступина.

Фото Д. В. Прокопьева.

... Я с женою поселился в Лештуковом переулке, в доме Жукова. Вскоре я узнал, что женатая жизнь далеко не то, что холостая. Я попрежнему занимался живописью, но заказов, однако, было мало для удовлетворения семейных нужд, тем более, что через год у меня родилась дочь. Нужно было подумать о более верном обеспечении. Михаил Максимович Попов посоветовал мне определиться на службу, чтобы иметь постоянное жалованье, даже нашел для меня место в департаменте внешней торговли, и я, по необходимости и крайним обстоятельствам, очутился в канцелярии и начал переписывать бумаги о каких-то таможенных, товарах и контрабандах. Противно мне было это занятие и все окружающее. Прослуживши с лишком год в департаменте, я откровенно высказался Попову, что вовсе не по

* Пропущена 31 строка описания пожара Зимнего дворца и катастрофы на Адмиралтейской площади. — П. К.

мне канцелярская работа. К счастью для меня, пришел к нему в то время жандармский полковник Кувшинников, вслушался в наш разговор и предложил свое участие хлопотать найти мне место учителя в кадетском корпусе, где ему хорошо были знакомы директор и инспектор. Благодаря этой счастливой случайности, я получил возможность оставить департамент и был принят учителем рисования в 1-й кадетский корпус. Это случилось в октябре 1839 г., как раз в то время, как у меня родилась уже вторая дочь... *

19. ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ
ФЕДОР ИВАНОВИЧ **

Пользуясь участием Вашего Превосходительства во мне, я за долг себе поставил известить о моем положении. По совету Вашему, не оставаясь долго в Париже я отправился скорее в Рим, и вот уже около двух месяцев как нахожусь здесь: осмотрел все его древности, Галерею, мастерские художников, и даже самые окрестности Рима. Написал одну картину вид из окна моей комнаты. Замечательна моя квартира тем, что жил некогда в этом самом доме знаменитый Клод Лорень, вид дому прекрасный, почти видна панорама всего Рима и церковь св. Петра на горизонте каждый день красуется в фантастических закатах солнца.

Теперь осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство, если еще не выслали назначенные генералом Перовским для меня деньги. Так как Павел Иванович Кривцов их еще не получил, то прошу Ваше Превосходительство приказания их выслать. Имею честь быть Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорный слуга.

Василий Раев

Рим. 16-го Октября 1842 г.

К 1846 г. относится письмо В. Раева из Рима к В. П. Григоровичу. ***

Милостивый Государь! Василий Иванович, простите, что до сих пор не исполнил своего долга перед Вами и не благодарил за милостивое внимание и ходатайство Ваше; но желая оправдать сколько мог ожидания Ваши, посылаю вместе с этим письмом два вида Рима: один назначаю для Академии, другой желал бы поднести Герцогу Лейхтенбергскому. Не имею другой протекции как Вы и Академия, я прошу ее в рапорте о предоставлении моей картины и уверенный в Вашем добром расположении

* Далее, начиная с III гл., стр. 678 и до конца, стр. 691, вышущено: описание жизни, быта и работы в кадетских корпусах Петербурга и Полтавы. — П. К.

** Архив О. П. Х., письмо, 1842 г.

*** Архив А. Х., 24/1845, л. 11.

ко всем нам; я прошу Вашего содействия, как у Герцога, так и в том, чтобы исходатайствовать мне поручение написать вид Рима с бельведера атиканского—простите, что беспокою Вас подобными просьбами; но Вы знаете как великолепен этот вид.

Я только, что думаю начать теперь заниматься или лучше сказать учиться и с невольным беспокойством вижу через год конец моим средствам, которым обязан единственно Вам, не сознавая себя достойным, я не имею права надеяться на новые щедроты Академии, но сделаю все что могу чтобы удостоиться звания пенсионера Академии, посредством программы, которую, может быть можно задать прямо на первую золотую медаль? Если это можно, то известите меня добрый наш Василий Иванович простите моей откровенности; но мы привыкли все уважать Вас как истинного начальника и даже, как отца. Профессор Максим Никифорович Воробьев был у меня в студии, он меня хвалил, целовал; но извините, к нему душа не лежит, он везде меня бранил как и всех кто занимается пейзажем. Не желая отнимать у Вас дорогого времени, я оканчиваю письмо, желая Вам от души здоровья, счастья и покорно прошу засвидетельствовать искреннейшее почтение мое супруге Вашей. С истинным почтением навсегда благодарный вам *Раев*.

Рим 4 мая 1846 года

Василий Иванович осмеливаюсь беспокоить Вас просьбой не забыть приказать покрыть картины мои лаком.

20. В АРХИВЕ Н. Л. БЕНУА, В СОБРАНИИ ГОС. РУССКОГО МУЗЕЯ СОХРАНИЛИСЬ ЛЮБОПЫТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, КОТОРЫЕ ПРИВОДИМ НИЖЕ:

Письмо министру имп. двора кн. П. М. Волконскому.

Ваша Светлость!

С самых нежных лет, мы питомцы Академии, взлелеянные теплой любовью нашего правительства, еще дети—знали Вас как нашего главного начальника, выросли мы, стали понимать себя более и наше безотчетное понятие о Главном начальнике возросло с нами и превратилось в глубокое уважение к Вашей Светлости. Но до сих пор мы знали и уважали силу, которая над нами и не могли дать себе полного об ней отчета. До сей минуты—судьба ставила нас слишком далеко от Вас—двигателя успехов наших. Наконец прибытие Вашей Светлости в Рим ознакомило с Вашим снисхождением, милостивым вниманием и отеческой добротой, превратив наше уважение в полную и беспритворную любовь.

Приезд Ваш в Рим—наш праздник, потому что только—искреннему, горячему участию—и добрым отзывом об нас Вашей Светлости, обязаны

мы честью и вниманием, оказанным нам Его Императорским Величеством, и есть ли б не это предстательство, то Бог знает чтобы с нами было?

Вот почему, искренняя благодарность, всегда питаемы к Вашей Светлости, возросла еще более в сердцах наших.

*Федор Моллер. Академик Александр Иванов. Петр Ставассер. Федор Иордан. Антон Иванов. Николай Рамазанов. Константин Климченко. Михаил Шурупов. Николай Бенуа. Федор Эппингер. Александр Резанов. Александр Кракау. Александр Росси. Ипполит Монигетти. Василий Раев. Лопин Фрикке. Андрей Пищалкин. Егор Солнцев. Григорий Эльсон. Аполлон Мокрицкий. Николай Ломтев. Иван Шаповаленко. Федоров.**

* Моллер Федор Антонович (1812—1875), в 1840 г. получил от Академии Художеств звание академика за картину «Поделуй» и двухгодичное содержание за границей.

Иванов Александр Андреевич (1806—1858), с 1830 по 1858 г. работал в Италии, где писал свою картину «Явление Мессии».

Ставассер Петр Андреевич (1815—1850), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за скульптуру «Удильщик» и звание классного художника. В 1841 г. был отправлен пенсионером за границу.

Иордан Федор Иванович (1800—1883), в 1850 г. получил звание профессора за гравюру «Преображение Господне» с картины Рафаэля, которую выполнял в Италии с 1835 по 1850 г.

Иванов Антон Андреевич (1815—1848), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за статую «Играющий в городки», в 1841 г. отправлен за границу.

Рамазанов Николай Александрович (1818—1867), в 1839 г. за скульптуру «Фавн с козленком» получил 1-ю золотую медаль и звание классного художника; в 1843 г. был отправлен пенсионером за границу.

Климченко Константин Михайлович (1817—1849), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за эскиз «Парис с яблоком» и звание художника-скульптора; в 1842 г. был отправлен пенсионером за границу.

Шурупов Михаил Арефьевич (1816—1901), в 1836 г. получил аттестат 1-й степени; в 1837 г.—1-ю золотую медаль за архитектурный проект «великокняжеского дворца», в 1840 г. был отправлен пенсионером за границу.

Бенуа Николай Леонтьевич (1813—1898), в 1836 г. получил 1-ю золотую медаль за проект «Училище правоведения» и звание классного художника; в 1840 г. был отправлен пенсионером на шесть лет за границу.

Эппингер Федор Иванович (1816—1873), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за программу «Проект театрального училища» и звание художника. В 1841 г. был отправлен пенсионером за границу.

Резанов Александр Иванович (1807—1887), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за программу «Проект театрального училища» и звание художника; в 1842 г. отправлен за границу пенсионером. Там вместе с Н. Л. Бенуа и А.-Г. И. Кракау исполнил рисунки собора в Орвието.

Кракау Александр-Георг Иванович (1817—1888), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за программу «Проект театрального училища» и звание классного художника; в 1842 г. отправлен пенсионером за границу.

Росси Александр (умер в 1846 г.), в 1842 г. получил звание художника-архитектора и был отправлен за границу.

21. В ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Учредителю покровительствуемой
оною Академиею Школы рисо-
вания и живописи неклассного ху-
дожника Надеждина

РАПОРТ

С половины 1832 года, постоянное водворение мое, жительством Тамбовской губернии в г. Козлове, дало мне возможность заметить чрезвычайную скудость в этой стороне по части рисования, живописи и архитектуры, моя любовь к художествам, ревность к пользе общей и благу отечества, уважение к Академии, постоянно занимающейся распространением художеств, благодарность за исходатайствование Его прав, и преимуществ художникам, расположил меня открытием в г. Козлове школы Рисования и Живописи, содействовать сколько возможно попечениям Академии. Как скоро стала приходить эта мысль в известность, ко мне начали являться мальчики.

По поданному в 1836 году августа 26 дня прошению Императорская Академия Художеств к удовольствию моему удостоила принять участие мое, под милостивейшее свое покровительство, предписав именоваться школою Рисования и Живописи. В течение трех лет вновь открытое мое заведение с постоянною ревностью старалось оправдать внимание Академии и троекратным отправлением в оную произведений учащихся из пер-

Монигетти Ипполит Антонович (1819—1878), в 1839 г. получил 2-ю золотую медаль за программу «Проект театрального училища» и звание классного художника. Был пенсионером за границей.

Фрикке Логин Христианович (1820—1893), в 1839 г. получил звание классного художника живописи и был отправлен пенсионером за границу.

Пищалкин Андрей Андреевич (1817—1892), в 1839 г. получил 1-ю золотую медаль за гравюру «Св. семейство» с картины Рафаэля; в 1841 г. был отправлен пенсионером за границу.

Солнцев Егор Григорьевич (1818—1864), в 1839 г. окончил курс со званием классного художника; в 1847 г. изучал мозаику в Италии.

Эльсон Григорий Григорьевич (род. в 1818 г.), в 1839 г. получил звание классного художника и 2-ю золотую медаль за программу «Проект театрального училища».

Мокрицкий Аполлон Николаевич (1811—1871), в 1839 г. получил 2-ю золотую медаль за программу «Римлянка, кормящая грудью отца в темнице»; в 1846 г. был послан на два года за границу.

Ломтев Николай Алексеевич (Петрович) (1811—1858), в 1845 г. получил звание неклассного художника за картину «Ангелы возвещают небесную кару Содому и Гоморе».

Шаповалов (Шаповаленко) Иван Савельевич (1820—1890), в 1851 г. получил звание неклассного художника за картину «Италианка». Был послан за границу для изучения мозаики.

Федоров (Худояров) Степан Федорович (1810—1865), в 1843 г. получил звание свободного художника и был отправлен за границу для изучения мозаики.

* Архив А. Х., д. 130, 1836 г., л. 29—32.

вых двух отсылок — я удостоверился, что труды мои не напрасны, ибо Академия удостоила учащихся лестных похвал, а меня покровительства и благодарности.

Таковое ее внимание заставляет меня еще более заботиться о умножении и успехах учащихся, почему нужным считаю объяснить Академии как о препятствиях замеченных мною в течение семи лет затрудняющих меня возвести школу на степень желаемого мною совершенства или грозящих даже совершенным ее закрытием, так и о средствах, которые при содействии Академии и Славы ее могут положить прочное основание к существованию и дать успешный ход к усовершенствованию школы.

По месту отдаленному от столицы как замечено здесь одно еще слабое начало любви к изящному требующее дальнейшего развития, а чтобы развить эту способность к изящному необходимы: или хорошее состояние; или постоянная помощь, какого-либо достаточного мецената, человека постигающего цель учреждения; в противном же случае все старания, даже рвение могут остаться одними бесплодными идеями, без исполнения, а это не без прискорбия можно перенести человеку у коего сердце живет и проникнуто чувством изящного, и который имеет пламенное желание разделить его с другими. Не буду распространяться о разности опыта от теории, ибо сам нахожусь в постоянной деятельности к улучшению моего учреждения, — но вижу однакож, что все старания мои без поддержки будут слабы и едва ли к славе Академии могут увенчаться желаемым успехом. Надежда на работы кои я испытал не может быть верною порукою за будущее.

Работы заказные не всегда случаются и с их перемешкою, художник, чтоб иметь хлеб насущный должен прибегать к разным средствам; экономией домашние расходы до предосудительности, искать, выпрашивать работы, а иногда и удаляться для того из места своего жительства, и получать их за дешевую цену; — а это так много затрудняет школу в ходе ее к совершенству и выразить нельзя; — ибо занятия учеников по необходимости должны ограничиваться произведениями большею частью мелкими по объему, часто незначительными по идее и недоконченными по исполнению; стесняясь объемом произведения ученик не может выполнить и идеи, поспешность каковой требует дешевизны произведения, и не может занятия им с полною обдуманностью покончить с совершенною отчетливостью удовлетворяющею требованиям художественным; сверх того как такие занятия большею частью бывают противны воле ученика, то и производят в нем холодность к ним — изящное должно быть плодом свободы торжествующей над предметом, а не ему покоряющейся — вот затруднения.

Теперь о средствах, которые бы могли положить точное основание школе и дать ход к ее совершенству, что же необходимым нахожу для усовершенствования школы и для поощрения учеников, честь имею изъяснить Академии.

I. Дом для школы необходим просторный, где бы могла быть помещительная мастерская, галерея для картин, для гипсовых антиков, для уче-

ников спальни, рекреационная зала, кухня, баня, сад, двор и для учредителя три или четыре покоя, с принадлежащими службами к дому.

II. Нужна факторская где бы помещались копии с картин, образа к продаже и рисунки.

III. Картинная и античная галереи должны быть открыты входом для всякого, дабы хотя наглядность имела пользу занятую.

IV. При достаточном количестве гипсовых статуй и голов, полезно учредить натуральный класс, где бы учащиеся могли рисовать с натуры и приспособив к тому манекен, обнажая какую-либо часть тела, ногу или руку и проч.

V. Нужно иметь хорошие образцы, как для рисования, так и для живописи, заставляя учеников копировать, далее же заставлять делать свои сочинения, руководствуясь натурой, манекеном и образцами.

VI. Необходимо для учеников иметь, по найму, по крайней мере хотя одного учителя, которой бы мог объяснять им закон божий, российскую грамматику, и хотя не во всей полноте и связи раскрывая им важнейшие происшествия истории, как священной, так гражданской всеобщей и естественной.

VII. Поставить в обязанность, ученикам иметь всем один покррой платья, приличной высокому покровительству Академии, и в праздничные и высокопраздничные дни ходить на молитву в церковь всем — с самим учредителем; за отвлечением же его по домашним распоряжениям со старшим учеником.

VIII. Учащиеся должны проживать в школе не менее осьми лет действительного учения; а при выходе из школы получать свидетельство с означениями их качества, поведения, похвалы от Академии, награды есть ли оного удостоены и за печатью, которая должна быть составлена прилично высокому покровительству Академии.

IX. При окончании курса в школе, отбирать сведения, от самих учеников, буде они ни от кого не зависят, куда желают поступить или куда им позволят лица от коих зависит, буде кто из учеников пожелает служить в каком-либо учебном заведении учителем рисования то позволять задавать ему программу выше той какая требуется тем заведением, и просить через представление учредителя его работы выдачи ему свидетельства от Академии; на право поступления в учителя, дабы оное свидетельство заменяло экзамен донныне делаемой в гимназиях.

X. Исходатайствовать право пересылать работы учеников с почтою без платы.

XI. Разрешить школе ходатайствовать у Академии Художеств о учениках желающих долее учиться. О принятии их ежели не в самую Академию, то хоть под покровительство Общества поощрения художников при отпращивании таковых из школы выдавать свидетельство означенное в § VIII.

XII. Людям крепостного состояния имеющим хорошие способности и успехи разрешить представлять учредителю о награде таковых хотя свидетельством на назначенную им награду от Академии.

XIII. О наградах же и похвалах учащимся от Академии публиковать где должно раз в три года.

XIV. О людях свободного состояния оказавших весьма хорошие успехи и доживающих в школе срок учения при похвальном их поведении, в случае за ними рекрутской повинности ходатайствовать Академии Художеств по представлении о таковых учредителем, о избавлении их, а заменять очередными.

XV. Полезно также школе буде позволят средства завести свою литографию и об отпечатанных эстампах ежегодно в свое время доносить Академии Художеств.

XVI. Позволить учредителю просить Академию хотя через год буде что опыт укажет изменить из сего или прибавить вновь.

XVII. В случае же есть ли что-либо злоупотребительное, как и самое подозрение в учредителе откроется, то подвергать его наистрожайшей ответственности по Академическим Уставам.

XVIII. Исходатайствовать позволение учредителю для приведения школы в хорошей порядок, купить дом, заложить его в той же сумме в ссудную кассу на 25 лет по праву законов недвижимых имений представленных дворянству, в уплате процентов и капитала со стороны учредителя имеет быть вернейший порядок и исправность.

XIX. Установив таким образом (так сказать) прочное начало школы нахожу что на существование ее моею одною жизнью недостаточно и потому в случае смерти моею нахожу нужным хотя через припечатание в газетах предложить желающим принять на себя продолжение ее существования, предоставив ему выгоды от вещей мною купленных уступку от 10 до 30 процентов; жалованные же вещи (в случае есть ли б быть могли) от Академии должны переходить как свет милости бесплатно от одного к другому.

XX. Имея много неудобств, в помещении школы и по необходимости той я написавши сам 2 картины мальчика со свечкою и старуху торговку как при сем имею щастие представить благодетельной Академии желая сколь возможно через то заслужить как (неразборчиво) внимание равно и самые милости изливаемые на художников — при сем представляю и учеников моих работы, 25 рисунков с подписями их и 3 картины написанные масляными красками о числе же их прилагаю особенную ведомость.

Свободный (некласный) художник

Афанасий Надеждин.

1839 года
Августа 29 Д.

УЧЕНИКИ ШКОЛЫ РИСОВАНИЯ И ЖИВОПИСИ В Г. КОЗЛОВЕ, ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1832—1839 гг.)

Васильев Алексей. Вольноотпущенный, был учеником с 28 ноября 1832 г. по 18 июня 1836 г. был направлен учителем в уездное училище (А. Х., 130/1836, л. 21).

Васильев Дмитрий. Крепостной, был учеником с 1 апреля 1838 г. по август месяц и возвращен за болезнью глаз (А. Х., 130/1836, л. 25).

Вишневский Василий. Одиодворец, был учеником с 10 августа 1835 г. Способный. Получил одобрение и похвалу от Академии Художеств в 1837 г. за представленные рисунки (А. Х., 130/1836, лл. 21—22).

Воробьев Логин. Крепостной, был учеником с 18 января 1838 г. Старательный (А. Х., 130/1836, л. 25).

Дурновский Авраам. Крепостной, был учеником с 10 января 1833 г. по 20 января 1835 г. Посредственный (А. Х., 130/1836, л. 21).

Захаров Дмитрий. Вольноотпущенный, был учеником с 17 января 1838 г. С хорошими способностями (А. Х., 130/1836, л. 25).

Кожевников Александр. Купеческий сын, был учеником с 13 июля 1832 г. по 8 января 1836 г. Способный (А. Х., 130/1836, л. 21).

Лебедин Яков. Крепостной, был учеником с 16 февраля 1836 г. «Способен и пылок». Получил в 1837 г. от Академии Художеств одобрение и похвалу за представленные рисунки (А. Х., 130/1836, лл. 21—22).

Леонтьев Валентин. Крепостной, был учеником с 24 февраля 1838 г. С хорошими способностями (А. Х., 130/1836, л. 25).

Леттель Михаил. Воспитанник подполковника Эльснера, был учеником с 27 января 1837 г. (А. Х., 130/1836, л. 21).

Митрофанов Федор. Мещанин, был учеником с 17 октября 1834 г. (По)средственный. В 1837 г. получил от Академии Художеств одобрение и похвалу за представленные работы (А. Х., 130/1836, лл. 21—22).

Никитин Ф. Крепостной, был учеником с 1839 г. (А. Х., 130/1836, лл. 29—32).

Орлов Лев. Крепостной, был учеником с 20 февраля 1838 г. Способный (А. Х., 130/1836, л. 25).

Петров Алексей. Мещанин, был учеником с 5 ноября 1834 г. Прилежен и кроток. В 1837 г. получил одобрение и похвалу за рисунки, представленные в Академию Художеств (А. Х., 130/1836, лл. 21—22).

Степанов С. Хлебопашец, был учеником с 1839 г. (А. Х., 130/1836, лл. 29—32).

Хохлов П. Крепостной, был учеником с 1838 г. Старательный (А. Х., 130/1836, лл. 29—32).

Отказано за теснотою помещения:

13—14	Г-ну Синицыну
15	Г. Вельяминову
16	Г. Мосолову
17	Каретнику
18	Одиодв. Баталову
19	Измайлову
20	Козловской бедной женщине
21	Серебреннику Сем. Вышневой

22. ТАБЛИЦА СКОЛЬКО СДЕЛАНО ИКОНОСТАСОВ
И ШТУК И ЗА КАКУЮ ЦЕНУ С 1802 ГОДА.*

В восточной стороне по Симбирскому и Оренбургскому тракту:

	Икон	Штук	Сумма
Итого	50	1010	68.300
В полуденно-западном краю по Пензенскому и Саратовскому тракту .	19	279	21.883
По Тобольскому тракту	21	335	17.929
В северо-восточном краю, по Ниже- городскому и Казанскому тракту . . .	12	261	22.213
По Казанскому тракту	13	172	12.495
Что сделано до отъезда в С.-Петер- бург в Арзамасе и прочих местах по 1800 год	5	115	1.107
По приезде из Петербурга в го- род Арзамас	17	282	13.395
Всего	137	2454	157.322

Сверх сего домовою работы и по церквам в разноту:

	Икон	Штук	Сумма
	—	510	16.576
Портретов с натуры копиев	—	190	5.600
		700	22.176
Подарено:			
Исторических	—	126	1.007
Портретов с натуры и копий	—	40	1.000
		166	2.007

Церквей расписано из масла и клея 10

Продано ученических копий и пр. 10.000 руб.

А всего штук 3320, а суммы всей 191.505 р. ассигн.

* Щукинский сборник, стр. 474—478.

**СЛОВАРЬ ХУДОЖНИКОВ
АРЗАМАССКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ**

(1797—1862)

Александров Косьма — крепостной, отпущен на волю. Был учеником с 1821 г.; в 1825 г. получил серебряную медаль первого достоинства за живопись с эстампа и с природы.

В. Я. Адарюков. „Ученики Арзамасской школы“, Архив А. Х., 37|1842 г., л. 65.
Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Алексеев Николай — крепостной Колокольцева, отпущен им на волю. Был учеником с 1825 г. «Удостоен одобрения от Академии за рисунки и заслужил внимание по талантливости».

В. Я. Адарюков, Н. Н. Врангель, Архив № 8|1802 г. лл. 128—132, 160—161, 166, 168, 176, 177, Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Сравни: *Алексеев, Н. Ильич (1804—1885 г.)* — вольноприходящий ученик Академии Художеств. В 1837 г. был удостоен звания художника живописи перспективной (С. Н. Кондаков, II, стр. 4).

Алексеев Николай Михайлович (см. о нем отдельную главу).

Андреянов был учеником школы.

Е. С. Коц. „Крепостная интеллигенция“, стр. 57.

Афанасьев Сосипатр — крепостной Кошкарова, Тамбовской губ.

Архив № 55|1842 г., л. 2 и 14|1846 г.

Бабилев Иван Афанасьевич. Скончался в 1882 г.

Н. Н. Врангель, стр. 445.

Белин Василий — крепостной, отпущен на волю дочерью коллежского ассесора Надеждой Алексеевной Хвостовой (по мужу). Свидетельство 1809 г.

Архив № 8|1802 г., л. 8|11.

Белшой Василий — отпущен на волю. Был учеником в 1825 г. Представлен в рисовальные учителя в г. Макарьев.

В. Адарюков, Архив О. П. Х. 1825 г., № 55.

Бельский Василий, из мещан.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Бобров Дмитрий, — был учеником школы. Работал у художника Ширяева на художественно-производственных подрядах.

И. К. Зайцев, Воспоминания старого учителя, стр. 676.

Бовин Василий Никифорович — маршанский мещанин. Был учеником школы. В 1839 г. Академия Художеств выдала ему вторую серебряную медаль. В 1840 г. получил звание некласного художника по портретной живописи. Умер 20 октября 1870 г.

Н. Н. Врангель, стр. 443, С. Н. Кондаков, II, стр. 18, Архив № 8|1802 г., лл. 176, 178—179 и 45|1840 г., Шукинский сборник, стр. 458.

Богданов Михаил — ученик школы. В 1849 г. был удостоен Советом Академии Художеств звания учителя рисования в уездных училищах по рассмотрению присланных им работ, в сентябре 1849 г.

Шукинский сборник, стр. 462.

Ботов Дмитрий — крепостной Микулиной.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Веденецкий Павел Петрович (см. о нем отдельную главу).

Веденцов П. П. См. *Веденецкий, П. П.*

Виноградов Карп — крепостной Поповой, Симбирской (ныне Ульяновской) губ. В 1839 г. получил «особенную» похвалу от Академии.

Н. Н. Врангель, стр. 444, Архив № 8|1802 г., лл. 176—178, Шукинский сборник, стр. 457.

Волков Вукол — симбирский мещанин. Его сильно попорченная работа перспективного характера находилась в Музее Нижнего-Новгорода (ныне г. Горького).

Н. Н. Врангель, стр. 441 и 443. Архив № 159|1802 г.

Воронов Петр — крепостной городничего г. Хвалынска. В 1833 г. объявлена ему похвала от Академии.

Шукинский сборник, стр. 455. Архив № 159|1802 г.

Воронцов Алексей Зотович — крепостной гвардии прапорщика Николая Богданова. После школы, в 1812 г. был принят в Академию Художеств в четвертый возраст, где обучался портретной живописи на собственном иждивении. В 1813 г. получил вторую серебряную медаль.

С. Н. Кондаков, стр. 43. Архив № 8|1802 г., лл. 2|46 и 148.

Воскресенский Аполлон — крепостной Аргамаковой, отпущен на волю.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Галкин Михаил — крепостной Янычаровой (по другим сведениям — Яшкирова), Нижегородской губ.

Н. Н. Врангель, стр. 441. Архив № 55|1842 г., л. 2.

Гальянов Василий Семенович — ученик школы. С 1833 г. вольноприходящий ученик в Академии Художеств, где в 1838 г. ему дано звание рисовального учителя, а за портрет «женщины в русском костюме» удостоен звания свободного художника. Был учителем рисования в Архангельской гимназии.

С. Н. Кондаков, стр. 45 и А. Терещенко, стр. 139.

Глушков Александр — сын котельнического купца. Совет Академии Художеств в 1854 г. 23/XI постановил: «Глушкову объявить похвалу Академического Совета, дав ему о себе знать особой бумагой».

Архив № 117|1854 г.

Горбунов Иван Михайлович (см. о нем отдельную главу).

Горностаев Павел — нижегородский мещанин, был учеником школы.

Архив № 159|1802 г.

Гусев — был учеником школы в 50-х гг.

В. Г. Перов, 1892 г.

Дмитриев Александр — дворянский воспитанник, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 445 и Архив № 14|1846 г.

Дубровин Сергей — дворянский воспитанник, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 445 и Архив № 14|1846 г.

Евграфов Петр — арзамасский мещанин, был учеником школы.

Архив № 159|1802 г.

Железнов Рафаил Федорович — ему приписываются портреты Минина и

Пожарского в Историческом Музее в Нижнем-Новгороде и картина в Архангельском соборе.

Железнов Федор Петрович — отец предыдущего. С его именем тоже связано указанное выше.

В. А. Ликин, стр. 271—272.

Жуков Иван — крепостной гр. Гудовича. Был отпущен на волю.

Н. Н. Врангель, стр. 443 и Архив № 159|1802 г.

Зайцев Иван Кондратьевич (см. о нем отдельную главу).

Зайцев Кондрат — крепостной пензенских помещиков Ранцевых, обучался в Ступинской школе до 1805 г. Отец И. К. Зайцева.

И. К. Зайцев в Воспоминания старого учителя.

Зефирова Михаил — нижегородский мещанин, был учеником школы.

Архив № 50|1842 г., л. 2.

Зиновьев Иван — крепостной Болтина, Нижегородской губ. Был отпущен на волю.

Архив № 159|1802 г.

Иванов Лев — из духовного звания. Один из двух самых первых учеников А. В. Ступина 1797 г.

Шукинский сборник, стр. 381.

Ивановский — был учеником школы в 50-х гг. Товарищ В. Г. Перова.

В. Г. Перов, 1892 г.

Иксен Андрей — прусский подданный, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 445 и Архив № 14|1846 г.

Калиданов Павел — вольный хлебопашец. Был учеником в 1825 г. Представлен в рисовальные учителя в г. Горбатов.

В. Я. Адарюков, Н. Н. Врангель, стр. 441. Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Калидинов Григорий — ученик Ступина; крепостной помещика Глазова; был удостоен похвалы как от Академии Художеств, так и от Общества поощрения художеств. Отмечается талант в рисовании и живописи.

Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Калин А. — был учеником в 1839 г.

Карамышев Михаил — крестьянский сын из Архангельской уездной конторы. Совет Академии Художеств 23/XI 1854 г. постановил: «Карамышеву надписать на самом рисунке одобрение Совета Академии».

Архив № 117|1854 г.

Сравни: Карамышев Михаил Степанович, род. в 1836 г., ученик Академии Художеств. В 1861 г. получил там две вторых серебряных медали. В 1861 г. выслан по высочайшему повелению в Шенкурский уезд. В 1863 г. дано звание свободного художника по живописи исторической и портретной.

С. Н. Кондаков, II, стр. 86.

Карасев Василий — крепостной Арапова, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 442.

Каширин Иван Деметьевич — крепостной Ульянова. Выкуплен товарищами, организовавшими лотерею из художественных произведений в СПб. Ученик Академии Художеств с 1833 г. В 1835 г. получил вторую серебряную медаль и первую за «портрет самого себя». В 1836 г. получил звание свободного художника. Служил учителем рисования в Аракчеевском кадетском корпусе, где, состоя на службе, и умер.

Н. Н. Врангель, стр. 441. Кондаков, II, стр. 88 и И. К. Зайцев, стр. 673.

Келлер Константин — саратовский колонист, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 445 и Архив № 55|1842, л. 2 и 14|185.

Климантов Михаил — был учеником школы. В 1833 г. от Академии была объявлена похвала.

Шукинский сборник, стр. 445 и Архив № 8|1802—148 г.

Климентов — см. Климантов Михаил.

Климов Яков — крепостной — дворовый человек надворного советника Якова Бловатского.

Архив № 8|1802 г., л. 5|8.

Колчин Алексей — арзамасский мещанин, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 443.

Кононов Василий — крепостной гр. Гудовича из Москвы. Был отпущен на волю.

Архив № 159|1802 г.

Коринфский Михаил Петрович (см. о нем отдельную главу).

Коссинский Павел — крепостной Языкова. Получал неоднократно одобрения от Академии Художеств за рисунки и картины. Копировал картины в Эрмитаже с большим успехом и писал портреты с натуры.

В. Я. Адарюков, Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Кошелев Николай Александрович — род. в 1838 г. С раннего детства страстился к рисованию. Росту любви к этим занятиям немало способствовали хорошие работы по церквям Арзамаса, а также знакомство с учениками ступинской школы, которые показывали ему картинную галерею школы, но поступлению в последнюю помешали недостаточные средства. Он был отдан к живописцу Давыдову, другим его учителем был неизвестный ремесленник, а затем художник Лука Бателли в Казани. В 1861 г. он поступил в Академию Художеств, в 1862 г. получил вторую серебряную медаль за картину «1-е число». В 1864 г. получил вторую золотую медаль за программу «Меркурий усыпляет Аргуса». В 1865 г. получил звание классного художника первой степени, в 1873 году — звание академика, в 1878 г. — звание профессора.

Н. Н. Врангель, стр. 445, С. Н. Кондаков, II, стр. 100 и «Наши художники», т. II, стр. 211—214.

Крылов Василий — Нижегородской губернии, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 443.

Кудемский Илья. См. Кудимшой И.

Кудимшой Илья — вольноотпущенный помещицы Разладиной. Был учителем рисования в Горбатовском уездном училище с 5 августа 1810 г. и позднее в Нижнем-Новгороде.

В. Я. Адарюков, Архив Казанского университета № 50|1837 и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Кудряшев (Будрешев) Антон — крепостной Карпова, Симбирской губ.

Н. Н. Врангель, стр. 444 и Архив № 159|1802 г.

Курбатов Дмитрий — самарский мещанин, Симбирской губ., был учеником.

Архив № 159|1802 г.

Кутаисов Иван — крепостной ген. Котлубидского, был учеником.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Лебедев Иван Алексеевич — сын крепостного г. Свищева, отпущенного на волю. В ноябре 1809 г. орденом на имя А. В. Ступина была прислана серебряная медаль, которая и была вручена ему. Позднее, с 1 сентября 1811 г., был учителем рисования в уездном училище в Арзамасе.

В. Я. Адарюков, Архив № 8|1802 г., № 23|26 и 10|13, Архив Казанского университета № 50|1837 г. и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Лебедев Семен — отпущенник. Был учителем рисования в г. Балахне.

В. Я. Адарюков и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Лоншинов Лука — крепостной Караулова, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 442.

Лыскин Иван Алексеевич — сын темниковского купца. Совет Академии Художеств 23/XI 1854 г. постановил: «Удостоить Лыскина награждением серебряной медалью 2-го достоинства». После школы был вольноприходящим учеником в Академии Художеств. В 1858 г. получил звание неклассного художника живописи исторической и портретной.

С. Н. Кондаков и Архив № 117|1854 г.

Лысковцев Александр — арзамасский мещанин. Был учеником, но особого дарования не оказал и в 1847 г. уехал в Симбирск актером.

Н. Н. Врангель, стр. 445, Шукинский сборник, стр. 425 и Архив № 55|1842 г., лл. 2 и 14|1846 г.

Макаров Иван Кузьмич, род. в 1822 г. в г. Арзамасе. Ученик школы отца в г. Саранске. В 1842 г. Академией Художеств дано звание неклассного художника за картину «Две мордовки». С 1845 г. посещал классы Академии и получил вторую серебряную медаль за холст «Девушки на гулянье в русском костюме»; и в 1855 г. — звание академика. Умер в 1897 г.

С. Н. Кондаков, стр. 119 и Архив № 37|1842 г., лл. 55—58.

Макаров Кузьма Александрович — крепостной Горихвостова, был отпущен на волю. Награжден медалью. В 1825 г. получил медаль первого достоинства. 9 лет (с 1828 г.) служил учителем в уездном училище, затем завел свою школу в г. Саранске (в 1837 г.) и имел там до 10 учеников. Из этой школы вышел его сын Иван Кузьмич Макаров.

Архив № 2|1802 г., 6|112 л. и 37|1842 г. лл., 55—65.

Мальшев Гавриил — крепостной. Была обещана свобода.

Н. Н. Врангель, стр. 445 и Архив № 14|1846 г.

Мальин — ученик школы. Написал голову с натуры. В 1825 г. в Обществе поощрения художеств художник Ж. Дау выпросил ее у А. В. Ступина и взамен подарил 12 гравированных портретов.

Мелентьев Федор — сын темниковского купца. Известна его работа — «Семейный портрет», бывшая на выставке в г. Казани в 1916 г.

Архив № 55|1842 г., л. 2.

Мельников Григорий — крепостной Гладкого, был учеником.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Милованов Александр — крепостной Ульянова, был учеником.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Миронов Петр — крепостной Грязновского. Отпущен на волю.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Молчанов Константин — крепостной Бетлинга, был учеником.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Морозов Михаил — крепостной Болтина. Отпущен на волю. Был учеником в 1825 г. Отличался похвальным поведением и ревностью к школе, почему и исполнял должность надзирателя в школе.

В. Я. Адарюков, Н. Н. Врангель, стр. 441 и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Мясников Григорий — крепостной Гладкого. Был учеником в 1825 г. Получил похвальный отзыв от Академии Художеств и Общества поощрения художеств. Покончил самоубийством 1 сент. 1828 г., не ожидая возможности выкупа от самодура-помещика.

В. Я. Адарюков, А. С. Гацисский, стр. 153, Шукинский сборник, стр. 409 и др.

Надеждин (Надежин) Афанасий Дмитриевич (см. о нем отдельную главу).

Нащокин Василий — вольноотпущенник, Нижегородской губ. (по другим сведениям Симбирской губ.), был учеником.

Н. Н. Врангель, стр. 443 и 445 и Архив № 55|1842 г., л. и 14|1846 г.

Неведомский Архип — крепостной надворного советника Ф. Балабанова. Отпущен на волю. Был учителем рисования в г. Горбатове.

В. Я. Адарюков; Архив № 8|1802 г., л. 6|9 и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Недеев Ефим — отпущенник. Был учителем рисования в г. Балахне.

В. Я. Адарюков.

Незнаев Памфил — крепостной Полтева, Оренбургской губ. В 1839 г. получил «особенную похвалу» от Академии Художеств.

Шукинский сборник, стр. 457; Н. Н. Врангель, стр. 444 и Архив № 8|1802 г., лл. 176 и 178 и № 159|1802 г.

Никитин Николай — крепостной, дворовый коллежского советника Кромина, был учеником школы.

Архив № 8|1802 г., л. 4|1.

Озерский Иван Гаврилович — сергачевский мещанин. В школе пробыл свыше четырех лет. После нее в 1815 г. поступил своекоштным воспитанником в Академию Художеств, где за рисунки с натуры в 1817 г. получил две серебряные медали и был уволен с аттестатом первой степени живописи портретной.

В. Я. Адарюков, С. Н. Кондаков, II, стр. 143, Архив № 11|1822 и Архив О. П. X., 1825 г., № 55.

Озерской И. Л. (см. *Озерский И. Г.*).

Остафьев Дмитрий — крепостной, дворовый человек надворного советника А. Кошкарова. Был отпущен на волю. От Академии Художеств была обещана медаль, — «как будет свободен».

В. Я. Адарюков, Архив № 8|1802 г., лл. 1|45 и 7|10 и Архив О. П. X., 1825 г., № 55.

Перов Василий Григорьевич (см. о нем отдельную главу).

Петров Иван Иванович. Впоследствии был учителем рисования в Уфимской губернии. В 1856 г. Академией Художеств было дано звание художника живописи портретной.

С. Н. Кондаков, II, стр. 151 и Терещенко, стр. 139.

Пожаров — крепостной г. Павлова, был учеником школы.

Архив № 8|1802 г., л. 147.

Поздеев Ефим — ученик Ступина из отпущенных на волю. Служил потом в Балахне учителем рисования.

Архив О. П. X., 1825 г., № 55.

Поляков Гавриил — крепостной Филимонова, Ярославской губернии.

Архив № 159|1812 г.

Попугаев Иван — крепостной человек Глазова. Находился у профессора Иванова. Была назначена медаль. Копировал картины в Эрмитаже с большим успехом.

В. Я. Адарюков и Архив О. П. X., 1825 г., № 55.

Раев Василий Григорьевич (см. о нем отдельную главу).

Рамейский Епафродит — крепостной г. Языкова, был учеником.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Рачков Николай Ефимович — нижегородский мещанин. Родился в 1825 г. Ученик школы. В 1844 г. от Академии Художеств получил две серебряные медали, в 1845 г. — звание некласного художника живописи портретной. Умер в 1895 г.

Н. Н. Врангель, стр. 443; С. Н. Кондаков, II, стр. 164 и Архив № 1|1846, л. 176, 178—179, 194—198, № 55|1842 г. и 14|1846 г.

Рачков Павел Ефимович — нижегородский мещанин. Ученик школы. В 1839 г. получил от Академии Художеств вторую серебряную медаль, в 1842 г. — звание художника, в 1846 г. серебряную медаль и аттестат. Впоследствии был учителем рисования в нижегородском Александровском благородном пансионе.

Н. Н. Врангель, стр. 443, Терещенко, стр. 139; Шукинский сборник, стр. 458—459 и Архив № 19|1840 г., 45|1840 г., 37|1842 г. и 55|1842 г.

Свешников Иван Матвеевич — арзамасский мещанин. Ученик школы. В 1845 г. Академией Художеств был удостоен звания некласного художника живописи портретной.

Н. Н. Врангель, стр. 443, С. Н. Кондаков II, стр. 177; Шукинский сборник, стр. 460—461; Архив № 55|1842 г., л. 194—198.

Свешников Лев — был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 445.

Серов Корнил — крепостной г. Мустафиной, Нижегородской губ.

Н. Н. Врангель, стр. 444.

Систков Павел — крепостной Горихвостова, был учеником школы.

Н. Н. Врангель, стр. 441.

Соколов Александр Никитович, крепостной, сын дворового человека кн. Енгалычева, живописца Никиты Ивановича Свешникова (?). Была назначена от Академии Художеств медаль за портрет с натуры.

В. Я. Адарюков; Архив № 8|1802 г., л. 11|4 и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Соколов Иван — крепостной кн. Оболенской. Был отпущен на волю. Поступил в школу в 1816 г. и был учеником в 1825 г. В этом году получил медаль второго достоинства от Академии Художеств. Позднее служил учителем рисования в Московском кадетском корпусе.

В. Я. Адарюков, С. Н. Кондаков, II, стр. 184; Архив № 8|1802 г., л. № 6|112 и Архив О. П. Х., 1825 г., № 55.

Соколов Тимофей — крепостной Сабурова, Пензенской губ.
Архив № 159/1802 г.

Сорокин Александр — арзамасский мещанин, был учеником.
Н. Н. Врангель, стр. 441.

Степачов Дмитрий Астапович — воспитанник школы, впоследствии «медалист Академии», работавший в Саровской пустыне.

Школа рисования, 1859 г. Сравни: С. Н. Кондаков, II, стр. 188.

Степанов Д. — род. в 1798 г., в 1809 г. поступил в Академию, в 1817 г. получил аттестат второй степени.

Стрюков Николай — крепостной Турченинова, был учеником.
Н. Н. Врангель стр. 442.

Ступин Александр Васильевич (см. о нем отдельную главу).

Ступин Рафаил Александрович (см. о нем отдельную главу).

Турин Василий Степанович (см. о нем отдельную главу).

Турченинов Павел — «приказно-служительский сын», был учеником.
Н. Н. Врангель, стр. 443 и Архив № 159|1802 г.

Фролов Гаврила — из духовного звания. Один из двух самых первых учеников А. В. Ступина, когда ему было всего лишь двадцать один год.
Щукинский сборник, стр. 381.

Шапошников Владимир — сын московского купца, был учеником.
Архив № 55|1842 г., л. 2

Шведов Никита — крепостной Соловцева, был учеником.
Н. Н. Врангель, стр. 441.

Ширяев В. — ученик школы А. В. Ступина. Позднее занимался в классах Общества поощрения художеств вместе с братьями Чернецовыми и Т. Головной под руководством Воробьева и Варнека. У него в Петербурге работал Т. Г. Шевченко.

Отчет Комитета О. П. Х. за 1824 г., СПб., 1825 г., стр. 19, 20. П. Корнилов, Т. Г. Шевченко и Арзамасская школа живописи первой половины XIX века.

Шмидт Александр Васильевич (1834—1866 гг.). — ученик школы.
Н. Н. Врангель, стр. 445.

Щелов Дмитрий — крепостной Павлова, был учеником.
Н. Н. Врангель, стр. 441.

Щегольков Владимир (см. о нем отдельную главу).

Чернышев Петр Михайлович (род. в 1824 г.). Был учеником Ступинской школы. В 1857 г. было дано звание некласного художника по портретной живописи.

С. Н. Кондаков, стр. 217.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адарюков В. Ученики Арзамасской школы академика Ступина, «Жизнь искусства», 1919, № 313.

Allgemeines Künstler-Lexikon von Dr. J. Meyer. Erster. Band. 1870, S. 288.

Александр Васильевич Ступин (Выдержки из собственноручных его записок, с примечаниями Н. Рачкова). «Иллюстрация», 1862, № 219 и 222.

Алексеев Николай Михайлович. «Энциклопедический словарь», СПб., т. I, стр. 415.

Андреев А. Н. Живопись и живописцы главнейших европейских школ, СПб., 1857 г., стр. 523.

«Аполлон» № 4/15, 1917, стр. 8.

Арзамас. «Большая советская энциклопедия». М., 1926, т. III, столб. 320

Арзамас. «Энциклопедический словарь», СПб., 1890 г., II т., стр. 75, 76.

Арзамас. (Литературное общество). «Большая советская энциклопедия», М., 1926, т. III, столб. 320.

Арзамас. (Литературное общество). «Энциклопедический словарь», СПб., 1890, т. II, стр. 76—78.

Арзамасская правда. 20/VIII 1936 г., № 193 (1888).

Арзамасская школа. «Большая советская энциклопедия», М., 1926, т. III, столб. 321.

Арзамасская школа. «Энциклопедический словарь», СПб., 1890, т. II стр. 74, 75 и 1901, т. XXXI.

Арзамасская школа живописи А. В. Ступина. Каталог выставки. Горький, 1939 (Составил М. Званцев). 8 стр.

Арзамасский Воскресенский собор. История его и описание в двух частях с видом собора. Составил В. Щегольков, Арзамас, 1909.

Архангельский М. В. Арзамасский мещанин-иконописец Александр Васильевич Ступин, М., 1902, 32 стр.

Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1778—1851. См. Дульский П., Архитектор Коринфский; Егерев В., Пути творчества М. П. Коринфского и Корнилов П. — М. П. Коринфский в Арзамасе и Симбирске (Ульяновске).

Бабенчиков. Искусство крепостных, «Красная нива», № 37, 1926, стр. 14—16.

Батарчуков. См. «Казанские известия». Описание города Арзамаса. «Библиографические листы», изд. Кешпенем, 1825, № 14 столб. 203, 204.

Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804—1904). В двух частях. Часть первая. Казань, 1904, стр. 371.

Божерянов И. Н. Андрей Никифорович Воронихин. Строитель Казанского собора в С.-Петербурге. Оттиск из исторического журнала «Русская старина», СПб., 1885, стр. 8 и 12.

Булгаков Ф. И. Наши художники. На академических выставках последнего 25-летия. Биографии, портреты художников и снимки с их произведений, тт. I и II

Василий Григорьевич Перов. Его жизнь и произведения. 60 фототипий с его картин без ретуши. Текст Н. П. Собко. Издание Д. А. Ровинского, СПб., 1892.

«Ведомости с.-петербургской городской полиции», 1844, № 49 и 50.

«Вестник изящных искусств». 1888 г. См. Петров П. Н. — М. Н. Воробьев и его школа.

Вишневский И. И. К. истории Арзамасской Ступинской школы живописи. Сборник статей, сообщений, описей и документов. «Действия Нижегородской губернской ученой Архивной Комиссии». Н.-Новгород, 1900, т. IV, отдел III, стр. 33.

«Воскресный досуг». 1863, т. I, № 3, стр. 44—45.

Воспоминания старого учителя И. К. Зайцева. 1805—1887. «Русская старина», 1887, июнь, стр. 663.

Врангель Н. А. В. (ступин и его ученики (Арзамасская школа живописи), «Русский архив» 1906, кн. I, стр. 431.

Врангель Н. Н. Русский музей имп. Александра III, 1904, тт. I и II.

Врангель Н. Н. Собрание И. С. Остроухова в Москве. «Аполлон», 1911, № 10, стр. 7 и 10.

Врангель Н. Портретная выставка в Таврическом дворце. «Искусство», № 5, 6, 7, 1905, стр. 134, 137, 140.

Врангель, Н. Приобретения Русского музея Александра III. «Старые годы», 1907, т. XII, стр. 631.

Выставка картин: «Художественные сокровища Казани». Казань, 1916.

Выставка картин: «Художественные сокровища Казани». Петроград, 1916.

Выставка приобретений 1925—1926. Художественный отдел, Нижегородский Государственный музей Нижний-Новгород, 1926, стр. 4 и 7.

Гацисский А. С. Люди Нижегородского Поволжья. Биографические очерки. Кн. I, гл. IV, Нижний-Новгород, 1887, стр. 119—155.

Гехт С. Золотой век Арзамаса. «Тридцать дней», 1936, № 6, стр. 68—72.

Глаголь Сергей. Художник Николай Ефимович Рачков. «Искусство. Художественная промышленность», 1898—1899, № 11, стр. 881—890.

«Грамотей». 1869, № 2, стр. 5—12.

Греков Вл. См. «Русский библиографический словарь».

Гроссман Леонид. Пушкин. Москва, 1939, стр. 533, 536, 537.

Д. М. Арзамас «Дамский журнал». 1833, № 46, часть XLIV., стр. 91. «Дамский журнал». 1833, ч. XLIX, ноябрь. См. Д. М.

Деятели имп. Казанского университета. 1805—1900 гг. Составил проф. Ч. П. Загоскин. Казань, 1900, стр. 79.

«Действия Нижегородской губернской Ученой Архивной Комиссии», вып. 5, 1889, стр. 154—156.

«Действия Нижегородской губернской Ученой Архивной Комиссии», вып. 6, 1889, стр. 253.

Дмитриев Всеволод. Неуклюжие ученики (по поводу нескольких русских картин из собрания В. Б. Хвошинского). «Аполлон», № 6, 1917, стр. 1.

Дмитриев М. А. См. «Москвитянин», 1854.

Долгорукий И. М., кн. Изборник 1764—1823, Москва, Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919, стр. 127 и 130.

Дульский П. Архитектор Коринфский. — «Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851», Казань, 1928, стр. 6—10.

Дульский П. Василий Турин, казанский художник начала XIX в. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». 1916, т. XXIX, вып. 5—6, стр. 231—252 и отдельное издание. Краткое изложение статьи с иллюстрациями было помещено в журнале «Старые годы», 1915, декабрь, стр. 37—43.

Дульский П. Классицизм в казанском зодчестве. Казань, 1920, стр. 14—15 (оттиск из Изв. О. А. И. Э.).

Дульский П. Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851 (Очерк из истории провинциальной архитектуры первой половины XIX века). «Сборник в честь профессора В. К. Мальмберга» и отдельно: Казань, 1917.

Дульский П. См. Памятники казанской старины.

Евгеньев Б. Макар с кисточкой. Повесть для детей среднего и старшего возраста, «Молодая гвардия», М., 1929, стр. 5—6, 17—19.

Егерев В. Материалы к истории зодчества г. Казани. Дворянское собрание. «Материалы Центрального музея ТатАССР». Казань, 1927, № 1, стр. 13—16.

Егерев В. Пути творчества М. П. Коринфского. «Архитектор М. П. Коринфский». 1778—1851. Казань, 1928, стр. 11.

Жизнеописание Архиепископа Иакова, И. М. Москва. 1853, стр. 72.

Жакова В. Юность, которой не было. Школа Ступина. «Ленинская смена». Орган Горьковского Крайкома и Горкома ВЛКСМ, № 74 и др. 1936.

Жакова Вера. Школа Ступина, «Молодая гвардия», № 5, 1937, стр. 56—78. *

«Журнал изящных искусств», изд. В. Григоровичем. 1825, ч. II, № 3, стр. 57.

«Журнал министерства народного просвещения», 1851, ч. XX, отд. VI, стр. 49—53.

Загоскин Н. П. проф. См. Деятели имп. Казанского университета.

Зайцев И. К. См. Воспоминания старого учителя.

Званцев М. А. В. Ступин. Арзамасская художественная школа. Горьковское издательство, 1941.

Звенигородский Андрей. О пребывании Пушкина в Нижегородской губернии. «Московский пушкинист», II, Москва, 1930, стр. 62—67.

Известия состоящей под е.и.в. гос. им. покровительством Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, вып. 52, под редакцией Н. А. Щеглова. Тамбов, 1906, стр. 89—112.

* Здесь, наряду с огромным количеством необоснованных вымыслов, неточностей и ошибок, налицо какое-то необычайное желание очернить и оклеветать личность А. В. Ступина. Ни исторические документы, ни воспоминания, ни мемуары, ни наследие школы не дают никаких оснований чернить память основателя первой русской провинциальной художественной школы. — И. К.

«Иллюстрация». 1845, 1846—№ 18 и 1862—№ 220.

«Иллюстрированный каталог картинной галереи Московского Публичного и Румянцевского Музея. Русская школа живописи, М., 1901 г.

Иллюстрированный каталог картинной галереи Московского Публичного и Румянцевского Музея. Собрание К. Т. Солдатенкова, М., 1901, стр. 6 и 10.

Иллюстрированный каталог Московской Городской художественной галереи Павла и Сергея Третьяковых, Москва, 1905, стр. 11, 21, 35, 65, 70—71.

Императорская Академия Художеств. Музей. Русская живопись 1915, стр. 5—6.

Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами. Арзамас, 1911.

«Казанские известия». Описание города Арзамаса—Батарчуков. Казань, 1814, № 17.

Карелин А. А. Насущность действительного ведения общественных учреждений реформированною Академиею Художеств. «Труды Всероссийского Съезда Художников в Петербурге», т. III, стр. 109—114.

Каталог выставки. А. С. Пушкин в Государственной Третьяковской галерее. М.—Л. 1936, стр. 28—29.

Каталог оригинальных произведений русской живописи. Составил А. Сомов. Картинная галерея императорской Академии Художеств. СПб., 1872, стр. 60, 61, 77—78.

Каталог историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. СПб., 1905, вып. IV, стр. 49; вып. V, стр. 36, 40 и 45; вып. VIII, стр. 10 и 110.

Каталог Нижегородского городского художественного и исторического музея. Художественный отдел. Составлен П. И. Крыловым. Изд. 4-е, Н.-Новгород, 1911, стр. 4, 29, 34, 36, 44, 54, 65, 70, 72—73.

Каталог художественных произведений Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. Издание двадцать седьмое. М., 1917, стр. 26 и др.

Каталог художественных произведений Иркутского областного художественного музея. Иркутск, 1939, стр. 4—5.

Кашин Указатель выставки Академии Художеств за 1833 г.

Ковалевский Е. П. См собрание сочинений Е. П. Ковалевского. К. П. Арзамас (Горьковский край). «Советский музей», № 12, 1938 стр. 47.

Корнилов П. Е. Материалы к иконографии Казани. «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР», вып. IV, Казань, 1930, стр. 15—31 и отдельно.

Корнилов П. Материалы к словарю ульяновских (симбирских) художников. «Край Ильича». Казань, 1927 и отдельно.

Корнилов П. М. П. Коринфский в Арзамасе и Симбирске (Ульяновске). «Архитектор М. П. Коринфский. 1788—1851». Казань, 1928, стр. 23—41.

Корнилов П. Николай Михайлович Алексеев (из истории Арзамасской школы живописи). «Известия О-ва арх., истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929 и отдельно.

Корнилов П. Портреты Н. И. Лобачевского (Опыт иконографии). «Н. И. Лобачевский в Казани», Казань, 1926, стр. 6—9.

Корнилов П. Рафаил Александрович Ступин. «Казанский Музейный вестник», 1924, № 1, стр. 59—68.

Корнилов П. Ульяновский художник Аркадий Александрович Пластов. Казань, 1929, стр. 5.

- Корнилов П. Е. «Арзамасские гуси и А. В. Ступин». «Советское искусство», 1937 г., № 14 (360).
- Корнилов П. Е. Первая русская провинциальная художественная школа. «Арзамасская правда». 1938 г., № 33.
- Корнилов П. Е. Из прошлого русского зодчества. М. Коринфский. К 150-летию со дня рождения. «Архитектурная газета», 12/XI 1938 г., № 63 (292), стр. 3.
- Корнилов П. Е. Т. Г. Шевченко и Арзамасская школа живописи первой половины XIX века (К вопросу о генезисе творчества). «Арзамасская правда», 21/II 1939 г., № 42 (2645), стр. 3.
- Корнилов П. Е. Т. Г. Шевченко і Арзамаська школа живопису. Допитання про генезис творчості. «Образотворче Мистецтво», № 4, 1939 г., стр. 12.
- Корнилов П. Е. Крепостной художник И. М. Горбунов (Из истории Арзамасской школы живописи). «За социалистический реализм», № 14 (150), I/IV 1940, стр. 3.
- Кондаков С. Н. См. Список русских художников к Юбилейному справочнику, 1914.
- Кондаков, С. Н. Юбилейный справочник имп. Академии Художеств, 1764—1914.
- Короленко В. Г. Записные книжки (1880—1900). Редакция и примечания С. В. Короленко и А. А. Кривинской. Предисловие А. Г. Горнфельда. С рисунками автора. Гос. из-во «Художественная литература», М., 1935, стр. 152, 159—162, 451—452 и 462.
- Короленко В. Г. Муза. «Собрание сочинений с портретом автора, с автобиографией, со вступительной статьей и комментариями А. В. Ефремова», ЗИФ, М., 1930, кн. 10, стр. 68—99.
- Красовский В. Э. Прошлое города Корсуна (Краткий исторический очерк); Симбирск, 1903, стр. 47.
- Кощ В. С. Крепостная интеллигенция. Ленинград, 1926, стр. 54—58, 71, 72 и 73—77.
- Ликин В. А. Художники-живописцы в Нижнем-Новгороде. Оттиск.
«Литературная газета», 1844, № 43, стр. 271—276, 721.
- Лихачев Д. С. Национально-героическая идея в архитектуре Ленинграда. «Звезда», № 4, 1944, стр. 97.
- Лукомский Г. К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Часть первая. Русская провинция. Петроград, 1916, стр. 84—85.
- Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске. Симбирск, 1898, стр. 123—125.
- Матвеев А. М. Историческая юбилейная выставка в память 250-летия основания г. Симбирска. Симбирск, 1898, стр. 12.
- «Материалы для истории народного просвещения в России». Самоучки. Собрал И. С. Ремизов. 1886, стр. 89—108. См. Ремизов И. С.
- Матюнин И. Из материалов об А. В. Ступине. Сборник статей, сообщений, описей и документов. «Действия Нижегородской губернской Ученой Архивной Комиссии». Н.-Новгород, 1914, т. XVII, вып. I, стр. 1—2.
- Мельников А. П. Люди нижегородского Поволжья. Василий Григорьевич Перов.
- Мельников А. П. Нижегородская старина. Путеводитель в помощь экскурсантам. Н.-Новгород, 1923.
- Meuser J. Dr. См. Allgemeines Künstler-Lexikon.

Миронов А. Г. Букинист Константин Захарович Никитин. Заметка к истории книжного дела. М., 1925, стр. 10.

«Москвитянин», 1841. См. Фаворский, И.

«Москвитянин», 1852, т. VI, стр. 126. «Заметки об Арзамасе».

«Москвитянин», 1854, т. I, стр. 189. Дмитриев, М. А. «Мелочи из запаса моей памяти».

«Московские ведомости» 1844, № 33 и 34, стр. 213, 214, 218, 219, № 78, стр. 505.

«Московский телеграф», изд. Н. Полевым, М., 1830, часть XXX, № 2, стр. 277—279.

Т. Н. Ступин. Энциклопедический словарь русского библиографического института, изд. Гранат, т. 21, столб. 172, 173.

«Народные беседы», изд. Д. В. Григоровичем, вып. 5. Русские знаменитые простолюдины. СПб., 1860, стр. 73—78.

Настольный словарь Ф. Толя, СПб., 1863—1866, т. I, стр. 149 и т. III, стр. 553 и 1302.

«Нижегородские губернские ведомости», 1849, № 45. Часть неофициальная, стр. 177—178; 1850, № 22—25, стр. 87—91, 93—100 и 1859, № 42, стр. 162 и 1860.

Оленин А. Н. Краткое историческое сведение о состоянии имп. Академии Художеств. СПб., 1829, стр. 30.

Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. СПб., 1865, стр. 72.

«Отечественные записки», 1821, ч. V, № 10, стр. 166—171. 1827, ч. XXXII, № 90, стр. 158—163 и 1850, № 11, отд. VIII, стр. 93.

Отчеты имп. Академии Художеств за годы 1844—1872.

Отчет Комитета Общества поощрения художников за 1824 г. СПб., 1825, стр. 20.

Памятники Казанской старины. Очерк П. Дульского. Казань, 1924, стр. 143, 144, 151—154.

Первая Государственная Выставка искусства и науки в Казань. Казань, 1920, см. № 634.

Перечень картин и рисунков собрания И. Е. Цветкова, Москва, 1904, стр. 22, 28 и 34.

Перов В. Г. Каталог выставки в Государственном Русском музее к столетию со дня рождения. Ленинград, 1924, стр. 9.

Перцов П. Художественные музеи Москвы. Путеводитель, Гос. изд-во, М.—Л., 1925, стр. 27.

Петров П. Арзамасская школа. «Энциклопедический словарь», СПб., 1862, т. V.

Петров П. Н. Краткое обозрение мозаичного дела в России, СПб., стр. 78.

Петров П. Н. М. Н. Воробьев и его школа. «Вестник изящных искусств», 1888, т. VI, вып. 4, стр. 322.

Петров П. Н. Сборник материалов для истории имп. с.-петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. I—III, СПб., 1864, 1865 и 1866.

Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет (1700—1850). СПб., 1902.

Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. IX, 1813—1852. СПб., 1884, стр. 69.

Прокопьев Д. О Рафаиле Ступине, казанском художнике 2-й четв. XIX в. По материалам Радищевского музея в Саратове. Май 1924 г., (рукопись).

Прокопьев Д. Письмо из Саратова. «Среди коллекционеров». М., 1924, № 3/4, стр. 58.

Прокопьев, Д. В. Художественные промыслы Горьковской области. ОГИЗ, Горьковское областное издательство. 1939, стр. 137—140.

Ремизов И. С. Материалы для истории народного просвещения в России.

Ремизов И. С. Александр Васильевич Ступин, арзамасский мещанин-иконописец. СПб., 1880.

Русский биографический словарь, СПб., 1909, стр. 599—601. «Ступин Александр Васильевич». Вл. Греков.

«Русский вестник», 1903, июнь, стр. 579.

Русские издания по искусству XVIII и нач. XIX ст. Библиографические материалы к докладу А. Г. Миронова в Р. О. Д. К. М., 1927.

«Русский инвалид или военные ведомости», 1830, № 329, стр. 1315—1316 и 1861, № 189, стр. 780.

Русский энциклопедический словарь, изд. И. Березиным. СПб., 1874, т. II, отд. I, стр. 190, т. XIV. СПб., 1877, стр. 325.

С. П. Поездка на Нижегородскую ярмарку, см. «Отечественные записки», 1821, ч. V.

Самодеятельность, соч. Самуила Смайлса. Перевод с английского Н. Кутейникова. Изд. 2-е, СПб., 1866, стр. 310—319; 5-е изд., СПб., 1872, стр. 261—269.

«Peter-Zeitung», 1836, № 231 (Die Kunstausstellung in dem Saal der Kaiserl. Acad. der Kunst).

«Северная пчела», 1839, № 232, стр. 928 и 1849 г., № 194. «Арзамасская школа живописи и другие тамошние заведения».

«Северная почта или новая с.-петербургская газета», 1810. № 99, 11 октября.

Серафимов В. и Фомин М. Описание Исаакиевского собора, СПб., 1869, стр. 72—76.

Собко Н. П. Словарь русских художников. С древнейших времен до наших дней (XI—XIX вв.) СПб., 1893, т. I, вып. I, стр. 103—107

Собко, Н. П. См. Василий Григорьевич Перов.

Собрание сочинений Е. П. Ковалевского. СПб., 1871, т. I, стр. 110—111

Собрание картин М. А. Густова (каталог выставки). Казань. 1944 стр. 5—7 и 12.

«Современник», 1850. См. Терещенко, Александр.

Соллогуб В. А. Воспоминания. Редакция, предисловие и примечания С. П. Шестерикова. Вступительная статья П. К. Губера. «Academia», М. — Л., МСМXXXI, стр. 219.

Соллогуб В. А. Таранас. Путевые впечатления. СПб., 1845, стр. 280.

Сомов А. См. Каталог оригинальных произведений русской живописи.

Список портретов, отобранных для историко-художественной выставки 1905 г. генеральным комиссаром С. П. Дегилевым в общественных и частных собраниях г. Москвы. СПб., 1904, стр. 124.

Список русских художников к юбилейному справочнику императорской Академии Художеств. Составил С. Н. Кондаков. 1914.

Справочный энциклопедический словарь, изд. под редакцией А. Старческого. 1855, т. IX, ч. 2, стр. 578.

Ступин Рафаил. Наука рисования и живописи. С верным руководством к правильному и скорейшему достижению познания их. 1861, 254 стр. (рукопись).

«Сын отечества», 1843, кн. 7, отд. VII, стр. 18—27.

Терещенко Александр. Академик Ступин. «Современник», 1850, т. XXIII, № I, отд. IV. Смесь, стр. 123—140.

Толль Ф. См. Настольный словарь.

Указатель выставок в императорской Академии Художеств за годы 1830—1872.

Указатель находящихся в Академии Художеств произведений. Изд. Е. Фишер, СПб., 1842.

Уренпус М. С. А. Г. Венецианов и его школа. М. ГИЗ., 1925.

Фаворский И. Памятник 1812 г. в Арзамасе. «Москвитянин» 1841, ч. V.

«Художественная газета» Н. Кукольника. 1836, № 11—12, стр. 174, 175; 1837, № 13, стр. 218, 219; 1841, № 25, стр. 29 и 1844, № 78.

«Художественные сокровища России». Издание имп. Общества поощрения художеств, под редакцией Александра Бенуа. СПб., 1902, т. II, стр. 90, 91 и 47 табл.

Цветковская галерея. М., 1915, изд. 2-е.

Шапошников В. В. Дом сороковых годов. Иллюстрированный указатель выставки иконографии интерьеров. Рос. Гос. Исторический музей. Бытовой музей сороковых годов. М., 1925.

Школа рисования. Художественное издание с текстом. Год второй, 1859.

Щегольков Н. См. Арзамасский Воскресенский собор.

Щегольков Николай. См. Исторические сведения о городе Арзамасе.

Щербатова М. Н., кн., Матерьялы для справочной книги по русским портретам. вып. 1, А. М., 1910, стр. 13.

Щукинский сборник, вып. 3. М., 1904, стр. 369—482.

Юбилейный справочник имп. Академии Художеств, 1764—1914.

См. С. Н. Кондаков.

Юндалов А. Е. Указатель к сборнику материалов для истории имп. с.-петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. СПб., 1887.

«Энциклопедический лексикон», изд. А. Плюшара. СПб., 1835, т. III, стр. 44.

Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1862, т. V, стр. 306—307 (ст. П. Н. Петрова).

Эрнст С. Выставка картин и рисунков из собрания П. В. Деларова.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аверин П. И. — 35, 39.
Акимов И. А. — 26—28, 30, 32, 41—
42, 55, 153—155, 162.
Александр I — 79, 156.
Александр II — 124.
Александра Федоровна, имп. — 114.
Александров К. — 166.
Алексеева А. И. — 116.
Алексеев Н. М. — 7, 32, 43, 46—49,
60—61, 66, 70, 106, 113—125, 130—
134, 145, 162, 165—166, 169—176.
Алексеев Ф. Я. — 30.
Ананьин В. С. — 24.
Анинков Т. — 88.
Анненков — 25, 42.
Анненский — 181.
Аннибал — 41.
Антонелли Д. И. — 60.
Аракчеев — 41.
Арапов — 166.
Аргамаков — 165.
Арсений (Москвин) — 124.
Архангельский Д. И. — 93, 120.
Арцыбашева — 25.
Асенкова — 103, 179.
Афанасьев С. — 168—169.
- Бабенчиков — 11.
Бабушкин С. Ф. — 24.
Баженов — 160—161.
Басин — 103, 179.
Баталов — 189.
- Батурина А. М. — 77.
Батурин П. У. — 77.
Бахметьев Н. А. — 36, 39, 43.
Безбородко — 152.
Безобразов М. Г. — 138.
Беклемишев А. А. — 155.
Белавина — 25.
Белосельский — 154.
Бельский В. — 165.
Белшой В. — 166.
Бенкендорф — 180.
Бенуа А. Н. — 118.
Бенуа Н. Л. — 183—184.
Берсенев — 55.
Бетлинг — 165.
Билетова П. А. — 76.
Билетов Ф. Л. — 76.
Блохин А. С. — 23.
Бобров Д. — 8, 165, 180.
Бовин В. — 43, 61, 127—128, 167.
Болотин — 165, 167.
Боткин Д. П. — 132.
Боткин С. С. — 137.
Братцов В. — 63.
Брокгауз-Ефрон — 151.
Бруни Ф. А. — 103, 179.
Брызгалов И. С. — 98.
Брюллов К. П. — 84, 103, 120, 138,
140, 162, 179.
Брянский — 103, 179.
Быков Н. Д. — 6.
Будгаков Ф. И. — 136.

* В этот указатель не включены имена из «Словаря» и «Библиографии», данных в алфавитном порядке. П. К.

- Булгарин — 103, 179.
 Бутурлин — 65, 175.
 Буше — 161.
 Буяльский И. В. — 56, 70.
- Ван-Дейк** — 154.
 Ванлоа — 161.
 Варнек А. Г. — 21, 30, 41, 55, 70, 103, 162, 179.
 Варрандт — 177.
 Васильев А. — 188.
 Васильев А. В. — 76.
 Васильев Д. — 189.
 Васильев Ф. А. — 86.
 Веденецкий П. П. — 59, 94—100, 166.
 Вельяминов — 189.
 Веневитинова М. И. — 74.
 Венецианов А. Г. — 8, 72, 105—107, 129.
 Верне Ж. — 103, 125, 174.
 Виен И. — 160.
 Винкельман — 56.
 Виноградов К. — 43, 61, 167.
 Висконти — 56.
 Вишневецкий В. — 189.
 Вишневецкий И. И. — 159.
 Владимирский П. Ф. — 142.
 Воейков — 103, 179.
 Волков В. — 49, 60, 167.
 Волконский П. М., — 183.
 Вольтер — 5.
 Воробьев Л. — 189.
 Воробьев М. Н. — 55, 103, 108—109, 179, 183.
 Воронихин А. Н. — 6, 30, 32, 42, 55, 88, 93.
 Воронов П. — 161, 167.
 Воротников — 103, 179.
 Воскресенский А. — 165.
 Врангель Н. Н. — 7, 34, 44—45, 118, 122—123, 144—145.
 Вышневой С. — 189.
 Вяземский П. А. — 16.
- Гагарин Г. Г. — 105, 107.
 Гаген Д. Э. — 136.
 Галкин М. — 168.
 Гальянов — 60, 66.
 Гацисский А. С. — 20, 151—152.
 Глаголь С. — 125, 130.
 Гладков — 9, 165—166.
 Гонзаго П. — 144, 154.
 Горбунов И. М. — 10, 32, 37, 41—42, 58—59, 63—64, 162, 166, 170.
 Горихвостов — 165, 167.
 Горностаев П. — 167.
- Горностаевы — 124.
 Горшенков Л. А. — 94.
 Грабарь И. Э. — 122.
 Гранет — 105.
 Грацианова М. П. — 6.
 Грязовский — 165.
 Грек М. О. — 177.
 Грек П. О. — 102, 177—178.
 Греч — 103, 179.
 Григорович В. И. — 44, 103, 158, 163, 178, 182.
 Гропиус — 106.
 Гросман Л. — 74.
 Гудович, гр. — 167.
 Гусев — 138.
 Густов М. А. — 136.
- Дау Ж. — 43.
 Демаров В. В. — 96.
 Демидов Л. Н. — 107.
 Демидов П. Н. — 107.
 Державин Г. Р. — 175.
 Дмитриев А. — 169.
 Дмитриев В. — 145.
 Дмитриев М. — 15, 19.
 Дмитриев М. А. — 18.
 Доброхотов — 124.
 Доменикино — 141.
 Доримедонт — 26, 38.
 Дубельт — 180.
 Дубровин С. — 169.
 Дульский П. М. — 8, 13.
 Дурновский А. — 189.
 Дюра — 103, 179.
 Дябринский Ф. — 15.
- Евграфов П. — 167.
 Егерев В. В. — 92—93.
 Егоров А. Е. — 27—28, 30, 32, 34, 41—42, 55, 58, 63, 69, 94, 103, 162, 170, 179.
 Енголычев И. — 166.
- Ж**адимирский — 124.
 Жевакин — 144, 159, 173.
 Железновы — 98.
 Жиркевич А. — 120.
 Жуков — 181.
 Жуков И. — 167.
 Жуковский В. А. — 18, 103, 175, 179—180.
- Загорский П. — 56.
 Зайцев И. К. — 6, 8—10, 46, 49, 65, 69, 100—104, 166, 170.
 Зайцев К. — 100.

Зайцева Г. И. — 103.
Затрапезнов Д. М. — 28.
Захаров — 54.
Захаров Д. — 189.
Званцев М. П. — 7.
Зефиров М. — 168.
Зиновьев И. — 167.

Иван Васильевич, царь — 60.
Иванов А., книгопр. — 18.
Иванов Антон — 184.
Иванов А. А. — 108, 184.
Иванов А. И. — 60, 103, 179.
Иванов А. М. — 41—42.
Иванов З. — 8, 89.
Ивашева Д. Н. — 79.
Иеремий — 153.
Измайлов — 189.
Износков И. А. — 76.
Иконников А. Д. — 45, 53, 122, 124, 145.
Ильин Н. В. — 42.
Имсен А. — 169.
Иоани (Доброзраков) — 124.
Иордан Ф. — 184.
Исеев Ф. — 182.

Калин А. — 167.
Калиданов П. — 165—166.
Каменский П. М. — 94—95.
Каминский И. С. — 84.
Каминский С. И. — 84.
Карасев В. — 166.
Каратыгины — 103, 179.
Караулов — 166.
Карелин А. А. — 48, 120.
Карелин А. О. — 48, 98, 161.
Карпов — 167—168.
Каррачи — 54, 154.
Каширин — 60, 66, 165, 178—179.
Кверфельдт Э. К. — 94.
Келлер К. — 168—169.
Кикин П. И. — 43, 158.
Кипренский О. А. — 30, 55, 98, 113, 122, 127.
Класен — 177.
Климантов — 61, 167.
Климченко К. — 184.
Клод Лоррен — 182.
Кожевников А. — 189.
Кожевникова М. Н. — 76.
Кожин Н. А. — 17.
Козлова А. И. — 116.
Козловский М. И. — 28, 30, 41, 55.
Кокоринов — 54.
Колокольцев — 165.

Кольцов — 103, 179.
Конионов В. — 167.
Коринфский М. П. — 7—8, 16, 32, 40—42, 58, 70, 88—93, 142.
Королев В. — 167.
Корнилов П. Е. — 8, 77, 93, 125, 127, 159.
Короленко В. Г. — 6, 20, 24, 30, 35—36, 38, 88.
Корреджио — 41.
Корсаков — 162.
Косинский П. — 166.
Котлубицкий — 69, 165.
Коцебу — 172.
Кошкарев — 59, 168.
Кравченко Н. Н. — 39.
Кракау А. А. — 184.
Кривцов П. И. — 182.
Криднер Г. К. — 137—138.
Крузенштерп — 102, 172.
Крупеников А. Л. — 77.
Крупеников Л. Ф. — 69, 74, 76.
Крупеников Н. П. — 74.
Крупеников П. А. — 77.
Крутицкий — 43.
Крылов И. А. — 103, 124, 179.
Кувшинников — 182.
Кудимшой И. — 166.
Кудрешев А. — 167—168.
Кук — 102, 172.
Кукольник — 179.
Кулибин П. П. — 98.
Купчинов — 15.
Курбатов Д. — 167.
Кутайсов И. — 43, 163, 165.
Кутаев П. — 141.
Кушелев — 104, 106—108, 165.

Лабзин А. Ф. — 28, 30, 32, 41, 65, 156, 158, 162.
Лазарини — 161.
Лебедев И. — 42, 58, 166.
Лебедев С. — 166.
Лебедкин Я. — 189.
Левашев Н. А. — 73—74, 77.
Левицкий — 161.
Лейхтенбергский, гр. — 182.
Леонардо да Винчи — 141.
Леонтьев В. — 189.
Лепехин — 102, 172.
Лессинг — 56.
Леттель М. — 189.
Ликин В. А. — 7, 48, 98.
Лихачев А. Ф. — 49.
Лобачевский А. Н. — 113.
Лобачевский Н. И. — 7, 93, 111—113.

- Ломтев Н. — 184—185.
 Лонгинов Л. — 166.
 Лопытин — 23.
 Лосенко — 55.
 Луначарский А. В. — 8.
 Лысковцев А. — 168—169.
- Макаров А. И. — 86.
 Макаров И. К. — 82, 84—87, 134.
 Макаров К. — 43, 49, 60, 66, 78—79,
 81—84, 86, 165.
 Макаров Я. К. — 86.
 Максимова — 100.
 Максимович А. М. — 84.
 Малышев Г. — 169.
 Мария Николаевна, в. к. — 84.
 Мария Федоровна — 136.
 Макаров А. Т. — 82.
 Мартен — 108.
 Мартос И. П. — 30, 55, 60.
 Матюнин И. — 7, 152.
 Мелентьев Ф. — 8, 143, 146, 168.
 Мелиций — 56.
 Микельанджело — 54.
 Микулина — 65, 165.
 Милованов А. — 165.
 Минин Кузьма — 60.
 Миронов А. Г. — 159.
 Миронов П. — 165.
 Митрофанов Ф. — 189.
 Михаил Федорович, царь — 13—14.
 Михайлов А. А. — 30, 41, 55.
 Моисеева В. А. — 113.
 Мокрицкий А. — 105, 184—185.
 Молчанов К. — 165.
 Моллер Ф. — 184.
 Монигетти И. — 184—185.
 Мончадская И. — 10.
 Морозов М. — 165—166.
 Мосолов — 189.
 Мочалов — 179.
 Муравьев — 28.
 Мустафина, кн. — 168.
 Мухин Е. — 56.
 Мюнстер А. — 98.
 Мясников Г. — 6, 9, 165—166.
- Надеждин (Надежин) А. — 43, 60, 66,
 110—111, 165—166, 185, 188.
 Нарышкин — 107.
 Наумова В. М. — 79.
 Нащокин В. — 167—169.
 Неведомский А. — 166.
 Незнаев П. — 43, 167.
 Никитин К. — 159.
- Никитин Ф. — 189.
 Николай I — 79, 124, 177.
- Оболенская, кн. — 165.
 Озеров — 175.
 Озерский И. — 166.
 Оленин А. Н. — 65, 70.
 Орлов Л. — 189.
 Орловский А. О. — 98.
 Орловский Ф. И. — 25.
 Остафьев Д. — 59, 166.
 Острогородский А. Н. — 120.
 Остроухов И. С. — 118, 121, 124.
- Павел I — 25.
 Павлов — 165.
 Панова — 167.
 Перов В. Г. — 11, 129, 133, 137,
 139—140.
 Перовский П. А. — 108, 182.
 Петр I — 13, 15, 154.
 Петров А. — 189.
 Петров Н. — 125.
 Петрова О. П. — 76.
 Перцова — 64.
 Перцова М. И. — 74, 76.
 Пищалкин А. — 184—185.
 Подключников Н. — 137.
 Пожаров — 60—61, 66.
 Поздеев Е. — 166.
 Покровский А. — 151.
 Полежаев М. А. — 132.
 Полтев — 167.
 Полченинов — 23.
 Поляков Г. — 167.
 Попов А. А. — 42.
 Попов М. М. — 180—181.
 Попугаев И. — 60, 166.
 Пospelова А. И. — 76.
 Пospelова Е. И. — 76.
 Прево — 124, 178.
 Приклонский — 25.
 Прокопьев Д. В. — 11, 91, 173, 181.
 Прокофьев — 55.
 Пугалов — 103.
 Пуссен — 154.
 Путилова — 43.
 Путилова Е. — 92.
 Пушкин А. С. — 18, 56, 74, 98, 103,
 124, 175, 179—180.
 Пушкин В. Л. — 18.
- Раев В. Е. — 10, 49, 60, 66, 104—110,
 113, 121, 124, 144, 163, 165, 169,
 182, 184.
 Рамазанов Н. — 140, 184.

- Рамейский Е. — 165.
 Ранцев А. И. — 100, 174, 176—177.
 Ранцев И. — 100, 166, 170—171.
 Ранцев Р. И. — 174.
 Рафаэль — 154, 158, 184.
 Рафаэль Менгс — 160.
 Рачков Н. — 6, 36—37, 61, 129—137, 145, 168—169.
 Рачков П. — 43, 61, 130, 132, 167.
 Ребендра К. — 25.
 Резанов А. — 184.
 Рейнольдс — 160.
 Ремизов И. — 32, 125, 151.
 Ровинский Д. А. — 125, 137—138, 140.
 Родионов А. — 80.
 Родионов В. — 80.
 Родионов М. П. — 80, 84.
 Родионов Н. — 80.
 Родионов П. — 79—80.
 Родионова В. М. — 79.
 Родионова Д. Н. — 79.
 Родионова Е. — 80—81.
 Родионова М. П. — 80—81, 84, 87.
 Романов А. — 122.
 Росси — 184.
 Рубенс — 41—42, 154.
 Рукавишников — 136.
 Сабуров — 167.
 Саврасов А. К. — 86.
 Салтыков — 24.
 Салтыков А. — 160.
 Самойлов — 103, 179—180.
 Самойлов В. В. — 180.
 Сачков Н. — 167.
 Свешников И. — 61, 167—169.
 Свешников Н. — 45.
 Свешников Ф. М. — 41—42, 156.
 Севастьянов С. — 25.
 Селиванова Е. М. — 25.
 Серебряков О. С. — 142.
 Серов К. — 168.
 Симанский — 25.
 Симонова — 72, 76.
 Синицын — 189.
 Слезжинский — 120.
 Снетков П. — 165, 167.
 Собко Н. — 117, 125, 138, 140.
 Сокова — 124.
 Соколов — 42.
 Соколов А. — 166.
 Соколов И. — 165—166.
 Соколов И. 2-ой — 43, 60.
 Соколов Т. — 167.
 Солдатенков К. Т. — 109, 133, 137.
 Солнцев Е. — 184—185.
 Соллогуб В. А. — 13—14, 18.
 Соловцев — 165.
 Сорока — 10.
 Сорокин А. — 165.
 Ставассер П. — 184.
 Старов — 54.
 Стасов — 54.
 Степанов — 110, 165—166.
 Степанов С. — 189.
 Строганов А. С., гр. — 28, 32, 65, 154—155.
 Стрюков Н. — 166.
 Ступин А. В. — 5—10, 15, 17—18, 20—44, 46—51, 58—66, 69—71, 78—79, 88, 94, 100, 102, 104, 110—111, 113—118, 120—124, 127, 130, 132, 134, 138, 140—142, 144—145, 151—152, 154—160, 165—169, 172, 174—176, 181.
 Ступина А. С. — 22—23, 25, 152.
 Ступин В. — 22.
 Ступина К. А. — 176.
 Ступин Р. А. — 7, 26, 32, 41—42, 46, 49—50, 60, 64—77, 100, 102, 104, 110, 144, 174.
 Сублер — 161.
 Суворов — 154.
 Сыромянский — 123.
 Татищев П. — 160.
 Тейссер — 102, 177—178.
 Тимм В. — 98.
 Тирш — 56.
 Тиссен Ю. — 113.
 Тихонов М. — 65, 162.
 Тицман — 161.
 Ткаченко — 180.
 Толченев — 103, 179.
 Третьяков П. М. — 133.
 Третьяков С. М. — 133.
 Тропинин В. А. — 118, 120.
 Тузов — 177.
 Турин В. С. — 7, 26, 125—127.
 Турин С. И. — 26.
 Турченинов — 166—167.
 Угрюмов Г. И. — 30, 41, 55, 94.
 Ульянов — 165.
 Ульянов-Ленин В. И. — 111.
 Урусов, кн. — 159.
 Уткин Н. И. — 55.
 Фаворский — 138.
 Федоров (Худояров) — 184—185.
 Фет А. — 133.
 Филимонов — 167.

Фрикке Л. — 184—185.
Фролов А. — 48.

Хвошинский В. — 145.
Херасков — 49.
Хохлов П. — 189.
Храпов П. — 37.

Цветков И. Е. — 137.

Чекалевский П. П. — 65.

Шаповаленко И. — 184—185.
Шапошников В. — 168.
Шапошников В. В. — 94.
Шведов Н. — 165.
Шебуев В. К. — 30, 41, 55, 94, 103,
120, 162, 179, 181.
Шевченко Т. Г. — 8, 180.
Шердан Л. — 161.
Шиллер — 172.
Ширяев — 8, 180.
Ширяев, актер — 175—176.
Шишков — 172.
Шмит А. — 127.

Шувалов — 161.
Шурупов М. — 184.

Щеглов Д. — 165.
Щегольков В. — 7, 49, 60—61, 66,
111—112, 166.
Щегольков Н. — 14, 142.
Щедрин Ф. Ф. — 30, 55, 76.
Щепетиллов — 124.
Щукин — 6.

Эльснер — 189.
Эльсон Г. — 184—185.
Эрнст С — 96.
Эттингер П. Д. — 8.
Эппингер Ф. — 184.

Юрлова — 35, 40.
Юрьевич С. — 106—107.
Юсупов, гр. — 144, 154.

Зыков — 165—166.
Якобсон — 25.
Яковлев, актер — 65, 175.
Яковлев — 138.
Яковлев Е. — 24.
Яшарова — 168.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В тексте

	<i>Стр.</i>
Автограф Г. Мясникова, 1828 г.	9
Арзамас. Общий вид. С фото	15
» Улица близ школы А. В. Ступина. С фото	17
» Общий вид школы. С фото	19
Автограф А. В. Ступина	20
А. Г. Варнек — А. В. Ступин. 1804(?) г. ГТГ	21
А. В. Ступин — Натурщик. 1800—1802 гг. ГРМ	27
» Натурщики. 1800 г. ГРМ	29
» Натурщики. 1800 г. ГРМ	31
» Натурщики. 1801 г. ГРМ	33
Арзамас. Могила А. В. Ступина. С фото	37
» Вид школы. С гравюры 1862 г.	45
» Роспись здания школы А. В. Ступина. С фото . 47, 50 и 51	51
» Капитель пилястра здания школы. С фото	53
Р. А. Ступин — Рисунки к «Курсу рисования и живописи»	55
Автограф И. М. Горбунова. 1809 г.	63
Автограф Р. А. Ступина	64
Р. А. Ступин — Два натурщика. 1816 г. ГРМ	67
» Портрет неизвестной. 1830-е гг.	68
» Л. Ф. Крупеников. 1837 г.	69
» Купчиха. 1850 г. Казанский музей	70
» Купец. 1850 г.	71
» Портрет Симоновой. 1838 г.	72
» Н. А. Левашев. 1840 г.	73

Арзамас. Собор. Роспись. С фото	75
К. А. Макаров. Д. Н. Родионова	79
» Е. и М. Родионовы	81
» Групповой портрет	83
И. К. Макаров. Две молодые мордовки. 1842 г. ГРМ .	85
» М. П. Родионова	87
Автограф М. П. Коринфского	88
З. Иванов (?)—М. П. Коринфский. Казанский музей . .	89
Арзамас. Собор. Интерьер. С фото	90
М. П. Коринфский—Церковь Воскресения в Павлове. 1814 г. С фото	91
М. П. Коринфский—Ульяновск. Троицкий собор. С фото	93
Автограф П. П. Веденецкого	94
П. М. Каменский—П. П. Веденецкий. 1815 г. ГТГ .	95
П. П. Веденецкий—Комната с ларями. Москва . . .	96
» Портрет неизвестного. 1825 г. ГТГ .	97
» Портрет неизвестного. 1839 г. Иркутский музей	99
И. К. Зайцев—Автопортрет. ГРМ	101
В. Е. Раев—Рим.	105
Н. М. Алексеев—В. Е. Раев. 1851 г. Горьковский му- зей	106
В. Е. Раев—Останкино. Музей в Останкине	109
Автограф А. Д. Надеждина	110
В. Щегольков—Н. И. Лобачевский. 1820-е гг. Казан- ский университет	112
Автограф Н. М. Алексеева	113
Н. М. Алексеев—Рисунок пером	115
» Портрет собственного семейства. 1838 г. (?) ГТГ	117
Н. М. Алексеев—«Алеко». Автопортрет. 1859 г. ГТГ .	119
» Автопортрет. 1830-е гг.	121
В. С. Турин—Дом Казанского губернатора. 1822 г. ГРМ	126
В. Н. Бовин—Погорельцы. 1843 г. ГРМ	128
Автограф Н. Е. Рачкова	129

	<i>Стр.</i>
Н. Е. Рачков — На поле. ГРМ	131
» Девушка в старорусском наряде	133
» Этюд старухи. 1872 г. ГРМ	135
В. Г. Перов (?) — Молодой художник	139
Ф. Мелентьев — Жнец. 1843. ГРМ	143
» Семейный портрет художника. 1849 г.	146
Арзамас. Роспись в храме. С фото	153
» Роспись Духовской церкви. С фото	157
» Роспись б. дома Жевакина. С фото	159 и 173
» Духовская церковь. С фото	181

Вне текста

И. М. Горбунов — А. В. Ступин. 1809 г. ГРМ.	Фронтиспис
Н. М. Алексеев. — Художники. ГРМ	24— 25
Н. М. Алексеев — А. В. Ступин с учениками. 1838 г. ГРМ	32— 33
Р. А. Ступин — Портрет военного. 1828 г. Гос. Историче- ский музей. Москва	64— 65
Н. М. Алексеев — Автопортрет. 1845 г. ГРМ	112—113
» — Диана. 1846 г. ГРМ	124—125

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
АРЗАМАС КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВЕКА	13
А. В. СТУПИН (1776—1861)	20
ШКОЛА	40
ХРОНИКА ШКОЛЫ	58
УЧЕНИКИ АРЗАМАССКОЙ ШКОЛЫ:	
Иван Михайлович Горбунов	63
Рафаил Александрович Ступин	64
Семья художников Макаровых	78
Михаил Петрович Коринфский	88
Павел Петрович Веденецкий	94
Иван Кондратьевич Зайцев	100
Василий Егорович Раев	104
Афанасий Дмитриевич Надеждин	110
Владимир Щегольков	111
Николай Михайлович Алексеев	113
Василий Степанович Турин	125
Василий Никифорович Бовин	127
Николай Ефимович Рачков	129
Василий Григорьевич Перов	137
Наследие школы	141
ПРИЛОЖЕНИЯ	149
Словарь художников Арзамасской школы живописи	191
Библиография	198
Указатель имен	206
Перечень иллюстраций	212

Редактор
П. Т. Шипунов

Художественный редактор
Н. Г. Дембо

Художник
В. Д. Двораковский

Сдано в набор 30-VII-45 г. Подписано к печати 11 ноября 1946 г. М 06369.
„Искусство“ № 154. Печ. л. 13,5 + 6 вклеек. Тираж 5000 экз. Зак. 449.
21 тип. им. Ивана Федорова треста „Полиграфкнига“ ОГИЗ'а при Совете
Министров СССР. Ленинград, Звенигородская, 11.

